

R 12.4.414
3

საქართველოს
საქართველოს

Кн. А. Сумбатов

В М О Щ Н Ы Х О Б ' Я Т И Я Х

(Общая очертаня
117 лет русско-
грузинского об'-
единения)

Издание Грузинского Национального
==== Комитета в Петрограде ====

Петроград
1919

Кн. А. Сумбатов

В М О Щ Н Ы Х О Б ' Я Т И Я Х

(Общая очертания
117 лет русско-
грузинского об'-
единения)

6328-2000
00000000000000000000

Издание Грузинского Национального
Комитета в Петрограде

Петроград
1919

9750
11401
~~9740~~

В 124.414
3

900 ст. (22 x 14) [5. 47]

1

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ТИПОГРАФИЯ

2-я ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФИЯ. КРАСНАЯ (б. ГАЛЕРНАЯ) УЛ., 1.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Настоящая книга—приношение популярного в России и Грузии писателя и общественного деятеля на алтарь грузинского национального возрождения.

Почетный академик князь Александр Иванович Сумбатов большей частью своей жизни и наибольшим развитием своих сил принадлежит России, но истинный сын Грузии, впитавший в себя с детства все соки многовековых грузинских традиций, он с далекого севера пытливо всматривался в жизнь родной страны, трепетно прислушивался к величавым отзвукам героической борьбы Грузии за свое существование, к могучим движениям коллективной психики грузинского народа, более века бившегося в путах лицемерной окраинной политики, и как много лет тому назад в своей „Измене“ развернул глубину психологического прозрения грядущих судеб Грузии, так и теперь, когда Грузия стала свободной, он, искреннейший друг России, первый в России заговорил о правде Грузии, о ее праве на независимость.

К своей задаче—контурно изобразить те психологические, правовые и исторические основания, которые могут и должны лечь в основу защиты независимости Грузии на мирной конференции, маститый автор подошел с глубокой, можно сказать, чрезвычайной объективностью.

Общая картина грузинской судьбы, общий облик народа, его драма и его борьба представлены в верных образах и отражениях. И для тех, кто о Грузии не имеет понятия или имеет ложное представление, эта книжка дает возможность быстро и легко ознакомиться с ее обликом и с теми ситуациями, в которых она находится к окружающим ее странам.

Автор прибегает к ряду исторических параллелей, которые облегчают восприятие тех или других положений для людей, хотя бы в общих чертах знакомых с прошлым европейских стран и с историческим процессом их политического развития.

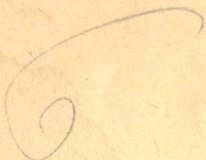
Наконец, автор старается предугадать те обвинения или недоумения, которые могут возникнуть при обсуждении вопроса о независимости Грузии, и заранее дает необходимую схему тех оснований, которыми опровергаются первые и разясняются вторые. Эти основания построены *беспартийно* и *беспристрастно*, значит, должны сослужить свою службу—поскольку вообще справедливость и право могут сдѣлать в вопросах политических выгод...

Книга эта писалась при тяжелых для автора условиях. „Лучшею для меня наградой,—писал автор, посылая рукопись,—будет, если эта книжка хоть немного принесет облегчение родной земле“.

В стремлении „принести облегчение родной земле“
в дни святого беспокойства всей грузинской нации за
судьбы Грузии, Грузинский Национальный Комитет в
Петрограде, глубоко благодарный автору, выпускает
в свет настоящую книгу.

А. Ч.

8 января 1919 г.

I

Если мы проследим судьбу Грузии на протяжении всей ее легендарной и документальной истории, мы вынесем тяжкое, но гордое впечатление. — Размеры статьи заставляют едва пунктирными очертаниями наметить путь, пройденный ею за две слишком тысячи лет, но этот пунктир, — почти сплошь кровавого цвета, — покажет, что ей приходилось платить столетиями борьбы за каждые несколько лет своего относительного покоя.

Говоря о защитной роли России для Европы от магометанского напора, В. О. Ключевский пишет: „сторожевая служба везде неблагодарна и скоро забывается, особенно когда она исправна: чем бдительнее охрана, тем спокойнее спится охраняемым и тем менее расположены они ценить жертвы своего покоя.“ В этих словах великого историка, приложенных к Грузии, слышится жуткое пророчество.

Действительно, от времен Помпея и его борьбы с Митридатом Понтийским и до наших времен Грузия несла эту сторожевую службу, обливаясь кровью, покрываясь ранами в борьбе за те начала,

которые были дороги для тех или иных ступеней мировой культуры в данные исторические эпохи. Даже при беглом обзоре грузинской двадцативековой жизни мы не можем не видеть, если захотим быть хоть в слабой степени беспристрастными, что крошечный народ, который история трактует с высоты милостивой снисходительности, всегда умел каким то интуитивным путем во всякой борьбе, выпадавшей на его историческую долю, становиться именно на ту сторону, которая отстаивала наивысшее культурное достижение своей эпохи: он был с римской культурой в эпоху Помпея Великого, когда ближайшим, а значит опаснейшим соседом его был Понтийский владыка; с христианской культурой, когда ее захлестывали бурные волны сперва огнепоклонников, затем могучего Ислама со всех стран света, с Каспийского и Черного морей, с шиитской Персии, с сунитской Турции. Всякий политический расчет, всякая мысль о своем благополучии и своей безопасности меркли перед внутренним чувством долга, звавшего его защищать попираемую насилием правду, долга, мало осознанного, но глубоко вросшего в душу народа.

Настал XIX век. Грузия добровольно и свободно соединилась с Россией, от непосредственного соседства с которой ее отделяли Кавказские горы, населенные племенами исламической веры, настолько воинственными, что для покорения их даже могучей тогда русской военной силе, только что прошедшей от Москвы до Парижа и дикто-

вавшей волю всей Европе, все таки понадобилось 60 с лишним лет. Но привычка борьбы за Крест, как за высший культурный символ, приобщавший ее к мировому прогрессу, к идеальным его задачам и целям, заставила Грузию забыть, что союз с Россией делает ее авангардом боевых столкновений своей новой покровительницы с Турцией и Персией, только что опустошившими страну.

Пока шла эта борьба с Исламом в одиночестве или в союзе с Россией, т. е. вплоть до 70-х годов XIX века, ни один из исторических памятников, ни одно предание или воспоминание современников не отмечает той разницы между грузинами и армянами, которая выросла и дошла до крупного разлада именно в последние два десятилетия прошлого века. И это понятно: пока историческая жизнь Грузии поглощалась единою целью защиты чисто религиозного символа культуры, т. е. христианства, до тех пор христианский же армянский народ, прослоивший собою Грузию, не мыслился иначе, как в тесном единении с коренными грузинами. Люди, перешедшие за 50-летний возраст, подтвердят, что как знатнейшие грузинские фамилии, так и крестьянские семьи сплошь и рядом роднились с армянскими и что ни о какой розни между грузинами и армянами в Закавказье до 80-ых годов не было и помина. Как один из людей этого возраста, я могу засвидетельствовать, что для меня, ушедшего именно с начала 80-ых годов в мир, далекий и чуждый политической и экономической жизни, была со-

вершенно неожиданной и долго непонятной та-
феерическая перемена во взаимных отношениях
между Грузинами и Армянами, которую произ-
вели 80-ые и 90-ые годы. Но неоспоримо, что
рознь между грузинским и армянским наро-
дами не есть рознь национальностей, а одна из
бесчисленных форм классовой борьбы на чисто
экономической почве. Этим и объясняется ее раз-
гар одновременно с широким распространением
социалистических учений по всему Закавказью за
последние 40 лет: совпадение знаменательное и
вполне объясняющее внезапность и силу вспых-
нувшей вражды. Но как бы ни было, надо со-
знаться, что грузино-армянская рознь—такой важ-
ный фактор в жизни Грузии, который не может
не отразиться на самом близком и насущном бу-
дущем нашей родины с тою же силою, с какою
отразился на близком же прошлом.

Религиозно-политический характер борьбы за
культуру к последней трети XIX века для Гру-
зии отпадает. Грузия вступает в тесное общение
с Европейским миром и находит в нем новый
лозунг борьбы—революционный социализм всех
родов и видов. Шестидесятые и семидесятые годы
вызывают исключительный наплыв грузинской
молодежи в Швейцарию, Францию и Германию.
Социалистические учения и идеалы врываются в
массовое сознание грузинской интеллигенции, за-
воёвывают ее почти всецело, проникают в народ-
ные глубины и распространяются в них с необы-
чайной быстротой, благодаря восприимчивости

грузинской природы с одной и тесной близости народных масс и грузинской интеллигенции с другой стороны. Наши студенты и эмигранты, возвращаясь на родину не „уходили в народ“, как их русские товарищи, а просто вливались в него так же естественно и просто, как просты и естественны были всегда все отношения между грузинскими „привилегированными“ и „непривилегированными“ классами. Вековой патриархальный строй, как бы презрительно на него не смотрели, установил, вместе с историческим боевым прошлым народа, такую тесную и неразрывную связь народных масс с их вождями или их детьми, которую не могли сгладить ни персидские или турецкие рабовладельческие нормы, ни сословные перегородки и собственно грузинского уклада, внесенные или узаконенные русской властью. В силу этого, между грузинскими условиями могут быть временные столкновения на почве материальных взаимоотношений, но никогда не может быть той, увы, бездонной пропасти, которая обнаружилась между русской, особенно великорусской, интеллигенцией и народом в наши страдные дни.

Прилив социалистических идей в Грузию произошел в иных условиях, чем в России. В последней ему предшествовала полувековая политическая борьба за принципы Великой Французской Революции. Права человека и гражданина, свобода мысли и личности — все эти понятия, чуждые русской жизни, осуществленные Англией

в 17-ом, Америкой в 18-ом веках и незыблемо формулированные Францией, принесенные на штыках Наполеоновских войск до Кремля,—все эти понятия уже давно, с незапамятных времен, жили в душе нашего народа, выявлялись в оригинальных и—конечно—зачастую неопределенных формах на всем пространстве его истории. Пусть в прошлой жизни Грузии, в ее законах и правах былых времен не было точных форм и формул для этих начал. Пусть и права, и свобода, и личность попирались то Тамерланом, то Хозроем, то Селимом, то Дондуковым-Корсаковым, то бандами юга и востока, то чиновниками севера,—но живые представления об этих незыблемых святынях человечества пробиваются сквозь самые густые и мрачные тучи, постоянно и разнообразно пропитывают собою все основы жизненного обихода Грузии, и, как мы увидим ниже из беглого очерка, видоизменяют и смягчают сословные, религиозные, имущественные и семейные нормы прошлых времен, разрушенные эволюционной и революционной борьбой европейской мысли XVIII и XIX веков. Поэтому те слабые попытки внести в Грузию до последней трети прошлого века начала *политического* протеста, которым жила Россия до эпохи реформ Александра II, были ей прежде всего не нужны, ибо широкое представление о свободе было прирожденным свойством нации, закрепленным 20-ю веками, но, разумеется не в тех рафинированных формах, какие мы встречаем в политических достижениях Запада. Кроме

того, какой политический протест был возможен для лояльной природы Грузина против государственного порядка страны, только что помогшей его родине встать на ноги после нашествия Мамед-Хана в 1795 году, когда Тифлис был почти уничтожен, Грузия опустошена, половина Грузин истреблена? Против страны, помогавшей ей в борьбе с враждебными горцами, наводнявшими своими набегами долины Куры и Алазани? А свое личное достоинство, свои права на духовную свободу своей личности Грузин умел и умеет защищать ценою жизни, не останавливаясь ни перед какою опасностью и ныне, и присно, и— будем верить—во веки веков. Междусословные преграды, даже крепостные отношения не носили той унижительной для человеческого достоинства формы, как в России, и сглаживались,—конечно, не утрачивая своего отрицательного характера,—личными свойствами и слуги и господина и их духовную близостью. Слова „розга“ не существует на грузинском языке, как не существовало и действия ею производимого, до тех пор, пока оно не было введено, как акт, необходимый для чиновничьего правосудия. Нет и слова „кнут“, ибо mathrahi, арапник всадника, если и прогуливался по плечам подчиненного, зато никогда не требовал для своего применения постыдного обнажения человека: это уже внесено более культурными нравами.

Эти отрывочные, пожалуй мелкие, но не лишённые характеристики, бытовые и исторические

Handwritten signature

примеры и штрихи объясняют то сравнительное равнодушие, с которым Грузия, соединившись с Россией, отнеслась к политической борьбе русского общества с правительством в первой половине XIX века за начала политического правосознания, выработанные Французской Революцией. Как это ни смело утверждать, но более глубокий и авторитетный исследователь грузинского прошлого мог бы доказать неопровержимее, чем могу это сделать я в настоящей сжатой конспективной статье, что *многое из того*, что должна была великая французская революция выставить на своих победных знаменах, как *новое* завоевание, уже *веками* служило основой грузинского мировоззрения и жизненным стимулом правоотношений. Например, запечатленные кровью десятков поколений грузинского народа набожность и крестоподвижничество не мешали широкой веротерпимости: Грузия не знала никогда гонения евреев, которые свободно жили и живут в грузинских селах и повсеместно. По грузински нет слова „жид“, есть единственное слово *ugia*—еврей, без малейшего оттенка, который придавал бы унижительный характер этому названию нации. Грузия никогда не знала борьбы господствующей церкви с иными христианскими вероучениями и сектами—так, например, и теперь, как и ранее, в семи верстах от Тифлиса, в селении Телеты, армяно-грегорианский монастырь во имя св. Георгия почитается православными грузинами наравне со своими святынями; его храмовой праздник в день Вознесения называется по всей

Грузии „Телетоба“ и привлекает паломников грузин отовсюду, в равном числе как и армян. О каких бы то ни было инквизиционных судах, о каком бы то ни было насилии над религиозной совестью нет и помина в истории и преданиях Грузии— страны во истину верующей не на словах, а на деле и на пространстве всего своего бытия. Борясь с Исламом за Крест, Грузия уважала и не касалась мечетей, не разрушала и не оскверняла их.

Выберу еще в разброд и намеренно бессистемно несколько наиболее характерных фактов, из самых разнообразных областей духовной и матерьяльной жизни прошлой Грузии, подтверждающих именно своим разнообразием и противоположностью областей, из которых они взяты, верность выставленного положения.

„Дух законов“ Монтескье в этом государстве,— жившем под вечной угрозой Персии и Турции, под их влиянием, во всяком случае не в „духе законов“,—переведен на грузинский язык и никем иным, как членом грузинской царской фамилии. Крепостные люди имели право покупать недвижимые имущества, укрепляя их по законным актам на свое имя, а не на имя помещика, как в России, и распоряжаться ими свободно. Хизаны, т. е. свободные крестьяне, занявшие на известных условиях земли у помещиков, не могли быть удалены никакою властью. Цензуры ни духовной, ни светской, ни костров для книг и их авторов Грузия не знала никогда. Никакой закон не стеснял права

свободного перехода в чужое подданство и на чужую службу, кроме закона совести и любви к родине. И если бы произошла французская революция в Грузии до начала XIX века, то избирателям не пришлось бы в своих cahiers упоминать о пресловутом droit de colombier или об отмене обязанности крестьян печь свой хлеб в пекарнях сеньера.—Таких отрывочных, но характерных особенностей, совершенно изменивших сущность феодалных порядков, можно набрать сотни: здесь довольно и приведенных.

Вот какую истерзанная Грузия соединилась с Россией на правах свободного слияния. Но немедленно же началось ее подведение под обще-имперский ранжим, безо всякого внимания к местным условиям, к прошлому, к быту, к верованиям, к мировоззрениям, к языку, к национальному чувству. К тому-же та многохвостая плеть до-реформенного чиновничества, под которою стонала вся Россия, направляла в большинстве случаев на Грузию свои самые гнусные бичи.—Пишущий эти строки застал еще в своей юности в суде, в гимназии, в администрации типы и лица, которые являлись—без преувеличения—*карикатурами* на Молчалиных и Сквозняк-Дмухановских, на Варравиных и Тарелкиных, на щедринских героев. Живя в семье, тесно связанной с многими передовыми людьми Грузии и России 50-ых и 60-ых годов, я не по газетным статьям и литературным обличениям, а в'явь наблюдал эти кариктуры, к горю Грузии и стыду России внедрявшие закон-

ность и право в „дикую“, по их просвещенному взгляду, страну... Нет места об этом вспоминать подробнее, но нельзя и умолчать об этом теперь, когда Грузия стоит на пороге своего нового существования. Было бы черной неблагодарностью не признать культурного влияния России на жизнь Грузии. Но было бы великой ложью, если бы кто либо стал утверждать, что это культурное влияние не парализовалось теми же условиями „неправды черной“, под которыми страдала вся дореформенная Россия, или что даже акт 1801 года был выполнен искренне и точно со стороны сильнейшего контрагента.

Итак, развивавшееся все сильнее и сильнее с начала XIX века в русском обществе и литературе политическое движение вызывало в первой половине XIX века только пассивное сочувствие Грузии, выражавшееся в теплом и сердечном отношении к русским опальным людям или изгнанникам, начиная с Грибоедова и Лермонтова и кончая молоканами и духоборами, и почти не привлекало к себе активных деятелей из грузинской молодежи и интеллектуальных сил. Резюмируя в кратких определениях разобранные причины этого явления, мы можем его объяснить во: 1) естественным чувством лояльности по отношению к России, которое заставляло Грузин считать несогласным со своею честью выступление с антиправительственной оппозицией против страны, только что протянувшей ей руку помощи в тяжкий час поражения, во 2) чувством высоко развитого со-

знания своей внутренней духовной свободы и сил ее отстоять во всех конкретных случаях, в 3) тою изолированностью от центров русской освободительной мысли, в которой находилась Грузия до 70-ых годов в силу и пространственных условий, и бюрократических застав и, наконец, в 4) естественною потребностью, хотя бы краткого, отдыха от вековых ужасов и погромов, который Грузия только что перенесла. Не забудем и того, что до Грузии доносилось едва слабое эхо великой европейской грозы, разбившей цепь абсолютизма, доносилось сквозь Николаевскую Россию, сквозь Турецкую деспотию, через необъятные пространства, по которым общение с центрами русской оппозиционной мысли производилось на перекладных, да и то с оказией, сквозь толстые подушки цензуры и жандармерии, заглушавшие всякий звук. Наконец истребленное наполовину население Грузии еще не успело выделить до 60-ых годов новых кадров своих молодых сил, всегда составляющих главные армии революционных движений.

II

С семидесятых годов прошлого века картина меняется.

Мне опять приходится в силу размеров статьи прибегать к пунктирным намечаниям важных явлений, изменивших за последние полвека все очерченные тем же пунктиром взаимоотношения России

и Грузии в первый период. Эти явления ждут своего научного исследователя. Материал для этого труда велик и богат, но требуется по истине исключительный талант, чтобы установить план его разработки и беспристрастное, но всестороннее освещение вопроса. Однако, это необходимо не только в научном интересе, но еще больше в жизненном. Не можем же мы закрывать глаза на то, что за 117 лет между обоими странами протянулись артерии, полные живой крови, которые нельзя перервать без истощения организма,—да не одной, а обеих стран, так долго живших единой жизнью; что никакие войны и революции не уменьшат и не увеличат расстояния от Куры до Москвы или Днепра и не сделают смежных соседей далекими и чуждыми друг другу; наконец, что близкое будущее требует отчетливого смысла столь же близких прошлых условий жизни, без знания и анализа которых всякая новая форма будет фантастическим созданием, не имеющим ни жизненной силы, ни реального значения. Вот почему до появления такого труда я решаюсь сделать попытку в самых сжатых и отрывочных формах наметить общие контуры вопроса. Грозный час, в который приходится это делать, пусть будет моим оправданием в глазах критиков этой статьи.

К 70-ым годам XIX века жизнь Грузии пришла к трем главнейшим положениям, а каждое из них вызвало определенные последствия. Рассмотрим их отдельно в связи с тем, чем ответила Грузия на каждое из них.

1. Освобожденная от многовековой, истощавшей все ее силы, борьбы с чуждой ее природе и духу исламической силой, приобщенная к одной из европейских форм государственности, — правда, наиболее архаической форме просвещенного абсолютизма, — но, все же, благодаря ей вошедшая в близкое общение с еврейской мыслью, хотя бы и сквозь сито русской бюрократии, получившая, хотя и далеко не совершенные, но все же не персидско-турецкие порядки правового ограждения и высшего просвещения, — Грузия увидела, что эти несомненные блага она приобретает ценою постепенной утраты своего национального облика; что ее язык, ее церковь, ее обычаи и мировоззрения, весь склад ее духовных богатств, за которые она билась двадцать веков и сумела пронести и сберечь сквозь муку и кровь, медленно, но верно стираются, вытравливаются умелю и опытною рукой, старательно и систематически выбрасываются из жизни; что все бесконечно дорогое национальному чувству, чего не мог истребить победный меч могучего ислама, может быть истреблено на веки, исподволь, постепенно, но с корнем и безвозвратно; что испытанная верность Грузии своей могучей покровительнице берется под оскорбительный надзор и постоянное подозрение всемогущими, после польского восстания 60-ых г., русскими публицистами известного лагеря, голос которых имел решающее значение в глазах высшей власти; что русское правительство всецело разделяет их взгляды и проводит их в жизнь своими мероприятиями; что грузин устра-

няют в огромной массе от мало-мальски влиятельных должностей по всем отраслям местного управления, отводя им эти места,—и то в единичных и редких случаях,—только в войсках; что насущные нужды и интересы „туземцев“ разрешаются людьми, явившимися в Грузию „на ловлю счастья и чинов“, ничем с нею не связанными; что, будто на зло, Грузия наводняется, на три четверти отбросами русской бюрократии, с которой не в силах бороться те честные и способные русские люди, которые случайно попадали в эту среду, как Жадов в компанию Юсовых, Вишневецких и Белогузовых. К этому надо еще добавить, что к концу семидесятых годов кончилась система назначения на пост Наместника Кавкасского лиц, хотя и поддерживавших общую политику обрусения, но искренно любивших прекрасную страну, любивших хотя бы романтически, и—нечего греха таить,—больше платонически, чем на деле, но все же облекавших политику обезличения в формы, не оскорблявшие национальной гордости так грубо и пристрастно, как это стало практиковаться в дальнейшем, после публицистического похода против Грузии, похода, ничем Грузией не вызванного, возникшего по капризу подозрительного ума, искавшего „польскую интригу“ во всех окраинах и отыскавшего ее в Грузии, где она и не ночевала.—Имена князей Воронцова, Барятинского и В. К. Михаила Николаевича сменяются именами князей Дондукова-Корсакова, Голицина и ...графини Воронцовой, фактического предпоследнего Намест-

R 124.414
3

ника Кавкасскаго.—Что эти люди любили в Грузии, кроме своей власти? Пусть будущий историк ответит на этот вопрос строго и беспристрастно. Я не хочу говорить бездоказательно, а доказательствами я не могу пестрить этой статьи: тогда выросла бы книга во много томов.

Это положение вызвало естественный отпор в окрестном за пол века отдыха от всяких нашествий грузинском обществе. И первую половину XIX века не молчала грузинская лира, но ее поэзия при всей своей яркости и любви к родине,— при всех ее красотах и при всей высоте дарований ее представителей,— не носила в себе того сознательного, мощного устремления к духовной борьбе за Грузию за ее значение, за сохранение и развитие ее умственных сокровищ, за всю ее сущность, как Грузинская литература последних 50—60 лет. Это был воистину новый бой за Грузию, подлинное продолжение двадцативекового боя ее прежних поколений, но только иным оружием. Умственное и литературное движение Грузии с 60-ых годов прошлого века до нашего времени укрепило до исключительной силы национальное самосознание; выдвинуло первостепенные литературные, художественные и артистические силы; создало влиятельную и убежденную публицистику; развило и обогатило язык до неузнаваемости и вместе с тем не оторвало его от народной речи, разрабатывая его на ее выразительности и образности; выдвинуло общественных деятелей перво-классного значения, бесстрашных и убежденных.

И эта же плеяда разных по политическим взглядам, по партийным убеждениям, по возрастам, по профессиям людей, но объединенных любовью к своей стране и ее культурным ценностям, сумела отстоять свою церковь, свое искусство, свою промышленность, свое хозяйство, все отрасли своей многогранной жизни, и все это при условиях большой партийной розни в своей собственной среде, при явной, — до самого последнего, уже военного времени — вражде имперского правительства ко всяким начинаниям грузинского характера, при самых ничтожных, сравнительно, материальных средствах. И одновременно с этим Грузия принимала выдающееся участие, пропорционально численности своего населения, в общей жизни России выделяла крупных деятелей в общеимперские законодательные учреждения, во все области общерусской служебной, общественной, научной художественной и литературной жизни, во все свободные профессии, в самые разнообразные, общерусские начинания. А роль Грузии в трех войнах — 1877, 1904 и 1914 г.г. — показала, насколько основательно было то политическое подозрение, которым наградили Грузию, как нацию, во всем ее целом русская бюрократия и ее барды. Грузинская молодежь переполняла русские университеты и высшие специальные школы, не порывая своей связи с Грузией, возвращаясь в огромном большинстве по окончании курса на родину — и к тому же почти без надежды найти у себя же дома применение полученных знаний в правитель-

ственных учреждениях, обслуживавших ее страну. А эти знания приобретались ценою таких лишений, таких жертв последними грошами со стороны семей учащих, о которых можно судить только тогда, когда...сам их испытал. Во всем этом деле боя за Грузию грузинская женщина шла плечо к плечу с грузином, и не даром прежний грузин воевал за нее против надвигавшегося на нее гарема: грузинка заплатила ему сполна своим прошлым и настоящим.

Это обрисованное здесь самыми общими контурами общественное движение носит чисто *национальный* характер и является естественным актом самосохранения, присущим всему живому и жизнеспособному. К тому же формы этого движения носили столь легальный и лояльный характер, что самый придирчивый судья в этой борьбе живого организма за право остаться самим собою не мог бы усмотреть ничего фактически преступного. Однако обвинение в „сепаратизме“ висело в воздухе, проникало во все отношения местных и центральных властей, к каждому отдельному проявлению национального самосохранения, пропитывало каждое правительственное мероприятие, влияло на разрешение вопросов общегосударственного порядка, задерживало распространение на Грузию целого ряда прогрессивных реформ: Грузия так и дожила до своей независимости без земства, без суда присяжных, без единого высшего учебного заведения, без автокефалии своей церкви, без размежевания земель и разрешения хизанского вопроса,

без выборных мировых судей, без преподавания грузинского языка в начальных школах. Не ручаюсь за последнее время, но в 70-ых годах, в единственной *Тифлисской* гимназии, из 30 еженедельных уроков грузинскому языку отдавался *один часовой урок*, при шести латинских и четырех греческих. Известно, что для окончательного истребления родного языка в начальных школах, по инициативе попечителей Яновского и Завадского, было введено т. наз. „наглядное обучение“ по системе директора народных училищ Левицкого. Учителя не смели объяснять, что бык называется „hari“ или дом „sahli“, а должны были показывать и быка и дом. Для более отвлеченных объяснений применялся тот же прием. Учитель не смел переводить на грузинский язык, напр., фразы „курица снесла яйцо“: он должен был присесть на корточки, прокудахтать по куриному и вытащить из под себя яйцо, показать его классу и затем заставить заучить приведенную фразу! Факт этот может быть подтвержден документально. Может ли ненависть к нации идти далее этого... учебного фарса? Со всем этим Грузия справилась, не только не утратив ничего из своих духовных богатств, но невероятно умножив и прочно укрепив свои национальные культурные силы. И достигла этого без восстаний и бунтов, лояльно выполняя свои обязательства общеимперских повинностей всех родов и видов, начиная с военной. Первое положение всецело лежало в плоскости национально-политической, и, как мы видели, Гру-

зия сумела разрешить его путем духовного напряжения, без катаклизмов и резких выступлений. Второе положение, к которому привели первые 60—70 лет единения, носит иной характер—лишенный строго национальной окраски, и вызывает иные последствия.

2. Я отметил в начале этой статьи почти полное неучастие грузинского элемента в общерусском политическом и общественном движении протестационно-освободительного характера, зародившемся в начале XIX века и разрешившемся реформами Имп. Александра II, которые устранили—вполне или отчасти, об этом не здесь говорить—наиболее назревшие болячки России: крепостное рабство, безобразный суд и рекрутчину. Но,—как это ни странно с первого взгляда,—эти реформы мало что изменили в правовом положении Грузии по разнообразным причинам, на которых надо остановиться, разумеется не с тою полнотою и не с тою обоснованностью, какие требуются для характеристики этих важных причин, вызвавших, в противоположность первой половине века, почти массовый прилив грузинской молодежи не только в оппозиционную, но и революционную Россию. Я должен опять повторить здесь—эта статья намечает только общие контуры вопроса о русско-грузинских взаимоотношениях, вызвана она моментом решающего значения, в который нельзя молчать, который повелительно требует не столько доказательного, сколько констатирующего приема в группировке фактов, освещающих те или дру-

гие положения и — главное — моментом, который не ждет.

а) Отмена крепостного права в Грузии не повлекла за собой такого резкого изменения во взаимоотношении сословий, какое оно вызвало в России, в силу, во первых—уже указанной разницы в самом характере крепостных отношений до освобождения, гораздо менее отделявших господ от крестьян, чем в России, во первых в силу того, что помещичьи владения в маленькой Грузии за редкими исключениями дробились на столь незначительные участки, при том почти всегда не размежеванные между десятками владельцев одной и той же или разных, хотя и родственных фамилий, что крестьянские наделы, особенно те, в которые не входили поливные земли и виноградники, являлись, в сущности, мифом. Если в необъятной России мужику „куренка выпустить было некуда“, то в Грузии все помещичьи курята оказывались в том же положении. Я не говорю о десятке-другом отдельных лиц из отдельных фамилий, обладавших действительно крупными латифундиями. Из этого получилось, что крестьянская реформа также мало изменила *экономический быт* всего населения, как и прежние *сословно-общественные и личные взаимоотношения*, особенно в виду знаменитого института о „временнообязанных“ крестьянах. Дробные и нераздельные владения землевладельцев в дворянских фамилиях от выделения наделов немногим уменьшились, так как их размер и до того — был микроскопически мал и дробился с

каждым поколением все больше и больше, а новые крестьянские участки также мало увеличились. Естественно, что при этих условиях получился результат, совершенно не похожий на русскую картину землевладения после реформы: в Грузии создано множество дворянских владений, размерами не превышающих крестьянские. На каждом шагу в Грузии можно найти представителей размножившихся знатнейших фамилий, обитающих в условиях и на пространстве владения своих бывших крепостных. Это явление, за единичными исключениями, повсеместное. Вместе с другими, вскользь отмеченными выше, причинами, оно еще более укрепило внутреннюю связь обоих сословий. Отец дворянин служит на второстепенной должности в Тифлисе, Гори, Телаве, в войсках, получает полторы, две—три тысячи в год, на которые содержит семью на месте службы, а сыновей—в университетах в Москве или Харькове или дочерей на высших курсах в Петербурге. — Дети в мае неизбежно приезжают в родную деревеньку и проводят лето в домике с такой же плоской земляной крышей, в тех же условиях обыденной жизни, как и крестьяне. Может быть, у потомка эриставов хлеб немного белее, но такой же пшеничный, сыр немного тоньше, но такой же овечий, ковер немного почище, но такой же цветистый, как у самого подлинного „гლეги — каци“ *). К этому же и в прошлом Грузии, до реформы 1864 г., не было

*) Крестьянин.

того резкого обособления, какое богатая земля Россия установила между дворянскими усадьбами и курными избами, той пропасти между помещиком и мужиком, которая была создана в России полутора вековым европеизированием высших ее классов, углубившим до неизмеримости резкую черту между условиями жизни обоих сословий; не было крупных пространств в сотни и тысячи десятин, с одним помещичьим центром особого русско-европейского типа, окруженным большими десятками, зачастую сотнями изб строго выдержанного стиля времен Аскольда и Дира.—Едва с 30-ых годов кое-где, в миниатюре, грузинский помещик, по настояниям побывавших в России сыновей, привозивших русских жен, или по совету чинов русской администрации,—строил себе дом, отдаленно напоминающий русские дворянские гнезда средней руки. Немного и немногие успели их построить за 20—30 лет Воронцова и Барятинского, и реформа застала грузинскую деревню в том же виде, в каком она застала бы русскую, если бы она была произведена—скажем в лучшем случае—при царе Алексее Михайловиче, когда разница в быте определялась разницею имущественного, а не сословного положения. Экономические последствия для Грузии великой реформы мы подробно рассмотрим ниже. Здесь нам надо отчетливо указать, как она отразилась на правовом положении обоих сословий, которых она коснулась, т. е. — в сущности — всех грузин, так как „третьего“ сословия в грузинском народе просто

не существовало, как мы увидим дальше. Желанное, неизбежное освобождение в тех формах, в каких оно произошло, вызвало повсеместно в России одни и те же положительные и отрицательные результаты. О положительных говорить нечего: крепостное рабство пало потому, что ему нигде и существовать и зародиться то не следовало, потому что оно и до сих пор лежит пятном на совести человечества. Отрицательные—тоже хорошо известны, и нет нужды и места о них здесь говорить. Те-же результаты, конечно, получились и для Грузии, но в своей положительной части—менее рельефные, как мы видели, а в своей отрицательной—более неблагоприятные, как мы увидим: эта квалификация и плюса и минуса лежит в национально-исторической плоскости. Но что было несомненно, так это то, что великая реформа усилила в Грузии зависимость обоих сословий от правительственной опеки до степени безвыходного всестороннего подчинения, явилась одним из самых могучих орудий ассимиляции и обезличения и, освободив грузин-крестьян от господства грузин-помещиков, закрепостила всю нацию вдвое прочнее. В самом деле: до реформы даровой труд крестьян создавал более или менее независимое в материальном отношении существование для помещиков. После реформы, при тех условиях, которые мы видели и увидим, „привилегированные“ классы Грузии вынуждены искать, как те же классы в России, разных „отхожих промыслов“. Но в России они этим не выходили из родной среды, не меняли

языка, не утрачивали национального облика. Для грузина-помещика единственным в эпоху освобождения „отхожим промыслом“ была русская служба: других не существовало во всем Закавказье. А служба, будь то гражданская или военная, требовала всесторонней руссификации и невольно своими условиями отрывала грузина-чиновника или офицера, доктора или адвоката от родной почвы, если не всецело, то в огромной доле всего его существа. Если же он уходил от службы, то ему приходилось искать своего „промысла“ уже вне Грузии, в России. Выходило то же на то же. Для крестьянского населения эти условия квалифицировались тем, что при охране всех своих прав—личных и имущественных—им лицом к лицу приходилось становиться к бесчисленным русским административным и судебным властям, от которых до реформы их заслонял их помещик, соблюдая, конечно, свои интересы, но защищая и их от чиновничьей расправы по чувству патриархальной связи, и личного гонора, т. к. в Грузии, издавна, оскорбить или притеснить слугу значило оскорбить и притеснить господина, и, наконец, по чувству соплеменника. Приобретая свободу и не только потеряв в помещике естественного защитника, но получив его уже в качестве противной стороны, как землевладельца, с которым надо было составлять уставные грамоты, размежевываться и т. д.—грузинский крестьянин оказывался всецело в руках русских властей, чуждых ему по психике и по языку. Волей-неволей надо было ему ассимилироваться,

как и бывшему барину, конечно по мере сил—гораздо менее, чем дворянству. Итак, благодаря разрыву „великой цепи“, осуществился великий принцип свободы, но правовое положение оторвавшихся друг от друга сил естественно ослабело настолько же, насколько окрепла идея централизации и власть метрополии над подчиненной окраиной. Благодатная реформа явилась клином, вогнанным в национальное единство.

б) Судебная реформа для Грузии всесторонне урезана. Дан был суд гласный, но без какого бы то ни было участия общественного элемента: без присяжных, без выборных мировых судей, даже без совѣта присяжных повѣренных округа Тифлисской судебной палаты, которая сама исполняла его роль. Между тем именно для Грузии введение общественного местного элемента в судебную процедуру было самой насущной потребностью. В делах уголовных, наиболее честному, наиболее просвещенному судье из русских универсантов и правоведов невозможно было отрешиться от своей психологии в оценке преступления и применения кары за него. Дело было не в том, кто был прав,—судья в своем выводе или осужденный и его близкие в своей критике приговора. Дело было в том, что один вид бородатого, смуглого, черноглазого, темпераментного подсудимого влиял на судью точно так-же, как сероглазый судья с бритым подбородком, а иногда к совершенному ужасу и недоумению какого-нибудь Шакро из Цхинвал или Луарсаба из Кончавет—с выбритыми

усами— влиял на подсудимого так, что оба они не понимали ни души, ни логики, ни языка друг друга. В 1870-ых годах некий Пфаф, назначенный на должность мирового судьи, кажется, в Озургеты с должности учителя истории в Тифлисской гимназии, человек честный и совестливый, проживший до своего назначения год или два в Тифлисе, через два месяца по приезде на место в свой мировой округ велел сторожу вынести все без исключения бумаги, дела и законы на улицу перед своей камерой и собственноручно их сжег, чем вызвал безумный восторг озургетцев и их соседей, после чего немедленно был отрешен, предан суду и, кажется, признан сумасшедшим.— Последнее слово подсудимого суд выслушивал через переводчика, а переводчиками состояли люди типа подъячих туземного происхождения, вравших в своих переводах до невозможности и по невежеству, и по недобросовестности. Я был сам свидетелем, как по одному делу об убийстве двух татар в драке за угнанных последними быков, один из подсудимых, грузин, заявил в последнем слове по-грузински, что не признает себя виновным, „потому что его отец обещал ему убить его самого, если он не вернет быков, которых он, отец, поручил его надзору“. Переводчик перевел ломанным русским языком: „Он говорит, что он и родного отца готов убить за быков“. Защитник из кандидатов на судебную должность, премилый молодой человек, знал по-грузински только слово „макоце“

(поцелуй меня). Перевод не возбудил с его стороны никаких возражений, со стороны суда никаких сомнений. Судьи пошли совещаться. К счастью, прокурор знал меня тогда еще гимназистом. Я кинулся к нему, объяснил в чем дело. Не помню, что он предпринял, но дело кончилось для подсудимого сравнительно благополучно — тюрьмой. Прокурор потом говорил моему отцу, что подсудимому грозила Сибирь в виду именно последнего слова. Я нарочно не говорю о том, что вменение в вину акта несомненно преступного по букве закона, даже по требованию нравственного порядка, но неизбежного для совершившего его по давлению бытовых условий, его вызвавших, при отсутствии общественного элемента в лице присяжных, производило массовое недоверие к самым справедливым судебным приговорам и, конечно, подрывало в корне авторитет и суда и самого закона.

В суде гражданском первенствующую роль играли межевые дела. Для всех грузин, которые прочтут эти строки, достаточно одного упоминания о межевых спорах, чтобы я мог не продолжать далее: до того эти процессы, во 1) доразорили и домучили Грузию, во 2) окончательно подорвали в ней доверие к правосудию, в 3) сделали сутяжничество любимым спортом и часто — выгодною профессиею. Для *не грузин* постараюсь сжато указать несколько, опять таки, отрывочных фактов. Почти не было межевого процесса, который не вызывал бы последствий уголовного характера.

Межевое Отделение Тифлисского или Кутаисского Окружных Судов было поставщиком доброй половины процессов, разрешавшихся в их уголовных отделениях. И совершенно напрасно было бы винить в этом пресловутый „кавказский темперамент“. Если бы дело было бы только в нем, то несомненно так называемые „романические“ преступления превышали бы числом преступления, так сказать, межевые. Между тем безошибочно можно установить между ними такое процентное отношение, при котором на одно романическое преступление—приходилось пятьдесят „межевых“. Фамилии, члены которых не убивали или не калечили бы друг друга или родственников и соседей в течение межевого разбирательства, надо считать столь же редким, как редки белые вороны. Селения, жившие в самых добрососедских отношениях до приезда межевых членов, немедленно после первой же повестки в межевое отделение суда оказывались „в состоянии войны“, со всеми ее последствиями — мобилизацией действующих сил, поджогами, вытоптаннами посевами, реквизицией скота и крупными потерями, как убитыми, так и ранеными, но с добавлением для уцелевших героев в виде эпилога военных действий судебных разбирательств уже в уголовном отделении того же суда, предварительного заключения в Метехе ¹⁾ и последующего препровождения в места более или менее отдаленные. Межевые процессы

¹⁾ Тюрьма в Тифлисе.

тянулись 50—60 лет, переходя из поколения в поколение, из канцелярий судов и палат дореформенных в межевые Отделения Окружных Судов и выше, по инстанциям. Когда уже в конце 80-ых годов назревала после Кушки отдаленная опасность войны съ Англией и возможность занятія Грузии англичанами, по всей Грузии ходила из уст в уста шутка одного из „межевых“ жертв, кн. К. М. О. „Наконец то кончится мой раздел с тетками!“ В земельном процессе князей Б. М. с кн-ями С., тянувшемся более 80-ти лет, в 50-ых годах были убиты кн. А. И. С. с женой, урожден. кн. Б. М., и тремя детьми; по тому же процессу в 70-ых годах был одним из кн. Б. М. ослеплен выстрелом дробью другой кн. Б. М.; в 80-ых годах был по тому же процессу ранен в самом здании суда 75-летний кн. Б. Н. 22-летним кн. С. При уголовном разборе последнего дела было выяснено, что покушение было вызвано оскорбительным поступком первого, произведенным им в заседании межевого отделения: получив от суда копию какого то межевого постановления, гордый и влиятельный магнат, кн. Б. М., повернулся задом к зеркалу и самым непристойным образом обошелся со врученным ему Судом актом, в самом заседании, что и взорвало молодого кн. С., увидевшего в этом поступке полное свое бессилие бороться с противником законным путем. Когда производилось следствие по обвинению кн. С. в покушении на жизнь кн. Б. М., то оказалось, что ни один из 3-х членов заседавшего Межевого Отделения *не видел*,

что сделал кн. Б. М. с переданной ему председателем из рук в руки бумагой и факт был установлен лишь показанием одного из благороднейших судебных деятелей, члена Тифлисской Судебной Палаты Я. И. Р-та, случайно зашедшего в межевой зал, и мелких сошек из секретарей, публики и т. д. Влияние Закавказской административной власти на межевой суд было подавляющее. Достаточно вспомнить прогремевшее дело лесных дач кн. Т-ых, прилегающих к крупному удельному имению, со всеми его трагическими последствиями.

в) Наконец, третья реформа, военная, более пятнадцати лет совсем не коснулась Грузии: грузины не подлежали общей воинской повинности.— Здесь не место судить о том, насколько это выделение отвечало интересам государства. Но нет сомнения, что задержка распространения военной реформы на Грузию была прямым следствием того недоверия правительства к лояльности народа, которое явилось результатом общей политики, отчетливо характеризуемой национальной травлей грузин указанной выше влиятельной, прямо надо сказать—официозной частью печати. К массе грузинского народа этого недоверия не замечалось в первой половине XIX века. Выделяя грузинское дворянство этой эпохи, почти поголовно служившее в русской армии, правительство не включало в рекрутчину грузинских крестьян, но образовывало из них милиционные кадры, несшие военную службу по мере надобности, выпол-

нявшие особые задачи. Нельзя не признать этой меры политическим актом вполне разумным и даже необычно гуманным в эпоху, гуманностью не страдавшую. Действительно, зачисление грузин в общую армию и их перевод из солнечного отечества в суровый климат северной России были бы равносильны почти поголовному их истреблению, особенно если принять в соображение условия тогдашней солдатчины. Но с распространением в 1887 г. воинской повинности на все население Закавказья взгляд изменился. Очевидно, было признано, что 3-х летняя действительная служба не может так губительно подействовать, как 25-летняя, на грузинские организмы. Я хочу верить, что этот мотив человеческой заботы о Грузии лег в основание измененного взгляда. Но при хладнокровном обсуждении многое говорит против вероятности этого предположения. Гуманный мотив в применении к подозрительному племени был сведен к нулю ясно подчеркнутым недоверием к верности Грузии русскому орлу: все грузинские новобранцы направлялись в полки, стоявшие в Петербургском, Московском и иных северных округах России, и никто из них не зачислялся в многочисленные полки, расположенные не только в Закавказьи, но и на северном Кавказе. Ярославль и Кострома, напротив, были переполнены южанами, испытывавшими тяжкие муки от губительных для них климатических и пищевых условий.

Вот совершенно объективный, но крайне сжатый, очерк судьбы великих реформ, примененных к

Грузии, реформ, явившихся для России запоздалым ответом на освободительное движение первой половины XIX века.

Ту же судьбу испытали на себе столь же важные, но не столь коренные преобразование и нововведение той же эпохи: Земское Положение, относительно раскрепощение науки, народное образование, наконец, — призрачное по существу, но громадное по сравнению с первою половиною века, — улучшение законоположений о свободе печати. — Как уже было указано, земство и высшие учебные заведения так и не добрались до Грузии, народное просвещение свелось к высиживанию учителями яиц в целях обрусения, а свобода печати... Но печать в России, очевидно, такой фрукт, который не по климату ни Киеву, ни Ташкенту, ни Москве, ни Тифлису, какой бы режим ни господствовал на всей территории бывшей Империи. Так лучше о ее свободе не упоминать. Все таки, относительно к тому моменту, когда я пишу эти строки, я должен отметить, что Грузия и тут была обделена, ибо так наз. Закавказский цензурный Комитет имел власть, позволявшую отменять разрешение его же непосредственного начальства — Петербургского Общеперского главного Управления по делам печати. Это сводилось к такой чиновничьей „автономии“, при которой свобода печати, по выражению Щедрина, „и не пикала“ в Тифлисе. Впрочем, как ныне, так и присно — (надо надеяться, все же не во веки веков) — всероссийские Гарун-Аль-Рашиды всяких фасовов, едино-

личные и коллективные, твердо установили принцип: чем подчиненнее инстанция, тем сильнее ее компетенция.

Второе положение, к которому пришла Грузия после первых 60-ти лет своего единения с Россией и которое мы теперь разбираем, после всего приведенного выше, обрисовывается в следующих контурах: уже как составная часть Империи, а не как особая народность, отношение к которой разобрано при анализе первого положения, Грузия в первый период своего объединения сторицею получила все те бедствия гражданского строя, которые тяготели над всей Россией. Но в силу того, что понятие единения быстро в первые же годы после акта 1801 года, по традиции русской политики с Иоанна III, превратилось в понятие владычества, эти общерусские бедствия легли на нее с особенною силою, были для нее, так сказать, квалифицированы и ее окраинным положением, и ее авангардной ролью в бесконечных русских войнах с востоком, и отчаянным даже для тех времен отбором массового чиновничества „со всею полнотою власти“ над „инородцами“ и „туземцами“, и тем обстоятельством, что чувство благодарности к своей бесспорной спасительнице от зверств Персии и Турции заставляло Грузию со всем мириться, отождествляя с непривычки разбираться в социально-политических вопросах,— Россию, как страну, с русским правительством, и, наконец, указанною уже оторванностью от центров русской оппозиционной мысли, не говоря уже об

оторванности от Европы. Реформы же Императора Александра II Грузия получила или в урезанном, или в искаженном, или неприспособленном к грузинскому существу виде или—совсем не получила.

А терпение приходило к концу: жилось невыносимо. Мы видели, чем ответила Грузия, как нация, на первое положение, созданное русской политикой обрусения: укреплением своего народного облика и духовных сил вполне закономерным путем. Разберем теперь, чем Грузия не как таковая, а как русская провинция, как член русского общества, ответила, после 60-ти лет невмешательства во взаимные счета страны и Правительства, на создавшееся для нее второе положение.

✦ Оторванность от центров умственного русского движения и от европейской жизни устранилась все больше и больше: молодежь, даже конвойная, не говоря об иной, заносила „заразу“ вольной мысли из Москвы и Петербурга за Кавказский хребет. Матерьяльные условия сообщения с Россией улучшались сперва с развитием почтовых, затем железнодорожных путей, с умиротворением гор и Кабарды. Могучая русская оригинальная и переводная литература просачивалась в Грузию на благодатную почву. Либеральные идеи 40-х и 60-х годов, которыми была проникнута русская книга, непосредственно или косвенно пропитывали грузинскую жизнь, все больше и больше ассимилируя ее с космополитической культурой. Грузинская учащаяся молодежь привозила с собою из русских университетов новые представления

о взаимоотношениях общества и Правительства, о глухой борьбе между ними, о новых стремлениях, о чаяниях лучших русских людей, о западно-европейской эволюции освободительных лозунгов. Как заметил читатель, я избегаю по возможности упоминания имен в этой статье, но князя Илью Чавчавадзе и кн. Акакия Церетелли, которых я знал в моем раннем детстве молодыми людьми, только что вернувшимися на родину по окончании ими курса в русских университетах, я должен здесь назвать: они оба были в то время, во второй половине 60-х годов, помимо их дальнейшей национально-культурной деятельности, наиболее яркими и высоко-одаренными представителями и выразителями общего типа многочисленной и разнообразной по взглядам и будущности грузинской молодежи, внесшей потоки новизны в старо-грузинский общественный уклад, в одно и то же время и любовно оберегая его лучшие заветы, его прекрасные бытовые и исторические черты, и вместе с тем видоизменяя и совершенствуя их идейную сущность. Очень хотелось бы остановиться подробнее на этом периоде светлого примирения патриархально-бытового начала с прогрессивными стремлениями примирения, объединившего отцов и детей Грузии и проведенного обидными сторонами далеко не так болезненно, как проходили попытки этого сближения в России. Но я не могу останавливаться на этом отрадном явлении, не отвлекаясь далеко в сторону от прямой задачи этой статьи.

Факт тот, что высшие по культуре классы Грузии, в лице своей молодежи, к 60-м годам прошлого века, слились с обще-русской культурной жизнью. Обрусение обернулось своею острою стороною против самих же обрусителей, и если большая часть культурной Грузии ушла во всестороннюю работу национального самосохранения и развития, очерченную в анализе первого положения, то в период подготовки к этой работе, в свои молодые годы, грузины широко приобщались к умственной жизни России, полной протеста всех форм, видов, партий и направлений, протеста, который неизбежно вел всеми путями, через всякие перипетии, к 1917 году. Из числа путей и дорог к этому исходу нам надо здесь прежде всего разобрать дорогу, наиболее кружную, через русскую эмиграцию, вобравшую в себя все определенно революционные элементы самых разнообразных толков и чтений, от Герцена до Бакунина и от Струве до Ленина, а затем уже общими контурами очертить и более близкую — русское общественное либерально-прогрессивное движение, которое развивалось и разрасталось все сильнее и сильнее, охватывало все большие и большие круги и в конце концов впитало в себя почти все маломальски культурные классы России. Понятно, почему я принимаю такой порядок: теперь решают судьбу русской революции и всей русской государственности в бывших центрах России первые, а не вторые силы. С них и начнем.

Уже давно, именно в эмиграционной и ссыльной, вообще нелегальной, части русского общества

политический характер назревавшей целый век русской революции стал делом глубоко второстепенным, неизбежной — правда — но только первой ступенью будущего переворота. Уж в 50—60 г. весь смысл и значение грядущей революции базировались на ее социалистической классовой окраске. Это было предрешено и провозглашалось полным голосом. Вся прогрессивно-общественная Россия знала это, может быть, боялась этого, но до того была проникнута ненавистью к произволу, который с одинаковою силою проступал и в самых реакционных и в самых смелых либеральных актах русского Имперского Правительства, что не хотела и думать о неизбежных судорожных катаклизмах будущей революции, программа которой давно была предрешена, лишь бы „буря грянула, что ли, чаша с краями полна“, как писал Некрасов. Все русское общество, его наука, литература, искусство, все его классы, за исключением может быть придворно-правительственных, так называемой — „камарильи“ и ея присных — и то далеко не в полном составе — словом все и всё, кто и что теперь без разбора свалены в общую кучу, названную „буржуазией“, готовили переворот всеми мерами, всеми силами, точно связанные знаменитой аннибаловой клятвою. Когда рухнул многовековой идол прежнего произвола, вместе с ним рухнули и те, кто его бил тараном изо всех сил. Робкие попытки Мартовского Временного Правительства поставить социальный вопрос на эволюционные рельсы были сметены без следа в пер-

вые же дни воинствующим и победным ярко-революционным социализмом, со дня на день последовательно выдвигавшим на вершину власти все более и более крайние партии. Тронулась неудержимая лавина, которую уже в будущем и самом близком не удерживает ничто: ни союзные договоры, ни опасность завоевания России беспощадной Германией, в случае ее победы, или озлобленными за измену союзниками, если победят они, ни угроза внутреннего распада колоссального государственного организма, ни страх исторического позора измены братьям по оружию в решительной или небывалой мировой войне, позора, который не может пройти даром в будущем, каково-бы оно ни было, ни общность вековой работы русской революционной силы со всеми бесчисленными прогрессивными своими единомышленниками и „друзьями справа“, ни разорение страны во всех смыслах и формах, начиная с разорения денежного и территориального и кончая невероятным понижением трудовой производительности, словом—никакие силы, никакие соображения ни реального, ни морального веса. Забушевали две стихии: стихия массового перевеса и стихия идейного фанатизма, а, пожалуй, и третья—стихия личной выгоды. Без следа, с первых же дней пропал бледный фон политической грунтовки исторических дней 1917 г. под густым слоем социальной окраски. Все неизбежные в настоящем и будущем проблемы политического характера сразу были поставлены в прямую подчиненность

и полную зависимость от исхода классовой борьбы во всем мире, от немедленного, — и опять таки — всемирного разрешения социально-экономических отношений на почве интернационала и классовой диктатуры. Как мимолетные тени исчезли недавние властители дум и даже господа положения. Люди крупного мужества, истинные воины за свободу и право, не отступавшие перед всемогуществом царизма, отдавшие все свои силы, все личные, духовные и материальные интересы делу освобождения, делившие некогда между собою горький хлеб эмиграции, ссылки или заключения, стали непримиримыми врагами. Оттенки и секты социализма воскресили оттенки и секты первых и средних веков христианства. Междуусобные религиозные войны, губившие людей в течение 18-ти веков, со дня, когда Христос сказал, что Он принес не мир, а мечь, на 20-м в. сменяются междуусобными войнами социалистических партий и, положив руку на сердце, в наиболее светлые минуты (*Lucida momenta* по медицинской терминологии) — каждый из вождей любой из них должен признать, что в приемах междуусобной борьбы они ни на йоту не отошли от приемов византийско-сирийско-египетской борьбы друг с другом ариан, монофизитов, иконоборцев, европейских средне и ново-вековых католиков, протестантов, альбигойцев, гугенотов, кальвинистов, пресвитериан, индепендентов, тысячи тысяч всяких мелких и крупных групп инаковерующих. Вновь средствами, решающими вопросы, что лучше и в чем

правда и счастье, являются однородные с прежними, но улучшенные орудия истребления: динамитная бомба вместо костра, револьвер вместо меча, винтовка вместо плахи и т. д. без конца.

Эту силу, которая в наши дни сумела вы-
явиться в такой решающей роли и в такой ре-
шительный для мировых судеб момент, грузин-
ская молодежь встретила на первых же шагах
своего сближения с русской. Когда грузинское
юношество 60-х и 70-х годов явилось в русские
университеты и курсы, или однородные с ними
учреждения Европы, особенно Швейцарии, оно
сразу попало в среду именно социалистического,
а не политического, уже сданного в архив, рево-
люционизма. Применяя социальные учения и те-
ории к своей родине, оно ясно усвоило себе от-
четливую мысль: эксплуатация в Грузии усили-
вается вдвое, втрое положением подвластной окра-
ины. Для того, чтобы ее народ мог вздохнуть
свободнее, необходимо, чтобы изменились социаль-
ные условия метрополии, или чтобы Грузия по-
лучила самостоятельное существование. Как бы
молоды и смелы ни были в своих надеждах и
грезах эти люди, но они знали и видели ясно,
что Россия настолько сильна, как единая держава,
так широко распространила свою власть на юг,
на восток, на запад, на север (Кавказский хребет),
вокруг их родины, что на последний исход нечего
и рассчитывать, еслибы даже о нем и мечталось.
Но, повторяю, и ниже докажу фактами, что этой

мечты не было, потому что для ее осуществления требовалось бы — по меньшей мере — объединение в одно целое грузин, армян, татар и всех горцев, чтобы составить хоть мало-мальски сильное и крупное сплоченное государство, которого не одолели бы, даже в случае отделения от России, старинные опекуны—Персия и Турция. А против этого объединения был и здравый смысл народа, который, конечно, не мирился с мыслью менять ястреба на кукушку, и религиозная, племенная и экономическая рознь, и разница степеней культуры, и, наконец, нелепость самой идеи такого объединения, ибо при первой попытке к нему любая из объединяющихся народностей одним почерком петербургского пера могла заселить сибирские тундры, где всем хватило бы места, а там объединяйся, пожалуй, на Лене или Енисее.

Да и без санкции и решительного активного содействия Европы нечего было об этом и думать, а между тем Грузия видела, что если даже Польша, гораздо более близкая к Европе и по духу, и по симпатиям и по географическому положению, не могла рассчитывать на это содействие, то Грузии, о которой и теперь то Европа имеет довольно смутное представление, смешно об этом и думать. Словом, мысль об отпадении от России была так всесторонне нелепа, что могла быть разве темою для охранительных статей и средством добиться для Грузии новых репрессий, открывавших их авторам, и вообще кому надо, путь к выслуге и карьере, но вовсе не реальной политической про-

граммою самых восторженных грузинских голов. — Таким образом для грузинской молодежи, принявшей социализм, как новую религию, оставался один путь—принять участие в деле общерусской, без различия племени, работе отдельных социалистических групп. Было ясно, что без утверждения социализма того или другого толка в России,— Грузии его не упрочить.

Социализм нашел в грузинских массах благодарную почву, в грузинской культурной молодежи—незаменимых по энергии и убежденности деятелей, в русской окраинной политике—наилучшие условия для своего развития, а в экономическом господстве армян — интенсивный толчек, ускоривший его распространение. С какой силой и быстротой новая религия охватила Грузию, показывает бесконечный ряд и крупных и мелких фактов. Возьмем по одному из каждого калибра.

Во все Государственные Думы Грузия посылала исключительно социалистов. Называть их имена, значит называть политических лидеров крайней левой первого Всероссийского Парламента с первых до последних дней его существования без перерыва. Посылка таких депутатов определенно указывала на господствующее настроение в самой Грузии, а занятое ими положение в Думах—на полное объединение всей социалистической России с социалистической Грузией, и на признание Грузии едва ли не очагом русского социализма. Это признание, как и объединение, еще более подчеркнуто ролью многих из грузин-

ских социалистов в первый период революции и 1917 года. Надо ли называть имена?

Следуя принятому в этой статье приему иллюстрировать тот или другой общий вывод, двумя или тремя отдельными, но по моему—характерными штрихами, я приведу один из фактов мелкого калибра, довольно яркий, который, кстати, осветит и своеобразное преломление социалистических лучей в грузинском сознании, преломление, несколько не ослабляющее их силу.

В самом начале текущего столетия образовывалось „Общество грузин в Москве“. Его инициатор и организатор, И. Н. Т., беседуя со мной о названии нашего Общества, сообщил мне, что многие из студентов—грузин, горячо встретив самую мысль его создания, все таки опасаются, не будет ли противоречить название „Общество *грузин*“, идее интернационала. На мой удивленный вопрос—кто же эти странные грузины?—он назвал мне ряд лиц, которых я знал хорошо, и могу подтвердить без колебания, что если бы от них потребовали жизни за год счастья Грузии, то они отдали бы ее не задумываясь. Некоторые из них доказали это на деле впоследствии. Шли годы. Социализм всех партий и фракций становился в России все сильнее и распространялся все шире и шире, особенно после японской войны. И лет через 12 после основания нашего Общества, председательствуя на одном из общих собраний, я вынужден был для его безопасности и целостности, так как на нас сильно косилась тогда московская адми-

нистрация, просить вести прения по русски, а не по грузински, зная, что малейшего предлога будет достаточно для закрытия Общества и что прения на нашем языке немедленно послужат этим предлогом. И, Боже мой, какой отпор встретила моя настойчивость со стороны наших интернационалистов, хотя мне в конце концов удалось их убедить! Но какого это труда стоило! Я считаю, что никогда не получал от моих соотечественников высшего доказательства симпатии и доверия ко мне, как в этот вечер: только благодаря этому доверию мы избежали грозившей опасности, в которой я был безусловно уверен, по многим данным. Но все таки долго на меня хмурились мои оппоненты, уже гораздо более убежденные прозелиты идеи интернационала, чем те, кто двенадцать лет тому назад опасался назвать нашу организацию „Обществом *грузин*“.

Я не даром сопоставил крупнейшее доказательство единения Грузии с Россией на социалистической платформе в Думе с этим происшествием, конечно, мелкого общественного масштаба. Оба они с равной убедительностью иллюстрируют разбираемое второе положение, к которому была приведена Грузия очерченными выше условиями своей новой гражданственности: к отчуждению от официальной России и к сближению с Россией революционной. Последний факт кроме того еще наводит на мысль, что даже для самого пламенного социалиста-грузина, главный член социалистического „Верую“ — интернационал — мыслится

не иначе, как в мистическом единении с бесконечно ему дорогим... национализмом. И если в связи с этим мы вспомним, что грузины—вожди социалистических русских думских партий, бросили в 1917 году посты председателей Советов, министерские портфели, руководство всероссийскими судьбами и вернулись в Грузию, как только был обеспечен социальный переворот в России—мы найдем в этом факте подтверждение того же мистически-гармонического слияния в душе грузини идеи всемирного гражданства,

„Когда народы, распри позабыв,

В единую семью соединятся“—

по грезам великого поэта, с беспредельной любовью к своей отчизне.

Она идет, впрочем, от корней вековой борьбы за родину, как за часть того великого целого, которое зовется культурным человечеством.

Кроме разобранного в самых общих чертах об'единения Грузии с революционной Россией, мы наблюдаем в последние 60 лет еще большее, еще теснейшее сближение ее с Россией эволюционной, в лице ее прогрессивного общества всех оттенков и всех либеральных партий.

По численности грузины составляли приблизительно одну восьмидесятую часть всех подданных Русской державы. Процентное отношение грузин в общественных, литературных, научных, художественных, профессиональных и всяких других кругах обще-русской интеллигенции много превосходило процентное их отношение ко всему

населению бывшей Империи, особенно если к перечисленным кругам мы присоединим тех грузин, которые, состоя на коронной, гражданской и военной службах, в новых судах, в высших и низших, общих и специальных учебных заведениях, или являясь сословными или общественными представителями самой Грузии и во многих местах России, или, наконец, занимаясь чисто частной деятельностью в области как сельского хозяйства, так и всяких городских предприятий,—принимали близкое участие во всей культурной и прогрессивной жизни России. Не надо доказывать, что с начала XIX века под влиянием самых разнообразных причин и факторов, эта жизнь приняла сплошь оппозиционный характер и образовала то, что называлось русскою общественностью, всегда бывшей антитезою русской власти, как земщина для опричнины. Революционная демократия нашей современности—логическое следствие работы русского общественного—а, значит, неизменно оппозиционного движения. А ее вожди—плоть от плоти и кровь от крови этой антитезы. Только благодаря ей создалась та атмосфера в России, без которой немислимы были бы настоящие революционные достижения и величайшие переломы в духовной жизни всего народа. В разладе между революционными напряжениями, доходящими до всех ужасов террора, и эволюционным прогрессом всегда и везде лежала причина следующей за революциями реакции; из этого разлада, всегда выростал некто третий, создавал нечто третье—

иногда новое, иногда повторное, но всегда губившее надолго и революционные и эволюционные достижения. А затем опять и опять, как в сказке про белого бычка, общественное движение подготавливало новую революцию, новая революция становилась в разлад с общественностью; и опять то же и опять... 93—ий год пожрал 89—ый, а Наполеон I пожрал оба.—48—ой год пожрал 30—ый, а Наполеон III—оба. Сотни революций всех веков и народов подтверждают роль этого разлада, которого—увы—до сих пор ни одной революции не удалось избежать. Утомление масс—такой же естественный закон, как и вечная неутомимость прогрессивной мысли. Благо от той революции, которая сумеет гением своих вождей направить энергию революционных масс на тесное единение с высшей культурой, которая свяжет их стихийную мощь с духовной мощью общественного разума.

В сближении с русским обществом для Грузии не было опасности утратить свою национальную физиономию. Напротив, русское общество всего XIX века, а особенно его второй половины, всегда на первый план из суммы своих освободительных идеалов, выдвигало идеал национальной свободы. Греция, Италия, Американские Штаты, Синая, Болгария, Сербия, Буры, Польша, все страны, чужие или входящие в состав России, в своей борьбе всегда имели на своей стороне горячие симпатии, встречали всякую поддержку словом и делом в русской прогрессивной мысли и в рус-

ском обществе. Оно зачастую вело за собою государственную власть. Хорошо это, или плохо,— отвечает ли это свойство русского общества его собственным интересам, совпадает ли оно со взглядами на этот вопрос других наций—для задач настоящей статьи безразлично. Но важно то, что это явление бесспорный факт, сильно двинувший Грузию на путь сближения. И не одни представители либерального русского большинства обладали этим свойством: часто самый заскорузлый профессиональный обруситель не мог устоять перед напором общественного мнения и внедряя, например, те или другие казенные мероприятия в Телаве, он с искренним восторгом извещался о победе Гарибальди над австрийскими войсками или возмущался ирландской политикой Англии.

Итак, второе положение, к которому пришла Грузия после первых 60 лет своего слияния с Россией, выразилось в том, что она подверглась всему, что было тяжкого в русской государственности для самой России, но в более жесткой и оскорбительной форме и — или не получила, а если получила, но в неизмеримо меньшем раз-
мере и в неизмеримо худшем виде, все, что в этой государственности было светлого и облегчающего. Грузия сознала это путем тяжелого и долгого опыта,—а сознав, ответила охлаждением к русскому правительству, но без всякого сепаративного стремления, и одновременным сближением с русскою прогрессивною общественностью— с одной стороны, и активным участием известного

процента своей молодежи, и процента очень значительного, в определенно революционном деле русской социал-политической борьбы—с другой.

Но мы должны здесь отметить один оттенок очень характерный грузинского участия в революционной партийной работе: в числе фактических исполнителей террористических актов, направленных на государственных центральных деятелей, не действовавших непосредственно в Грузии, *мы не встречаем имен грузинских революционеров*. Я не вхожу в оценку этого факта. Я только его отмечаю, считая его существенно важным показателем того, что даже самая убежденная партийность и самая партийная убежденность не могли превозмочь инстинктивного, природного отвращения грузинской души к тем приемам, которые были необходимым условием успеха террористического акта. Грузин не любит бить иначе, как в грудь. Зато и среди провокаторов азефовского типа мы тоже не встретим грузинского имени.

3. Наконец, третье положение, к которому пришла Грузия к 70-м годам было полное разорение народа, во всем его объеме.

II Что разорило Грузию? Грузинский характер, русское управление и армянский капитал. С каждым из этих факторов разорения в отдельности Грузия могла бы справиться. Но со всеми тремя ей было не под силу: один помогал другому и к концу 70-х годов она уже была разорена в лоск.

Грузинский характер сложился под влиянием всей истории Грузии: грузин вечно воевал,—и

воевал так сказать, всесословно. Не будет преувеличением, если мы скажем, что во время войн вооружалась вся мужская Грузия. Одним из подтверждений этого факта служит, между прочим, удержавшееся до конца, и, во всяком случае, до половины прошлого века очень знаменательное явление: грузинский крестьянин в большинстве случаев не собирал жатвы сам. *Он не умел жать.* В Грузии не косили, а жали хлеб и большею частью наемным трудом „Кро“,—турецких и персидских армян. Они приходили партиями ко времени жатвы и убирали грузинские поля ячменя и пшеницы. Такого странного явления—чтобы сам земледелец не убирал своего же посева,—нельзя объяснить ничем иным, как исторической привычкою во время жатвы вооружаться не серпом, а ружьем или саблей для ее защиты. Вследствие этой привычки, грузинский крестьянин в полосе к югу от Тифлиса, граничащей с Турцией и Персией, просто *не выучился* жать за весь период своей истории. Трудно объяснить это явление, хотя бы и не повсеместное, чем либо иным, как много-вековым поголовным ополчением. При условиях постоянной войны вырабатывались в грузине и своеобразное отношение ко всяким денежным и иным вещным ценностям, и привычка жить моментом. Эти оба условия дали своеобразный результат: пристально изучая природу грузина мы встретим в нем несомненную склонность рискнуть жизнью, или, во всяком случае, своею безопасностью, за те или иные ценности. Он веками научен, что люди

именно из за них дерутся и воюют. Они для него не безразличны. Но теми же веками он приучен и к тому, что коль скоро он их завоеует, столь же скоро их могут отвоевать и от него. Он приучен на них смотреть как на нечто непрочное, как на военную добычу, что оно случайное, скоро приходящее и столь же скоро уходящее, для получения и сбережения которого требуется не долгий и упорный труд, усидчивость, бережливость, расчет, а известная вспышка энергии. Мы и теперь замечаем, что в позднейший более мирный период своего существования грузинский народ, уже горьким опытом узнавший цену деньгам, предпочитает наиболее рискованные средства для их приобретения—чем, например, торговля. Он склонен основывать предприятия в подавляющем большинстве прогорающие. Банкир-грузин—существо настолько же редко попадающееся в природе, как петухи о трех ногах и, если уже продолжать орнитологическую параллель, очень напоминает в своих предприятиях того пеликана, который на бубновом тузе выщипывает пух и перья из собственной груди. Но если даже и удастся грузину стать относительным капиталистом, по редкому капризу фортуны, то во всяком случае не надолго: он исторически лишен навыка и сноровки удерживать добытые ценности. Вечная война, кроме того, приучила его к большому счету с настоящим, чем с будущим, к жажде использовать то мгновение, которое у него в руках, не думая о том, которое его ждет. Вряд-ли кто-нибудь сочтет все эти

свойства необходимым условием народного обогащения.

Иначе повернулась армянская судьба. Народ, тоже и храбрый и воинственный, и умевший долго отстаивать кровью свою веру наравне с Грузией, сохранивши ее и при падении своего самостоятельного существования, не был в силах сберечь своей территориальной независимости: его восточная часть давным давно была порабощена Персией, западная—Турцией и обе порабощены прочно, без всякой надежды, до последнего времени, на восстановление самостоятельной государственности политического целого. Те области Армении, персидской и турецкой, которые были отвоеваны Россией за XIX век у того или другого государства, перешли в русское обладание уже как провинции Персии и Турции, а не как единое целое, хотя бы и разоренное, не как самостоятельное государство, а как составные части других монархий, словом так же как в 1918 году могла бы Грузия, уже 117-ть лет русская провинция, попасть в немецкие или турецкие руки. Но и тут была бы огромная разница, настолько же огромная, насколько огромна разница между Россией XIX века, даже при всех отрицательных сторонах ее управления, и тою же Персией и Турцией прежних веков. Несчастливая наша сестра по судьбе и кресту—Армения—была в полном рабстве у своих завоевателей, не знавших по отношению к своей „Райе“ никаких законов человечности. Единственным исходом для армянского народа было выработать

в себе способность приспособляться к невыносимым условиям жизни: открытая борьба была бы определенным безумием и могла бы только привести к поголовному истреблению нации. Началась вековая эмиграция, и, конечно, прежде всего—в соседнюю Грузию, с которою Армения была связана тысячами нитей в прошлом и настоящем. Эта эмиграция была так обильна, что прослоила Грузию насквозь. Прослоила настолько глубоко, что во многом и сама ассимилировалась со своим убежищем, а с другой стороны—заняла в грузинском народе определенное и значительное положение. И до сих пор мы видим, что чисто грузинские армяне, главным образом осевшие в Тифлисе, не смотря на разлад с грузинами за последние полвека, не смотря на резко воинствующий национализм, гораздо ближе к нравам и обычаям Грузии, чем к обычаям армян Эривани или Ахалциха. А между крестьянами, зачастую смежными, нет и намека на вражду: их уравнивает однородность не только экономических, но и бытовых условий.

Однако, с приходом в Грузию и прослоением ее населения, армяне не могли отрешиться от тех национальных черт и от тех приемов самосохранения, которые выработались в них многовековыми условиями персо-турецкого порабощения. При постоянных нападениях на Грузию шахов или султанов—армяне, кроме того, не могли не сознать, что их открытое выступление против владык своих соотечественников, всего их народа, не при-

дет последнему даром. Затем как ни сжились они с Грузией, и как ни близко были связаны их личные интересы с чисто грузинскими, все же она была не их родная земля, а реальные их богатства были более портативны и много легче поэтому сберегаемы, чем посеы, виноградники и стада коренного населения. Наконец, вековое рабство и трепет перед беспощадно жестокими властителями их народа невольно и естественно ослабили их природное мужество. По всем этим причинам грузинские армяне постепенно заняли пустовавшее и отвечающее их национальному характеру место торгового сословия в Грузии со всеми его выгодами и невыгодами в воинственной стране. Выгоды понятны и без объяснений: кроме накопления денег, торговля развила в армянах и все те свойства, которые необходимы для сохранения добытых богатств и которых не на чем было выработать грузинам. Армяне стали расчетливы, предусмотрительны, бережливы и оборотисты. Невыгоды же вызывались тем отношением к торговле и промышленности, которое всегда замечается в странах с сильным преобладанием военного элемента и его господствующей ролью в государственной жизни. Вспомним недавнее русское прошлое и, хотя бы для примера, взгляды русского общества на офицера, женившегося на купеческой дочке. Но армянский эмиграционный элемент выделял в Грузию и родовитый класс своего старинного дворянства, который сливался с высшими классами Грузии в своем придворном,

военном, административном и феодально-правовом положении, не порывая однако связи со своей нацией, связи по крови, по религии и по имущественным интересам. Эти знатные армяне были патронами своих многочисленных соотечественников и заступниками за них перед Грузинскими государственными учреждениями и властями.

В таких взаимоотношениях находились армяне и грузины на грузинской территории к моменту слияния. Эти взаимоотношения особенно в виду непрерывных войн с горцами, Персией, Турцией в течение 60-ти—70-ти первых лет XIX века и благодаря сословному делению Грузии, подтвержденному русским законом и государственным строем, нисколько не изменились: дворянство и крестьянство составляли почти сплошь грузины, купечество и цеховое ремесленное сословие— почти сплошь армяне. Конечно, в Грузии и два последних сословия не могли обойтись без коренного элемента. Но он в них не превышал того процента, каковой в дворянстве и крестьянстве Грузии занимали армянские князья, дворяне и крестьяне. Надо еще заметить, что я говорю здесь собственно о той территории, которая определена в нынешнем году актом о независимости, как грузинская: в прошлом веке все Закавказье в обыкновенной речи часто целиком называлось Грузией и имело общую высшую администрацию и единственную столицу Тифлис.

К 70-мъ годам прошлаго века выяснились экономические результаты этого строя для всего чи-

сто грузинского населения городов и деревень по долинам Риона, Куры, Арагвы, Алазани. Результаты эти были крайне печальны для обоих грузинских сословий—для дворянства и крестьянства, т. е. в сущности, для всех грузин. Как отразились на их землевладении две из коренных реформ—освобождение крестьян и судебно-межевая, я попытался очертить выше и, мне кажется, гораздо более подробное и научно-доказательное исследование вопроса не ослабит, а усилит и подтвердит те общие выводы, к которым привела их эскизная, с птичьего полета, обрисовка в этой статье. Коснемся и других причин разорения в той же форме пунктирных намечаний.

Если мне удастся наметить только главнейшие вехи того пути, которым Грузия шла от момента слияния до момента объявления себя независимой, то задача моя будет исполнена. Проверка ее,—дело людей, ближе стоявших к самой гуще ее переживаний. Но, может быть, именно известное отдаление от этой гущи, выработанное характером моей профессиональной деятельности, привычка—обобщать явления, глубокий, непрерывный интерес ко всему крупному и мелкому, что переживала с 60-х годов до наших дней Грузия, интерес, который, помимо моей кровной связи с нею, вызывался незабываемыми личными впечатлениями моего детства и юности, может быть—все эти условия дадут настоящему очерку возможную верность в общей обрисовке положения—при намеренной контурности его очертаний, и возможную всесто-

ронность, хотя бы и придающую картине характер панорамы à vol d'oiseau, как я выше определил. Ведь для того, чтобы разработать недры Казбека или провести фуникулеры на его вершину,— нужно на месте приложить силы творчества и напряженный труд. Вся честь и слава тем, кто был прямым участником такой же гигантской работы над жизнью Грузии,—на мою долю этого счастья не выпало. Но для того, чтобы верно и широко зарисовывать очертания того же Казбека, не только лучше, но, пожалуй, необходимо стать от него на таком расстоянии, которое дало бы возможность взять его не в частности, а в целом, не одиноко, а в связи с остальной цепью хребта. Вот это положение выпало на мою долю и придало мне смелость взяться за настоящую работу в указанном направлении в такой момент, когда на мировых весах, на чашки которых брошены интересы всех народностей Европы, решается и вопрос — быть или не быть Грузии Грузией. В этот грозный и решительный момент я считаю объективность—необходимым, основным свойством, которое может придать какую либо ценность этому труду, и разбирая, даже подбирая черты и явления, а, особенно, делая из них выводы, я не хочу ни защищать, ни обвинять кого бы то ни было, а только группировать явления и освещать их результаты. Без объективного отношения к вопросу вся моя работа получила бы налет партийности или, еще хуже,—квасного патриотизма. Ни одного из этих налетов я не допущу, потому что,

по моему глубокому убеждению, малейшее при-
страстие отнимет всякую ценность настоящего
очерка. Довольно и того, что его относительная
эскизность сильно ее понижает.

Я пишу не для грузин: мои сородичи знают
все, о чем я говорю, так же, как я, и даже лучше
меня. Но моя сводка может помочь обществен-
ной мысли уяснить себе, хотя бы в крупных
общих чертах, все, что ускользало от нее в своей
целокупности или заслонено было более близкими
интересами. Мы имеем больше права на мировое
внимание, чем нам уделяют и чем требует спра-
ведливость, и это право основано на нашей исто-
рической роли, на наших народных свойствах и
на тех основаниях, которые я уже успел очертить
до сих пор и которыми мне еще предстоит занять
вдумчивое внимание читателя. Я прошу простить
мне это отступление, необходимое именно здесь
ввиду того, что я должен коснуться, что бы закон-
чить этот отдел, очень остро и наболевшего во-
проса о армяно-грузинских взаимоотношениях эконо-
мического характера, поскольку они развивались
в зависимости от русского правительственного
влияния в течение рассматриваемой эпохи. Здесь
строгая объективность—условие более, чем важное:
необходимое.

К 70-ым годам XIX века, когда социализм во
всем мире стал уже господствующей новой рели-
гией, заслонил экономическими интересами все
остальные, в Грузии столкнулись две нации: одна—
богатая материальными благами и свойствами ха-

рактера, необходимыми для их накопления и сохранения, и другая—в конец разоренная и лишённая не только этих свойств, но и возможности их выработать в себе при той обстановке, в которой ей приходилось существовать. Первая—нация пришлая на грузинскую землю, вторая—коренная, связанная со своей землею не только древним правом хозяина, но и неустанной борьбою за каждую её пядь.

Грузин без различия сословий жил исключительно с этой земли. Дворянство, кроме того, как и во всей России, в значительной своей массе служило в военной или гражданской службе. Но эта служба требовала жизни в городах, а эта жизнь поглощала целиком получаемое по службе вознаграждение и неизбежно приводила к долгам в силу того, что его не хватало нигде и никогда всему низшему и среднему служилому классу на всем пространстве великой России. Этот факт не требует подтверждений, эта аксиома всем известная. Никто не станет отрицать, что хитрым и сложным механизмом повседневной жизни более или менее и во всем мире, а в России особенно, было твердо установлено, что сколько бы человек ни зарабатывал, какой колоссальный труд ни выпал бы на его долю,—все условия быта, все цены на продукты, решительно весь склад существования вымолачивал из него все, что он получал за свой труд, до последнего зерна, вводил его в долги и надрывал его силы. Совершался круговорот: человек работает головой или руками, нервами или

мускулами, пером или плугом, и этим вырабатывает вещественные или невещественные ценности, необходимые для общего потребления—а значит— в известной доле и для него самого, и для его семьи. Но ценности, им выработанные, поступают в распоряжение того, у кого или власть или деньги, потому что труд, произведший ценности духовные или материальные, всегда или ими вынужден, как повинность, или ими оплачен. А для того, чтобы трудящийся—интеллектуально или физически—мог обратно получить из рук власти или предпринимателя все то, что ему необходимо для жизни из числа им же самим выработанных или добытых ценностей, он должен всегда затрачивать гораздо больше меновых знаков, чем он получил за свой труд. Эта неумолимая машина устроена так хитро и ловко, что человеку никак из нее не выбиться. Под колеса этой машины втягивали всех без различия, трудящихся, от доктора, судьи или чиновника до последнего поденщика, от помещика до крестьянина, и требования общежития, и развившиеся до степени неодолимости условия того круга или класса, к которому они принадлежали, и выработанные этою принадлежностью привычки, которые органически срослись с существом потребителя, и затраты, которые были настоятельно ему необходимы по условиям его работы. Производитель ценностей, работник, всегда является одновременно потребителем, образует свою массу т. наз. рынок, всегда работающий на посредников или предпринимателей—будь

то отдельные личности, классы или государство. И в русских дворянских, служилых, рабочих и крестьянских сословиях эта машина действовала во всю: долги и недоимки, вызывавшие в конце концов переход в казну или в руки купцов и финансистов земель, лесов и всяких сельских угодий, как и городских имуществ, были явлением повсеместным. Но все же на необъятном русском приволье, объединенном к тому же одним языком, легче было выбиться из когтей нужды и найти применение трудовой энергии. Грузины лишены были этой возможности—и если русское управление не применяло к ним уклонений в худшую сторону от своей общей экономической политики, то ни с какой стороны и не помогало своим грузинским подданным в этом безвыходном положении: вся Грузия, как мы выше отметили, страдала от межевых порядков и бесконечно тянувшихся процессов. Факт общеизвестный, что личный состав межевых и судебных сил, не только качеством, но главное—даже количеством—не удовлетворял в самой минимальной степени вопиющей нужде в упорядочении всех видов и форм землевладения и землепользования. Служащие на русской службе грузины в 99% своей численности не могли выбиться из той полосы военных и гражданских должностей, члены которых оплачивались нищенским вознаграждением. Природные колоссальные богатства Закавказья оставались нетронутыми, а это лишало страну не только денежного притока, но и возможности приемнения тру-

довой силы и получения заработка. Лучшие земли, покрытые лесами, виноградниками и полевыми угодьями, так или иначе переходили в казну или большею частью в уделы (Боржом, Самухрано, Кахетинские владения). Мелиорационная поддержка сводилась к нулю: земли Грузии на три четверти бесплодны потому, что они не орошаются, а между тем ее волнистая поверхность, не говоря уже о крупных высотах, могла бы превратить, при самом поверхностном внимании к этому делу первостепенной важности, все грузинские поля в поливные земли. О разработке недр и поверхности в более сложных формах нечего и говорить—ее не было. Серные источники Тифлиса объявлены только лет восемь или десять тому назад квалифицированными в государственном отношении, как целебные, но еще в 1916 году, когда я был в последний раз в Тифлисе, знаменитые тифлисские бани только и служили для омоновения телес, как и в моем детстве в 60-х годах. Черноморское побережье близ самого моря стало уделом правительственной спекуляции, а несметные по богатству вековые леса на обступивших берег горах так и стоят во всей своей неприкосновенности, ожидая, вероятно, тех же англичан для своей разработки, на которых кн. К. М. О. рассчитывал для окончания своего размежевания с тетками. Проводя изумительные шоссейные дороги для военных надобностей, русское управление не пробило ни одной тропинки, которая бы облегчила сообщения деревни с городскими центрами.

Переходя к более общим государственным мерам по земельному делу Грузии, нельзя не указать на ту же покровительственную систему по отношению к крупному землевладению, которая заставила, до переворота, считать на всем пространстве России обширные латифундии—объектом исключительного попечения, а кадетскую программу принудительного отчуждения за справедливое вознаграждение — революционным актом исключительного напряжения. Правда, что латифундии чаще всего переходили в конце концов, так или иначе или в казну, или в уделы, или в руки более денежные, чем руки родовитых грузин. Но от этого для имущественного положения грузинской нации получается только лишний минус: латифундии сохраняют свой характер принадлежности одному владельцу, влияя этим на безземельность земледельческого класса, уменьшая его площадь, но уже выходят совсем из счета грузинских земель. Ни одного высшего технического, специального или сельско-хозяйственного учебного заведения, как мы знаем, в Грузии не основано. Средние и низшие были предоставлены частной инициативе и она нашла среди самих грузин таких же энергичных и прямо-самоотверженных деятелей, как и в других областях национального строительства. Грешно было бы не отметить Цинандзгвариан - карскую сельско-хозяйственную школу, всецело обязанную своей материальной обеспеченностью и своим развитием средствам, энергии и любви к родине своего основателя Ильи

Ив. Цинамдгварова, который и положил в нее свои скромные средства, и свои еще более скромные сбережения из 200 рублевого ежемесячного жалования Мирowego Судьи, и всю свою долгую плодотворную жизнь.

Не мудрено, что при этих условиях социалистические начала были приняты в Грузии, как дождь в засуху, и пропитали насквозь все ее население. Ни одного буфера не противопоставила их напору общегосударственная политика старого строя, кроме суровых, но бесплодных, как оказалось, карательных мер против адептов социализма. Наконец деньги, как меновые знаки, отпускались в оборот Грузии с исключительной умеренностью, много превосходившею даже вообще незначительное количество таковых для России.

Из всего сказанного видно, что Грузия и в области экономической, государственно-хозяйственной политики правительства была обделена не меньше, чем в остальных областях его мероприятий, в виду особых условий своего существования, географической отдаленности от русской жизни, затерянности среди других племен Закавказья,— в виду того, что грузинский язык ограничивал слишком малым пространством тот круг, в котором она могла бы применить свои народные силы. Все это опять таки и здесь, как и в других сторонах местной жизни, ставило грузин в худшее положение, чем кого бы то ни было в коренной России, и правительственная политика в земельно-имущественном вопросе грозила обезземелением

всему населению, что равнялось для всего народа фактической утратой родной территории, с таким трудом отбитой у восточных монархий двадцати вековой борьбой. Эта политика ставила Грузию в такую позицию, при которой борьба не только за свою землю, но даже за минимальную обеспеченность своего существования становилась одинаково непосильною для всех грузин—без всякого сословного, образовательного и классового различия, для всех профессий, для всех трудовых форм. Офицер и судья, помещик и крестьянин, рабочий и писарь—кто бы он ни был, но раз это грузин—он в Грузии был непременно в долгах, непременно эти долги вели его неуклонно к продаже своего садика, к закладу своего домика, к исполнительным листам, к неустойчивым записям, к распродаже своего вина, хлеба, сена, скота, к вечному хроническому безденежью. И не мудрено: их предки целыми поколениями не имели *времени*, просто времени, для какого либо устройства своей материальной жизни. Они вечно воевали, пока армяне торговали и поставляли. Когда Россия протянула Грузии свою могучую руку помощи, непрерывная война с соседями, точившими на Грузию свои зубы, если и не прекратилась, то приняла все же такой характер, при котором часть грузинских сил и времени могла быть отдана их земле, но только часть, ибо Грузия все таки все первые 70 л. была русскою военною базой и по инерции все наиболее активные свои силы выделяла той же войне. И опять таки, в эти десяти-

летия торговый класс Грузии, сплошь состоявший, как и раньше, из армян, богател, развивал свои промышленные предприятия, и совершенствовал свои коммерческие приемы и способности, пока дворяне служили и выслуживали на войне жалкие пенсии и раны, на гражданской службе—жалкие пенсии и геморрой, а крестьяне на всякой службе—ничего. Земля до реформы обрабатывалась, как и по всей России, скверно, но приносила кое-что благодаря даровому труду и относительной внешней безопасности. Но, конечно, никаких накоплений богатств она дать не могла ни владельцу, ни работнику. После крестьянской реформы для обработки микроскопических земельных владений, и дворянских и крестьянских, потребовались уже деньги и не малые. Жизнь развивалась, предъявляла все новые и новые требования, а средств ни для жизни, ни для хозяйственных улучшений, требовавших оборотного капитала, накоплено не было. Дворянину нужны были тысячи или десятки тысяч рублей—он закладывал имения в Приказ Общественного Призрения по первой закладной, а у единственных имевшихся капиталистов-армян—по второй и третьей. Крестьянину понадобились десятки или единицы рублей—для него Приказа не существовало, права залога надела тоже, но у него были небольшие ненадельные „венахи“ (садики, виноградники) и они шли к тому же капиталисту в залог уже по первым закладным или „в вечность“ прямо по купчей. Все это было в правовом духе эпохи, все эти, говоря новым модным

словом—контакты естественно вытекали из жизненных условий, и было бы крайней несправедливостью утверждать, что тут участвовала эксплуатация одной нацией другой нации: тут имел место только вполне логический результат исторически сложившихся правопонятий и взаимоотношений. Та же картина наблюдалась в Западной Европе, когда и феодалы, и все сельское население попали в экономическую зависимость городов. Параллель эта вполне подходящая, ибо Грузия в XIX веке имела много общего с Европой XIV и XV веков. Но параллель — параллелью, а долги, проценты, неустойки, повинности, налоги прямые и косвенные—косвенные в особенности—сами собою. Они росли из года в год, как ком снега, сорвавшийся с вершины, вырастает в лавину, и, подобно ей, насыпали и большие поместья, и крошечные садики. Деньги были страшно ценны, сельские продукты—невероятно дешевы, в диаметрально противоположность тому, что мы видим теперь. Но все, что нужно было и барину, служившему в Тифлисе, и крестьянину, жившему в Кикетах, и что не составляло сельского продукта, было относительно так дорого, что например, землевладельцу надо было продать 50 баранов, чтобы сделать себе одну сюртучную пару, или 500 бутылок вина, чтобы заплатить за „право учения“ сына в гимназии в полугодие, а земледельцу на весь приход, с 15-ти баранов, 3-х дневного паханья (1 $\frac{1}{3}$ десятины) и—скажем—3-х „кок“ ¹⁾ кислого вина надо было про-

¹⁾ Мера вина.

кормить семью, оплатить повинности и всякие поборы, да проценты и неустойки по долговым „баратам“ (распискам). Вряд ли, что либо оставалось после всего этого на „мелиорацию“ и земле-владельцу и земледельцу. Картина знакомая Рос-сии, но осложненная местными условиями. Капи-талист являлся неизбежным исходом, а исходом из этого исхода—безвыходная денежная кабала, а исходом кабалы—переход земли в руки тех, у кого были деньги. Ясно, что национальность заимо-давцев и должников решительно непричем в тех неизбежных столкновениях, которые непременно должны возникнуть при указанных исходах этого порядка.

Легко сваливать причину разорения на ши-рокую грузинскую натуру. Но ведь если бы не эта натура, сложившаяся под влиянием боевого про-шлого, то границы Азиатских Монархий, и без того к концу XVIII века заходившие далеко се-вернее Батума на Черном, и Дербента на Каспий-ском море и замыкавшие своими железными обя-тиями единственную страну, которая боролась и не сдалась—эти границы плотною стеною подсту-пили бы к самому Кавказскому хребту вплоть и слились бы с его исламическим элементом в одно грозное целое. Не думаю, чтобы кавказские горы, и без того стоившие России более $\frac{1}{2}$ века борьбы, могли пасть без тылового обхода через Грузию, возмож-ного только при условии, что Картльское племя отстояло свою территорию ценою гибели половины своего населения, или чтобы персидские и турец-

кие армянские области без русской военной базы в Грузии могли быть отторгнуты от их метрополии, а значит могли бы избежать участи нынешней Турецкой Армении, или чтобы весь юг Европейской России не был в постоянной опасности от сплоченных верою и фанатизмом соединенных сил Турции и племен горного Кавказа, Персии и восточных Ханств. Грузия свою сторожевую службу могла исполнить именно благодаря тем своим свойствам, которые, к числу других ее бедствий, прибавили еще опасность экономического порабощения и утраты своей территории именно тогда, когда ей стала улыбаться робкая надежда на покой и мирное развитие на своей—если не в политическом, то в юридическом смысле—*своей* земле.

Прав великий историк: „сторожевая служба везде неблагодарна и скоро забывается“. Можно было бы добавить: и часто даже ставится в вину.

Но допустим, что характерные свойства грузин, хотя и не отвечающие требованиям капиталистического преуспевания, каким либо чудом изменились, и к 60-ым и 70-ым годам прошлого века грузинский народ, справившись со своими коммерческими недостатками, захотел бы приложить свои силы к торговле, к промышленным оборотам, к финансовой деятельности вообще. Как ему было к этому приступить, не обладая главным, если не единственным оружием борьбы с могущественным соперником на этом поприще—каким бы то ни было капиталом, или даже мало мальски легким кредитом? К тому времени все денежные силы уже

прочно сосредоточились в руках армян, как единственного торгового и промышленного сословия Грузии, и грузин мог биться на новой арене борьбы, хотя бескровной, но не менее гибельной, чем кровавая, только пользуясь в качестве оружия неразмежеванными, неразделенными, спорными и задолженными кругом землями, обладавшими тою доходностью, какую определяли могучие деньги, установившие такие цены на сельские продукты, которые не оправдывали даже труда на их получение с земли и, конечно, не приносили владельцу хотя бы минимальной земельной ренты. Если назвать цены на земли в Грузии в 70-ых годах, а может быть и много позднее, то приходится изумляться, как не нашлось какого либо предприимчивого богатого американца, который просто скупил бы всю Грузию, выбросив несколько лишних миллионов, чтобы получать вскоре миллиарды! Риска не было никакого: страна—благодатная, рабочей силе податься некуда от родного, затертого горами угла, русская власть предоставляла все гарантии для охраны законных юридических прав хотя бы военной силой...

Наконец, без всяких фантастических предположений, поищем, где, в каком углу России—земельное дело, иначе как в исключительных случаях, обогащало помещика или крестьянина. За счет труда земледельца и прав землевладельца, за счет натуральных продуктов всегда обогащались третьи лица всякого рода. Иначе говоря — промышленность добывающая всегда

являлась обделенною и забитою силами промышленности обрабатывающей, а ее продукты—за-дешево получаемым из первых рук товаром для торговых предприятий или материалом для фабрик и заводов. Так и было в Грузии. Повторяю еще раз,—вспыхнувшая рознь грузин и армян есть ни что иное, как неизбежное в известных условиях следствие противоположности интересов представителей земельного труда и даже земельных прав с интересами представителей торговли или обрабатывающей промышленности, как фактических обладателей финансовой силы. Особые условия, тесная близость на тесном пространстве и беспорная победа денег над правами, исторически сросшимися с грузинским сознанием, довели армяно-грузинскую *сословную*, даже вернее, *классовую рознь* до силы почти племенной *вражды*, то разгорающейся, то стихающей под влиянием то неустойчивости, то уступок той или другой стороны. Но превзошел еще один мотив.

С обогащением и с присоединением к России армянских областей Турции и Персии естественно поднялась в армянах и жажда полного политического возрождения, но, к сожалению, это благородное стремление вызвало чрезмерное посягательство на исконные пределы Грузии. Постепенно денежное преобладание дало в ней армянскому элементу не одно денежное, но и территориальное преобладание: множество грузинских земель перешло в его руки указанным путем, вполне законным с точки зрения повсюду существующего, кроме

северных коммун России, права, если бы этот путь не был проведен в условиях, которые очерчены выше и которых нельзя признать нормальными для строгого применения правовых начал. Этим же путем ¹¹/₁₂ всего числа домов в Тифлисе оказалась в руках армян. Территориальное сельское и городское преобладание привело и к преобладанию их в областях политического влияния, общественного управления и во всех сторонах местной жизни Грузии в ущерб коренному населению. Произошло неизбежное столкновение. Русская нивелирующая правительственная политика подогрела в 80-ых, 90-ых и позднейших годах эту распрю: подавляя одною рукою резко и решительно всякие поползновения армян к восстановлению своей политической независимости (поползновения определенно сепаративной окраски в их революционных партиях и более компромиссной в их остальной массе), — высшая центральная и местная правительственная власть другою рукою всячески поддерживала их, как богатейшее сословие, как класс преобладающего имущественного влияния в Закавказьи. Аналогичная политика применялась и к грузинам: совершенно не сепаративное, но резко очерченное национальное стремление к сохранению всех сторон грузинской самобытности от обезличивающей руссификации всего населения Грузии и работа революционных ее элементов над распространением социалистических учений, подавлялись одинаково беспощадно одною рукою, а другая покровительственно ласкала обнищавших грузин всех со-

словий и классов, как безусловно надежный элемент, если дело дойдет до войны, и вообще, как людей, искренних даже в своей оппозиции, открытых и неспособных из за любви к своей стране ненавидеть другие, а тем меньше Россию, как ни солоно им приходилось от ее порядков и государственной муштры.

У меня нет оснований верить довольно распространенному и в России и в Грузии мнению, что грузино-армянские трения вызывались местными властями. Не отрицая возможности пользования ими этою системою в отдельных моментах административных затруднений, или по каким бы то ни было соображениям личного свойства, надо все-таки прямо сказать, что бывшая русская политика всегда была чужда стравливания между собою подвластных наций: старая власть, во первых, больше всего ценила порядок во всем, какою бы ценою он ни достигался, а во вторых, правильно учитывала, что ее собственных сил было слишком недостаточно для того, чтобы подчинить своей воле мелкие народности и порознь и вместе, не прибегая к приемам и хлопотливым, и роняющим ее престиж,—и ставящим правительство в положение силы, требующей поддержки, а, следовательно, и обязанной известною благодарностью за ее оказание.

Дело об'ясняется проще. Бедных дворян и еще более бедных крестьян у России и дома было совершенно достаточно, гораздо больше, чем средств и возможности выручать их из затруднений—осо-

бенно при общей экономической неурядице, при усадебном приеме ведения государственного хозяйства, словом, при всех тех условиях, которые из богатейшей страны делали Россию беднейшей, вечно задолженной державой. А между тем финансист—будь то банкир, купец, фабрикант, кто бы он ни был и к какой бы нации он ни принадлежал,—в России, как и везде, не только не требовал денежной поддержки, но сам являлся главным кредитором государства, как владелец подавляющего числа государственных обязательств всякого рода, и с каждым годом все больше и больше становился превалирующею силою и господином положения. Власть не могла не считаться с этим в России, не могла не считаться и в Грузии; но в России, как ни как, дворянство было преобладающим элементом самого правительства, а крестьянство—подавляющей массой и в обще-государственной, и, в частности, в сельско-хозяйственной деятельности, и городскою рабочею силою всех родов и видов. Этого общеимперского значения грузины не имели в силу географического и правового положения, и условий языка, быта, словом всего, о чем говорилось подробно в этой статье и что мешало ассимиляции грузинского народа во всей его полноте со всем массивом населения великой русской земли. Значит и тут грузинский земледельческий и ~~земле~~землевладельческий классы оказывались в однородном, правда, но сильно ухудшенном положении, чем те же классы в России, и в отношении экономической правительственной

поддержки, как и во всех других. И если деньги, по пословице, не имеют запаха, то и их обладатели можно сказать—не имеют национальности. Армянам в Грузии жилось легче грузин не потому, что они были фаворитами правительства, как нация, а потому, что богатый всегда и везде требует меньшей поддержки, внимания и забот, чем бедный.

Как бы то ни было, власть не пыталась, да если бы и попыталась, то не могла бы не только удержать грузинскую землю за ее владельцами и работниками, но и замедлить ее переход в более сильные средствами руки.

А между тем вопрос стоял грознее, чем в России: в ней земля при перемене владельцев не уходила из русских рук в огромном большинстве случаев. Само Правительство было этим сильно озабочено и ставило серьезные препятствия к покупке земли не только лицам тех или иных вероисповеданий и национальностей, но и сословий, если дело шло о продаже через сословные земельные банки. — Грузинское землевладение не пользовалось этим покровительством, а ведь, теряя землю, грузин терял отчизну, которая дорого ему обошлась! Грузинская земля для ее народа была не только реальной ценностью, но символом всего прошлого и опорой всего будущего. Я думаю все грузинские земли надолго стали бы поливными, если бы собрать всю пролитую за них за двадцать веков грузинскую кровь, и ею орошать безводные поля. В этой земле—опорная точка всех надежд,

всех чаяний народа на сохранение национального облика. Грузину некуда уйти от своей небольшой земли без опасности расплыться в пространстве: в его природе нет тех свойств стать фелахом—рабом, рабочим скотом на своей земле, какие нашлись у бывших египтян; в его религии нет той исключительности, которая делает из вероучения силу, способную сплотить еврейский народ в одно целое, хотя он и рассеян по всему земному шару; в его культуре нет того мирового значения, которое спасло греков от судьбы феллахов и воскресило если не античную Элладу, то все-же национальную Грецию. Ясно, что утратить землю для грузина—равносильно не только телесной, но и духовной смерти. Поэтому, если вполне понятно, что армянин, вполне законный обладатель денежного имущества, как результатов своего труда, способности, предприимчивости, всех качеств, давших ему в руки самый могущественный рычаг—золото, имеет все основания для того, чтобы удержать за собою то, что он приобрел его ценою; если понятно, что, рядом с обладанием этим рычагом, армяне в полном праве отстаивать и освобождать свою территорию от иноземной власти—то одинаково понятно, что грузин из тех же побуждений никогда не признает за этим рычагом права стереть весь грузинский народ с лица земли, как не признал этого права за мечом завоевателей и политикою ассимиляторов. Он показал, что не одною физическою силою он умеет отстаивать то, что он считает отстаить:—приемы борьбы с исламичес-

ким напором ничего общего не имеют с тою культурною борьбою, какую он ведет последние полвека и которую я выше очертил в общих контурах. И мы увидим сейчас, что и в борьбе с мирным, так сказать, золотым завоевателем, он не ограничился только противопоставлением ему социально-революционной силы, а вопреки самым неблагоприятным условиям, лежащим как вне его (недостаток капитала, широкого и дешевого кредита, разумной и действительной государственной поддержки в области сельско-хозяйственной деятельности, сильная задолженность, неопределенность земельных отношений, неустройство межевой части и т. д.) так и в нем самом (историческим путем выработанные привычки, особенности национального характера, недостаточная подготовленность к деятельности в мало знакомой финансовой области и т. п.) вопреки всему, сумел воспользоваться и тем оружием, которое было направлено против него. Правда, торговля привозным товаром осталась в Грузии в прежних руках, но мы видим, что торговля главным продуктом грузинской сельско-хозяйственной культуры—вином—в Закавказьи и по всей России производится уже самими грузинскими помещиками, или кооперативами садовладельцев—грузин. Заводятся сельско-хозяйственные фермы, образуются общества, поднимающие ценность всех остальных сельских продуктов. Улучшаются приемы выделки вин. Проводятся кустарным и иным путем оросительные каналы. Площадь поливных земель увеличи-

вається. В лесоводство и лесоустройство постепенно вводятся значительные улучшения. Вся сельскохозяйственная работа напряженно ведется к усилению земельной доходности. Образуется Дворянский Земельный Банк, обслуживающий грузинское землевладение без всяких сословных различий и все доходы употребляющий исключительно на самые разнообразные культурные цели. Весь склад жизни меняется за последние пол века. Прежняя расточительность сменяется большой сдержанностью во всем обиходе. Весь быт приобретает все более и более демократический характер, не утрачивая старогрузинских бытовых черт. Все сбережения уходят на образование детей в России и за-границею—но непременно с тем, чтобы приобретенные знания применялись главным образом к развитию тех или иных сторон местной культуры. Образуются компании, для разработки естественных богатств края. Процент прослоения торгового сословия грузинским элементом возрастает. Словом упорная работа над культурой страны становится *mot d'ordre* грузинской жизни, вырабатывается деловое настроение во всей Грузии и энергия народа в своей большей половине направляется на всестороннее улучшение экономических условий благосостояния страны. Мы уже видели центр грузинской деловой жизни—Дворянский Банк в 1890-ых годах владельцем старинного армянского владения, бывшего Караван-сарая Арцруни, здания крупной ценности в главной части города. Оно радикально перестроено и в нем помещается це-

лый ряд грузинских культурных и торговых учреждений. А в 1916 году Банк достраивал невдалеке от бывшего дворца наместника свой новый дворец для деловой работы Грузии. Образуются грузинские предприятия для разработки богатых земель северной Персии. Грузинская энергия находит яркое выражение и в чисто деловой напряженной работе, как бывало в военных трудах, и этим путем ей удается далеко не в полной мере, но все же хоть отчасти отдалить страшный призрак фактической утраты грузинским народом родной земли. Экономическая борьба была, пожалуй, труднее, чем всякая другая, потому, что требовала от нации строгой критики своего внутреннего мира, осмысленной и планомерной переработки многих сторон своего характера, сжигания многого, чему раньше поклонялось грузинское сердце и поклонения многому, чему поклоняться оно не привыкло.

117 лет слияния с Россией резко делятся на два почти равных периода: первый от акта 1801 г. до полного окончания горских войн и одновременного с ними постепенного введения реформ Александра II; второй—от конца 70-ых годов прошлого века до наших дней. Эти два периода разделяются приблизительно 15—20 г., с начала 60-ых, до конца 70-ых годов прошлого века. Эти годы надо назвать переходными, подготовительными к тому огромному и всестороннему движению, которым Грузия ответила на выяснившиеся уже к 60-ым годам результаты своего единения с Россией.

Первый период Грузии приспособлялась и присматривалась к новой жизни, во второй вступила с ними в резкую и решительную борьбу, которая началась уже постепенно в годы, названные выше подготовительными.

Общая картина взаимоотношений обеих стран за весь рассматриваемый 117-ти летний период рассматривается с трех сторон: 1) национальной, 2) правовой, 3) и экономической. Кратко и сжато резюмируем все три.

1. Русская власть исподволь, но неуклонно, сперва круто, потом мягко и осторожно, и наконец все суровее и настойчивее, вела Грузию к полной руссификации, к всестороннему искоренению народных черт и к ассимиляции с метрополией до степени полного обезличения. Грузия ответила на это необычайным развитием всех сторон своей национальной культуры, проведя этот процесс укрепления своего духовного облика в строго легальных формах, но так же настойчиво, как настойчиво было стремление его истребить.

2. Все правовые язвы дореформенной России отражались на Грузии в усиленной степени. Несмотря на это, Грузия не приняла участия в русском революционном и общественном движении в течении всего первого периода по инстинктивному чувству признательности за помощь против векового врага, по врожденной лояльности народа и его отдаленности от центров русской и европейской мысли. Но болезненно ощущая на всем своем измученном веками организме усиленное

против России особыми условиями влияние этих язв, не получив от реформ 60-ых г. ожидаемого облегчения в силу их искажения, и, наконец, встретив в ответ на свою беспредельную верность России, оскорбительное недоверие и усиленный гнет, во второй период отвернулась от общеимперской власти, но без малейшей сепаративной тенденции, тесно слилась с русским общественным и литературным протестационным движением и выделила значительный процент своих интеллектуальных сил в революционный социализм. Это полное слияние продолжалось вплоть до наших дней, и Грузия прошла весь путь от реформ Александра II до ближайших нам месяцев плечо в плечо с коренной Россией.

3. Разрушение Грузии стало очевидно неизбежным к 70-ым г. Вызвано оно было тремя факторами: а) боевым прошлым и национальными свойствами народа, б) особенно квалифицированной для окраины обще-русской правительственной финансово-экономической политикой и в) капиталистической мощью армян, в качестве грузинского же торгового класса, в сущности сыгравшими в жизни Грузии ту же роль, какую этот класс играл везде по отношению к классам, связанным с землею своими правами, или же своим трудом, пользуясь всеми привилегиями богатства в глазах русской власти, опять таки, как и везде.— Но для Грузии вопрос осложнился тем, что переход земли к этому *классу*, являлся переходом национальной территории в руки другой *нации*, что

Грузия становилась фактически Арменией, а грузины чужими людьми на той именно земле, за которую и на которой они гибли поколениями, лишь бы ее сберечь. На это Грузия ответила страстным массовым устремлением к социалистическим нормам и невероятным напряжением деловой энергии, напряжением, доведенным до глубокой внутренней ломки основных, коренных свойств народного характера.

Великая мировая война, подходящая сейчас к концу, застала такую картину русско-грузинских отношений. Грузия тесно сплелась с Россией. Нет тени сепаратизма. Идеи политического освобождения и социальной справедливости, объединявшие русское общество всех партий в борьбе с властью, истомившей Россию, точно совершили дело духовного слияния, к которому бесплодно вела правительственная руссификация.— Но великое и всестороннее движение, эскизно очерченное выше, подняло, укрепило грузинское самосознание, твердо наметило об'ем прав грузинского народа на полное национальное самоопределение, привело его к неизменной решительности отстаивать свою внутреннюю свободу от всяких посягательств прямых и косвенных, откуда и во имя чего они ни исходили бы, и осуществить, наконец, во всей чистоте свободный и тесный союз с великой страной, союз, искаженный в форму замаскированного порабощения.— Все это Грузия могла получить только от свободной России—и она боролась за ее свободу, как умела бороться за свою.

Рука об руку с этой стремящейся к свободе Россией Грузия вступила в небывалую битву народов. Одним из лозунгов могучих союзников тогда еще тоже могучей России был лозунг о правах малых народов на свободу и безопасность.

Могла ли Грузия не вострепнуться, услышав этот лозунг, ее исторический лозунг, воплощавший все ее мечты, всю ее душу, весь смысл ее бытия? Могла ли она не откликнуться на него? Она вострепнулась и откликнулась.

Рассмотрим теперь как и чем она откликнулась, к чему ее привела война и чего она ждет и в праве ждать от мира.

III

Численность всех грузин составляет по последней переписи приблизительно $2\frac{1}{2}$ миллиона. Но в это число входят русские и иностранцы, которые прочно осели в Грузии (в тех ее пределах, которые установлены актом о независимости, т. е. в Тифлисской и Кутаисской губерниях, Батумском округе и южной части Черноморских склонов Кавказского хребта) и слились с ее населением путем браков или приобретения недвижимой собственности. Считая, что лиц этого рода приблизительно 10%, мы получим около $2\frac{1}{2}$ миллионов чисто картльского племени. По статистическим данным из этого числа около $1\frac{1}{4}$ миллиона мужск. п. от грудных детей до глубоких старцев. Допустим, что даже половина всех мужчин, т. е. 625 тысяч, состоит из людей, достигших

или перешедших возраст, в котором возможно участие в военных действиях. Из них около 320 тысяч, т. е. более 50% числилось в течение войны в русской армии и, — по всем имеющимся у нас данным, — почти сплошь в активно-действующем ее составе. По отношению ко всей численности картльского племени в 2.250.000, число военных грузин составляло, следовательно, более 14%, т. е. около $\frac{1}{7}$ части всего населения, считая его с женщинами, детьми и стариками, в каждый данный момент войны. В 1914 г. общее население всей Российской Империи исчислялось в 170 мил. Если считать, основываясь на отрывочных данных и расчетах, доступных непосвященным в военные тайны лицам, что в активно-боевой русской армии, в ее целом составе, на всех фронтах было от 8 до 12 мил. и взять даже высшую из этих цифр, получится, что все население всей России выделяло в войска максимально 7% или $\frac{1}{14}$ свою часть. Грузин было вдвое больше, чем они должны были бы выделять по пропорциональному отношению своей численности к общеимперскому количеству населения.

Действительно, $2\frac{1}{4}$ мил. представляет $\frac{1}{75}$ часть 170 мил., значит, в 12 мил. состав общегосударственной армии, Грузия должна была послать $\frac{12.000.000}{75}$ — 160.000. Она послала 320.000. Из этого числа убыло более половины. Следовательно, все то число воинов, которое Грузия *должна была бы послать на войну в действительности поголовно легло на поле брани.*

Точные статистические данные установят рано или поздно поправку в этом грубом расчете. Но так как цифра общего населения России, численность картльского племени и количество грузин-воинов не подлежат сомнению, а цифра общей численности русской армии принята в высшем размере, то можно поручиться, что эта поправка увеличит, а не уменьшит процент численного участия грузин в общегосударственных войнах 1914—1917 гг. Особенная точность к тому же и не требуется в целях, которые заставили меня дать эту цифровую страничку, и которые будут представлены вниманию читателя несколько ниже, когда мы рассмотрим не одно количественное, а и качественное участие грузин во всех перипетиях русских военных действий и их затяжного прекращения.

В первый период войны система назначения грузин в северные полки применялась в полной силе. Во второй период она значительно ослабела. Это изменение совпало по времени с назначением бывшего Верховного Главнокомандующего В. К. Николая Николаевича Наместником Кавказским и Главнокомандующим Кавказским фронтом. Вызвано оно было главным образом, насколько мне известно, соображениями, связанными с вопросами передвижения здоровых на фронт, а тяжело раненых и увечных на родину. Но, конечно, в этом изменении сыграл свою роль и расчет сбережения сил: разумеется, настольке же, если не больше, чем северянин на юге, южанин на се-

вере теряет в своей выносливости и здоровья под влиянием губительных для его организма климатических условий. Кроме того, новый Наместник сильно изменил анти-грузинскую политику лица, которое вершило до него судьбы Закавказья.

Но где бы ни был грузинский воин, его стародавняя, унаследованная от предков боевая кровь клала свой отпечаток на всю его военную деятельность. И хотя грозная эпопея этих страшных лет развернула картины самоотверженной стойкости, беспримерной доблести, легендарного мужества и героического презрения к смерти, картины небывалых размеров и трагического величия, все же ни один из участников этой войны, видевший грузин подле себя или против себя, не скажет, что они уступали храбрейшим из храбрейших своих врагов или соратников. Да это было бы для грузина немыслимо: безо всяких сословных различий грузину, который уступил бы другому передовые места в бою, не говоря уже о трусе или беглеце, невозможно вернуться на родину: все равно ему не жить. — Я провел в Закавказьи часть лета 1916 г., т. е. конец второго года войны: грузин с одним солдатским Георгием в общем мнении считался наравне с неимеющим его, до того это отличие было для него обязательным. Конечно, всем оно не могло выпасть на долю, но обращали некоторое внимание на тех, у кого было два-три. В деревнях, как мне лично пришлось убедиться, числу крестов придавали еще большее значение, чем в городах.

Дисциплина в той форме муштры, которая свойственна всем армиям, особенно управляемым по германскому образцу, идет в разрез с грузинской природой и историческим навыком. Поэтому не раз в мирное время там, где было особенное злоупотребление в деле ее внедрения, она вызывала со стороны грузин единичные и массовые эксцессы, со всеми, конечно, тяжелыми последствиями для виновных. **Х**Но глубокое чувство боевого порядка, сознание необходимости подчинения вождям и исторически выработанная им в грозные века непрерывной войны привычка идти вперед, а не назад (потому что на тесном пространстве своей земли грузину некуда было бежать, некуда было поддаться, так как он был окружен со всех сторон железным исламическим кругом), — эти три свойства пропитали все его существо, вошли в его плоть и кровь. Поэтому, как только военное дело перестает быть военною игрою, становится боевою действительностью, грузин без муштры и побуждения, а в силу природной потребности врожденного и неодолимого чувства оказывается образцово-дисциплинированным с одной стороны и способным к большой инициативе — с другой. Это подтвердят все бывшие в армии или соприкасавшиеся с нею даже в период времени с Марта по Ноябрь 1917 г., не говоря уже о предшествовавшем периоде войны. И этого врожденного чувства, исторически выработанного сознания и многовековой привычки не могла искоренить даже та глубокая преданность социалистическим нача-

лам, которая, как мы видим, пустила в Грузии глубокие корни. Опять таки мистически-загадочно антимилицарические учения сживались с подсознательным инстинктом боевой чести — и должны были отступить перед его силой даже тогда, когда социальная революция вплелась в войну и в конце концов свела ее к междуусобице не только между племенами, но и между единоплеменниками.

Чувствуя неразрывную связь с судьбами России в области как войны, так и революционного движения, грузинский войсковой элемент повсюду, где он был численно значителен, стремился сохранить воинский порядок для защиты новых начал, внесенных в общую жизнь страны. Для грузин недоступно было представление о развале армии, как о средстве укрепить революцию. Его психика, может быть примитивная, подсказывала ему иные выводы: „защита революции тем более обеспечена, чем сильнее революционная армия. Германский империализм грозит всей России возвращением к старому строю. Следовательно, пусть и на новых началах, но со старою силою идет боевое дело“. Мы знаем, что не эта примитивная логика одержала верх в массовом сознании русской армии, что другие, и более сложные, и более примитивные, настроения заменили в ней этот простой силлогизм, привели к выходу России из строя воюющих держав и вместо внешнего фронта создали множество внутренних. Чтобы судить за кем будущее — за „простым силлогизмом“ или за „сложными настроениями“, одержавшими верх,

надо быть пророком, на что я не претендую. До моих личных взглядов статья эта также не касается. Но что этот силлогизм, как результат грузинской мистики, жил в сознании грузинского элемента в русской армии, подтверждает точный анализ его деятельности на фронте с Марта 1917 г. Мы видим, что в частях, где преобладал грузинский элемент, не было того развала, который охватил другие части в колоссальном большинстве. Мало этого: там, где было возможно, мы встречаем стремление грузин нормировать новую жизнь, внесенную в войска революцией, согласуя новые формы взаимоотношений с тем началом боевого порядка, о котором мы выше говорили, и который гарантировал бы, по их мнению, и свободу, и победу России. Не будем вдаваться в обсуждение, правы ли они или виноваты. Это зависит исключительно от точки зрения того, кто их будет судить. Нам необходимо установить самое явление и признать, что оно было следствием внутреннего императива — искреннего и неодолимого.

Дезертирство в грузинском элементе войск совершенно не имело места. Это неопровержимый факт. Мне именно в Марте, Апреле, Мае и Июне 1917 г. пришлось очень много ездить в поездах, переполненных с крышами солдатской массой, жить в Москве и Петрограде — главных этапах, через которые происходила самочинная демобилизация, и, как Председателю Общества Грузин в Москве, иметь частные сношения и близкую связь с теми учреждениями и лицами, которые близко стояли

к грузинским частям армии. И я утверждаю, что мне ни разу не пришлось столкнуться хотя бы с единичным фактом грузинского дезертирства, или слышать о нем. А между тем, со всех сторон мне непосредственно или по слухам приходилось узнавать о страстной тоске и смертельной тревоге за родину и за оставленные там семьи, тоске и тревоге, доводившие грузин до психического расстройства под влиянием вестей об опасности занятия Грузии. И действительно, для грузин видеть, как тает русская армия вокруг них, знать, что это же происходит и в армии, обороняющей границы Грузии—и все же стоять под Псковом или Киевом, когда в Батуме и Ахалцихе, в Гори и Тифлисе жены и дочери, отцы и матери, вся родная земля не сегодня-завтра будут, в силу этого стихийного таяния, преданы смерти, изнасилованию и разорению курдам и туркам; ожидать, что каждую минуту может придти страшная весть о их вторжении и тем не менее не тронуться с места; понимать, что нет ничего легче, как без всякого риска, даже в смысле личной безопасности, распылиться в многомиллионной массе солдат, покидавших фронт, и пробраться таким путем к себе на родину, чтобы хоть умереть вместе со своими, защищая их—и все-таки удержаться от этого соблазна,—все это не может не вселить уважения к тем национальным чертам, которые, может быть, будут казаться смешным донкихотством в эпоху, когда „народы, распри позабыв, в единую семью соединятся“, но пока, до наступления этого золотого века, являются един-

ственной гарантией против порабощения слабых сильнейшими и, во всяком случае, — героическим опровержением той клеветы, которая с конца 60-х годов клеймила грузинскую верность.

Не вина грузин, что их было мало, что приведенный факт являлся, в сущности, бессильным изменить что либо в стихийной ненависти к беспримерной, бесчеловечной, и бесконечной войне, которая переполнила меру терпения и сил у тех, у кого, по цинично-правдивому предсказанию фельдмаршала Гинденбурга, „нервы оказались слабее“, — у кого они не выдержали и вызвали массовый отказ от войны. Вне задач этой статьи оправдывать или осуждать это явление. Но надо отметить, что Грузия ненавидя войну не менее, чем все, кроме тех кто ее затеял, и тех кто ею богател и выдвигался, — все-таки не могла, не умела и не хотела бежать от нее даже под влиянием массового охвата. Ее „нервы“ выдержали тяжелый экзамен перед фельдмаршалом Гинденбургом, и выдержали тогда, когда дело шло о всей России, во всем ее объеме. Как ни избито выражение „победить или умереть“, но точнее его нельзя подобрать для уяснения грузинской психики. Именно психики, а не чегонибудь другого: ничем иным, как именно складом этой неодолимой психики нельзя объяснить, что именно заставляло грузин оставаться там, куда их занесла воля всего того народа, с которым она слита, оставаться даже в то время, когда этот же народ своею подавляющею массою

решил, вопреки тогдашнему своему Правительству, кончить бой, когда добрые $\frac{3}{4}$ его привели в исполнение свое решение, не считаясь ни с чем и руководясь началами, разбирать которые здесь опять таки не место, когда гибель нависла над Грузией почти неотвратимо. Оставаться, когда подавляющее большинство грузин — солдат было сплошь социалистами самых крайних партий и по убеждению, и по традиции предшествующего поколения. Несомненно, что тут действовал подсознательный народный инстинкт: „лучше не биться, но раз бой завязался, совесть, долг и честь требует его кончить или полной победой, или полной гибелью“. *Tertium non datur*. Этот инстинкт был сильнее и смертельной тоски за родину, и социалистического символа веры, вошедшего в народную душу с редкою силой и глубиной.

Гораздо эффектнее, но менее показателен другой факт, отвергать которого нельзя, а при желании нельзя отвергнуть мало-мальски доказательно: воинские части, где грузинский элемент был более или менее значителен по численности, или даже только по командному влиянию, ни разу не отказались от наступления. Такого случая не было. Я опять таки здесь не хочу оценивать этого явления: совершенно безразлично, как я смотрю на него. Может быть, для высших целей и достижения мирового блага, те части, которые не хотели наступать, сделали больше, чем те, которые шли вперед. Это дело партийных взглядов, степени па-

сифистического убеждения, или даже выходящего в России из употребления истинно христианского смирения. Может быть со всех этих точек зрения то, что произошло с русским фронтом—ближайшее средство достигнуть социального рая на земле или царства небесного. Но мы видим воочию, что ни одна политическая партия, как и ни одно религиозное вероучение самой высокой чистоты от сотворения мира и до того дня, который закатился сегодня, не сумела ни найти, ни применить иных путей к тому или другому, кроме путей боевых в прямом смысле этого слова, потому что *пока* всякая борьба идей разрешается непременно оружием; что XX век после Р. X. только превзошел все, ему предшествовавшие, века, зверством масс и утонченной жестокостью вождей военных или политических, идейных или практических, научных или даже литературных; и что чем ярче сверкает радужным счастьем конечная цель, духовная или материальная, чем больше толков о будущем рае на земле или на небе, о правде, о счастье, о родине или о всемирном слиянии человечества—тем больше крови и мук на тех путях к ним, которые знает человеческое прошлое и настоящее. Да и чего требовать от Гиго Махниашвили, если Б. Шоу в одном из самых талантливых своих произведений делает крупнейшего пушечного фабриканта величайшим пасифистом, какого только можно себе представить,—значит социалистический мыслитель и крупный писатель XX века недалеко ушел от того древнего теоретика, который с полной

наивностью, граничащею с тонкой иронией, установил, как правило, или сообщил человечеству, как наблюдение: *qui vult pacem — parat bellum*, а Л. Н. Толстой обуславливал возможность вечного мира единственным путем — „чтобы все люди согласились не воевать“. Что же делать грузину, пока „все люди“ еще не согласились? Бежать? Рад бы, и надо бы, а почему то... не бежит. Словом, как бы то ни было, грузин, по своей грузинской „психике“, или „мистике“, или „лояльности“, или, если угодно так назвать, хоть по „идейной ограниченности“, не покинул войны, на которую его призвала тесно связанная с ним страна и ее союзники, и пока хоть какая либо доля всей армии, выставленной Россией, оставалась на своем посту, стоял там, куда его поставили. И как раньше, пока шли бои, он, где мог, был в авангарде, так тогда, когда пошли назад, он занял арьергард. Это не гипербола: может быть доказано и документально, и личным опросом, что грузинские части, состоявшие в Закавказских войсках, впитав в себя грузин, рассеянных в тамошних же русских полках, во время отступления русской армии с турецкого фронта шли последними, прикрывая собою тыл. Известно, что на всем австро-германском фронте грузинские части, тоже объединившиеся в отдельные полки, двинулись с бывшей боевой линии только после окончательного прекращения всех военных действий: еще в Декабре 1917 г. я был на заседании прибывших в Москву из Псковского и Минского округов делегатов от них для

обсуждения вопроса об их эвакуации. На этом фронте—австро-германском — грузинским частям, оставшимся на линии, не пришлось играть роли прикрывающего арьергарда, потому что к тому времени фактически война уже была кончена, русская линия фронта обезлюдела, и германские войска шли беспрепятственно до тех пунктов, какие наметили себе их стратеги,—а впоследствии—Брест-Литовский договор. И с этого обезлюденного фронта грузинские части были *демобилизованы*, но все же в арьергарде, последними, в условиях, о которых лучше и не вспоминать, и с медленностью, которая была для них особенно мучительна именно потому, что Грузия была наводнена в то время необозримыми толпами возвращавшихся с турецкого фронта в Россию солдат. А тем, кто видел и пережил картину возвращения русских войск в самой России, где их густые массы все же редели, оседая на протяжении своего пути по родным деревням и городам, растекаясь по множеству железнодорожных линий и веток, разливаясь по всему необъятному пространству России, тем легко представить себе картину продвижения их по территории небольшой проходной страны, чужой по языку и нравам, которую заманчивее и легче пройти пешком, южною теплою зимою, краткими переходами сквозь беззащитные деревни, которые доставляли богатый и легко отбираемый провиант всех родов, вплоть до вина. Серые толпы наводняли Грузию, а в след за ними, на их плечах, шли, едва сдерживаемые грузинскими арьергардными

частями, полчища турок и курдов и стройные германские ряды, еще более страшные своей принципиальной, систематической жестокостью, чем их азиатские союзники своим необузданным зверством. Не правда ли, легко было Псковским и Минским, Житомирским и Кишиневским грузинам сохранять свои посты, видя воочию, что делается с местностями, по которым прошла война, и та „демобилизация“, которая, как это знают все в России,—даже для коренной, родной земли была губительнее войны, если это возможно, и вызывала повальный стон в русских же селах — „хоть бы немцы скорее пришли“. Припомним „демобилизацию“ 5-ой Армии в Июле и Августе 1917 г.

Люди привыкли к ужасам, и если эти строки попадут на глаза европейцев, видевших разгром Бельгии, Люксембурга и Северной Франции, если эти строки прочтет серб, черногорец, поляк, малоазиатский армянин или руссин, если, наконец, они привлекут к себе русское внимание, то, конечно, я могу прослыть человеком, который хочет растрогать описанием маленького и, сравнительно с великой мукой этих стран, ничтожного горя. Но у меня и в мыслях нет сопоставлять размеры бедствий. Я знаю, что они несоразмеримы: Турецкая Армения, Бельгия, Сербия, Польша, наконец вся в конец истерзанная теперь Россия — сплошные кровавые раны на груди человечества. Я не хочу никого растрагивать. Я только хочу установить, что в то время, когда в Грузии происходило все описанное, те, кто еще мог защищать

свой край от грозившей ему участи Бельгии и Сербии, или испытать горестное счастье погибнуть с ним, защищая его, что все эти люди нашли в себе силы исполнить перед Россией и ее союзниками свой долг, хотя имели и нравственное право считать его исчерпанным, и полную возможность его безнаказанно нарушить, а кроме того сознавали, что исполнения этого долга уже никто в России или не требует, или не ждет, и что их горсть—никому и ничему не поможет. И тем не менее до Брестского мира „русские“ грузины не тронулись с места, а „грузинские“ грузины сперва шли в арьергарде при отступлении русских войск через их собственную страну, а потом уже одни бились за Батум до последней возможности, — и *после Бреста*. Эта дата имеет огромное значение в деле моральной оценки всего происшедшего. Отметим ее.

Будем вполне объективны. Не станем судить действий грузин с принципиальной стороны. Судить немислимо при коренном противоречии столкнувшихся теперь в отчаянной борьбе различных общественных и политических миропониманий, да еще в условиях непотушенного пожара, охватившего Европу и созданного им разрушения. Естественно, что поборники идеи интернационала и всемирной классовой революции разрешат этот вопрос в отрицательном смысле, а представители всех партий и взглядов с большей или меньшей национальной окраской—в более или менее положительном, смотря по большей или меньшей ярко-

сти этой окраски. Но каких бы мировоззрений ни держались эти судьи, они одинаково должны признать факт: грузины имели полную возможность, основание и побудительные причины бросить войну раньше других и не бросили до последней минуты. Почему? Потому, что это было вне их психической потенции.

Итак Грузия, какую она обрисовалась перед нами из первых двух отделов этого очерка, на время войны не только отрешилась от всякого намека на какую бы то ни было рознь с общеимперским Правительством, но принесла в его войска в количественном отношении вдвое больший процент участников, чем она должна была принести пропорционально к населению всего государства, а в количественном—воинов храбрых, стойких и честных. Все старые счёты с Правительством были отложены: на них точно распространился вексельный мораторий. Так в вопросе о земстве, поднятом при новом Наместнике в 1-ой половине 1916 г., грузины проявили такую уступчивость, лишь бы получить, наконец, хоть какое бы то ни было влияние на земельное дело, что она была охарактеризована русскою прогрессивною печатью, как отказ Грузии от общественных освободительных стремлений и переход на сторону правительственной программы. Эта характеристика так подчеркивалась, что приняла вид настоящей травли. На Грузию посыпались упреки, что она мирилась с тем земством, каким пользовалась вся коренная Россия, и требования, чтобы окраина

добивалась таких его форм, каких не могла добиться метрополия. При этом совершенно не принималось в расчет, что если при тогдашнем режиме даже в коренной России каждое поползновение либеральных партий на какое нибудь изменение существующего порядка считалось подрывом военного успеха, а законодательные учреждения не собирались месяцами или собирались на 24 минуты, то всякая попытка в этом направлении со стороны Грузии была бы без обиняков сочтена правительством государственной изменой в военное время; что уже стукнуло ровно $\frac{1}{2}$ века, как о грузинском сепаратизме гудят все истинно-русские колокола, и что после войны, когда в грузинах меньше будет нужды, им не избежать властных обвинений в том, что они будировали даже тогда, когда Россия переживала грозную и трудную полосу, а каковы бывают последствия властных обвинений, Грузия изучила на собственной спине; что не вечно будет занимать свой пост беспристрастный к отдельным народностям Закавказья Наместник, вызвавший к жизни вопрос о земстве, а настанет и время, когда креатуры Распутина сумеют послать на Грузию новых искоренителей призрака сепаратизма, и что уж земства—то этой последней надежды грузин на сохранение своей земли за собою—во всяком случае не видать Грузии, как своих ушей.—Все это забывалось, не доходило до слуха русской либеральной печати, а часто и намеренно игнорировалось под влиянием разнообразных факторов. Тут сыграла роль и недостаточная

осведомленность о действительном положении дел, вызванная неумением грузин обивать редакционные пороги, и обилие гораздо более близких болячек, заставлявших поверхностно относиться к судьбе маленького народа, который к тому же никогда не умел вопить источным голосом о своих бедствиях и предпочитал большею частью *faire bonnes mines au mauvais jeux*; и предвзятое объяснение грузинской уступчивости не теми мотивами, которые я только что перечислил, а определенной тенденцией добиться правительственной протекции за свое благонаправие отступлением от освободительных лозунгов общественной России для охранительных лозунгов России официальной, лишь бы одержать верх над армянами, которые стояли за земство в том виде, в каком его перед войною добивались русские прогрессивные круги для всей России.—Русской печати недосуг было вникнуть в дело и выяснить себе, что эта разница в программах двух партий,—временно, но сильно обострившая грузино-армянскую рознь, — легко объяснялась тем, что для армянского землевладения формы земства и время его ведения были далеко не так насущны и неотложны, как для грузинского, следовательно, рознь вызывалась чисто местными условиями экономической борьбы, осложненной тем территориально-национальным характером, о котором говорилось выше. Между тем, вопрос был рассмотрен именно в политической плоскости и разрешен в смысле отступления Грузии от лозунгов оппозиционной России в сторону лозунгов России пра-

вительственной. Такое решение было неверно по существу, предвзято по мотивам и несправедливо по отношению к прошлому и настоящему грузинского народа. Но оно характерно отметило постоянный неизгладимый оттенок его инстинктивной верности тем, кому он в ней обязался,—в тяжкие для них минуты. Вспомним войну 1877 г. и Японскую войну 1904 г. В них мы увидим Грузию тою же, какую нашли в 1914—1917 г. Она отбрасывала всякие следы недоверия и враждебности к Правительству, шла с ним рука об руку, предоставляла ему все свои силы не за страх, а за совесть, без рассуждений и колебаний, а главное—отождествляла его со всем русским народом может быть и потому, что в такие годы и сама общественная Россия сближалась с ним теснее, чем в обычное время. Но и тут надо отметить, что Грузия была экспансивна: ей невольно хотелось доказать на деле тяжелыми жертвами, что можно отстаивать свой язык, церковь, обычаи, права, культуру, весь свой национальный лик, даже бороться за них против всех, кто на них посягает,—и в то же время быть верным России до смерти и крови, когда дело касается ее чести или безопасности. — Эта черта усиленной экспансивности, доходящей до пределов, которые, как мы видим, дают даже возможность обвинять в отступлении от оппозиционных лозунгов, имеет много общего, по своим мотивам, с тем неучастием в политических счетах между официальной и общественной Россией первой половины XIX века, которое было отмечено в начале

этой статьи: тогда невмешательство вызывалось, как мы видели, разнообразными причинами, но главное природной лояльностью грузинского характера и взглядом грузин на русское правительство, как на одну из форм европейской государственности. Но теперь прибавились и новые мотивы к этому последнему: каково бы ни было это правительство по своему существу, как много личных и общих со всею Россией счетов с ним ни накопилось у Грузии за 117 лет, оно во всяком случае шло, в противность своим традициям, в союзе за самыми демократическими странами против определенно поработительных посягательств германского милитаризма. Это не могло не вызвать в грузинской душе не только уступчивости, но и прямой симпатии. Вспомним, что в то время социалисты всех стран, включая и Россию, кроме может самых крайних партий—и то кое-где, признавали неизбежность не только политического моратория, но и активного сближения с властью на время войны; что русское прогрессивное общество поставило свой политический протест в те же условия; что вся мыслящая Россия, скрепя сердце, из последних сил терпела даже Распутинский режим, лишь бы довести войну до „победного конца“, и только во второй половине 1916 г., когда этот режим был определенно признан угрожающим именно этому концу—окончательно потеряла терпение и пошла на решительный разрыв с властью. Вспомним все это, и тогда мы должны будем признать, что Грузия руководилась теми же внутрен-

ними побуждениями, какие жили в русском сознании, и что все ее действия — ошибочные или верные, гибельные или спасительные, примирительные или оппозиционные, — в сущности имели своим источником не узко-национальные интересы, а интересы всей России в ее целом, как они ею тогда понимались в связи с ее ролью в мировой борьбе. Русская государственность, русская общественность и русская революционность были вполне и грузинскими в тот момент, когда с феерической быстротой театральной „живой перемены“ изменился в корне весь тысячелетний русский строй.

Каким путем произошел разрыв этих двух организмов, которые, казалось, переплелись корнями и ветвями между собою и если боролись друг с другом, то также точно, как борется в лесу маленькое деревцо с огромным дубом, под которым оно приютилось и который властно тянет в себя его соки? Оторвались ли друг от друга эти две жизни временно или окончательно? Как связать факт этого разрыва с тем, что мы говорили о сепаративных стремлениях, отрицая их даже в зародыше? Можем ли мы назвать этот разрыв внутренним и глубоким, или только внешним, в сущности — лишь исправившим те нарушения, которые 117 лет внесли в акт о присоединении 1801 г.? Мы можем подготовить почву для правильного освещения этих вопросов, только внимательно проследив влияние хода русской революции и мировой войны с Марта 1917 г. по Июнь 1918 г. на Грузию, *как на составную часть России и как на политическую еди-*

нию. Этим рассмотрением мы доведем обрисовку общих контуров слияния обеих стран до конца и постараемся в ней найти опорную точку для тех выводов, которых повелительно требует создавшееся положение и момент, когда надолго решается судьба народов.

IV

Русская революция началась бескровно. Она не вспыхнула, не разразилась, а как то проступила на всем необъятном пространстве России и была признана всеми без исключения: членами царствовавшей династии, Церковью, Государственной Думою, Сенатом, „всею палатой и воинством“, всеми племенами и народностями, всеми сословиями и классами, наконец, всюю тогда действовавшею армиею, ее вождями и поголовно всем войском. Что бы ни таилось в глубине этого признания и что бы ни обещал этот небывалый по единодушию переворот в будущем, нельзя отрицать, что именно бескровное восшествие революции на покинутый престол было ярким показателем того, что в русской душе она давно уже свершилась и ждала только подходящих условий, чтобы залить всю страну, как полая вода. А свершившись, насквозь переродила целый цикл таких основных мировоззрений народа, на которых покоилась вся система государственных устоев.

Во что переродила? Кто это знал? Сам народ? Может быть. Но он, по традиции, эпически безмолствовал, полный стихийного равнодушия ко

всяким „барским“ затеям, не видя никакого различия между теми, кто им управлял по старинному, и теми, кто боролся за его новую жизнь: и те и другие были где-то вне его, на верхах, строили ему формы, в которых он никак не укладывался и не уложится, пока он останется тем, что он есть, по своему внутреннему содержанию, по степени своей культуры, по характеру своих потребностей, налаженных взаимоотношений, трудовых и экономических условий своего существования. Безмолствовал и думал свою непроницаемую думу.

Правительственная, оппозиционная и революционная интеллигенции России вот уже целый век боролась между собою не на живот, а на смерть, а он в своем колоссальном большинстве,—держался в стороне от всякого участия в этой борьбе, изредка волнуясь, когда ему или приходилось особенно круто, или начинало казаться, что он, наконец, может получить то *единственное*, что ему нужно—*всю землю* со всем, что на ней живет, растет и построено, в полное и безусловное свое распоряжение. А взволновавшись, он колотил уже не разбирая, кто ему друг, кто враг: все ему враги, кто не он сам. Враг ему доктор, когда нагрянет чума или холера, исправник и становой, земский начальник и всякий чиновник, когда дело дойдет до возмущения из за податных взысканий или голодного бунта; но главный и постоянный его враг—помещик всех рангов и сословий, а кста-ти, всех родов управляющие, агрономы, лесничество, землемеры—все, кто владеет землею, или ка-

ким бы то ни было способом поддерживает владение, или помогает распоряжаться ею кому бы то ни было кроме его одного и именно так, как он хочет. Он ревнует землю, как женщину, и беспощаден ко всем, кто посягает на нее или становится между ним и ею. Он равно далек от признания за землю как того значения, которое ей придают любые формы государственности, так и того, которое связывается с идеей социалистического строя всех оттенков. Ему всячески чужда интеллигентская борьба за те или другие формы политического строя—от монархии вплоть до анархической коммуны: все решительно ограничивают его *верховное* обладание землею. Поэтому ему ненавистны представители всех этих форм, все они— „господа“, и он с одинаковой готовностью колотит без разбора и правых и левых и средних—по собственной инициативе, когда чувствует свою силу, по приказанию или попусшению, когда побеждает какая угодно из борющихся партий—правительственная или революционная. Колотит из убеждения в необходимости отвалить всех от себя и от земли, часто жалея и вздыхая по человечеству, но в сущности глубоко равнодушный и к победителям и к побежденным: ему одинаково подозрительны и враждебны те и другие.

Вспомним, не вдаваясь далеко в прошлое, массовые черносотенные выступления и одновременно массовые же разгромы помещичьих усадеб; волнения против имперских властей и против властей большевистских... да всю историю русских

народных волнений. Такой, каков он есть, он всегда будет революционером против всякого строя: скрытым—если тот или иной строй силен, явным и беспощадным—если строй пошатнулся. Нужны ли доказательства тому, что из инстинктивного ощущения своей собственной, необъятной силы он и признает реальное значение только за силой? Если нужны, сопоставим картины крестьянских восстаний и приемов их подавления при старом порядке и при порядке революционном: мы увидим, что от перемены одной формы государственного устройства на диаметрально противоположную, не изменились ни вражда крестьянства ко всякому вмешательству в его жизнь, ни формы его протеста, ни способы подавления.

Вывод ясен. Тысяча лет полного бесправия сделала народ тем, что он есть. Вся его история отучила его от понимания слова „право“, как силы, которою *он* обладает, и приучила его к представлению о нем, как о силе, *им* обладающей. Крепостная неволя называлась крепостным *правом*. Правительство—производное слово от того же корня—было для него главным образом источником всяческих „*правейшей*“ и повинностей, вплоть до военной, противной его антигосударственной душе, и всяческих беспокойств, отвлекавших его от его прямых дел из-за мертвого тела, пожарных сараев, сельских должностей, свидетельств на суде, присяжных заседательств и т. д.—без конца. А так как за последний век он слышал слово *право* всегда в связи со словами „свобода“,

061935920
3023111033

„законность“, „просвещение“, и т. д., именно от людей из враждебного ему мира, все больше и больше отходивших от всего того, от чего он не хотел и не мог отойти—от земли и работы над нею,—то и эти понятия утрачивали в его глазах свой действительный смысл и реальный вес. Он плотно замкнулся в себя не только от этого чуждого мира, но и от своего собственного, и приник к земле. Никогда вы не узнаете действительного облика отдельного крестьянина по тому, каков он на людях, даже у себя на мирском сходе. Свою настоящую думу он думает наедине с собою, никому не поверяя. Он умеет молчать, но умеет говорить так, как умеют великие дипломаты, чтобы скрыть свои мысли. Выделяя из себя людей высокой нравственной чистоты или исключительных дарований во всех областях как практической, так и духовной жизни, он и этим людям не открывал сокровенных тайн подсознательной эволюции, происшедшей в его массовой душе: раз они вышли из его сферы и приобщились к высшей культуре, между ними и народом немедленно вырастает стена. Происходит что то вроде того, что старый романтизм видел—и не без поэтического проникновения—в отношениях душ, оставивших тело, к душам живых людей: между ними сохраняется связь и взаимовлияние, но разница их миров создает между ними что то такое, что сразу делает их чуждыми и враждебными друг другу. Именно враждебными: мы знаем это чувство страха к самому близкому мертвецу. А где страх, там уж

нет единства жизни, а значит, и взаимопонимания. Не будем брать случаев, когда высшая культура совершенно отрывает человека народа от его среды; вспомним, как далеки друг от друга городской рабочий класс и сельский крестьянский: обе революции показали нам, что они быстро расходятся по целому ряду не только тактических путей, но и своих конечных целей в вопросах политической, экономической, бытовой, даже духовной жизни.

Подсознательный процесс перерождения душевных глубин народа необъятен по своим результатам, по своему влиянию на все будущее России, загадочен тою таинственностью, в которой он протекал, и не только для нас, так наз. „интеллигентов“, но и для него самого, и поразительно значителен по многогранности сторон, которых коснулся этот процесс.

Например, знали ли мы, знал ли сам народ, до какой степени определеннейший рационализм сменил в его массовой душе то страстное богоискание, которое еще не так давно вызывало в нем кроме искренней преданности православной церкви, религиозный экстаз, доходивший в течение последних 3-х веков до массового мученичества, до великого бесстрашия бесчисленных сектантов? Каким процессом совершилась эта смена? Когда началась и когда завершилась? Кто ее отметил, пока она не встала перед нами как бесспорный факт? Да и кто из чувявших это перерождение посмел бы его отметить, без

риска прослыть клеветником на народ? Точно также, кто знал перед Февральскими днями, что весь народ уже давно, помимо всякой пропаганды, помимо всяких агитационных влияний, тем же неведомым процессом, каким он дошел до рационализма, уже завершил в своей душе полный круг отрицания всех форм государственного строя и не оставил на отвесных стенах пропасти, куда сразу рухнула старая Россия, ни одного выступа, ни одного кустика, за который могла бы ухватиться не только прежняя форма государственного уклада, но и любая из тех, о которых мечтали все, кто санкционировал революцию? Пусть и рационализм, и отрицание только преходящие значения времени,—я не беру на себя роли предсказателя будущего. Мое дело в пределах задачи этой статьи отметить тот сдвиг с прежних вековых устоев, который мы должны признать, как факт, если не хотим трусить или лицемерить, и стихийность этого сдвига.

По последней переписи в России числилось в круглых цифрах крестьян около 75% всего населения—сплошь жителей сел и деревень, и около 12% городского рабочего класса. Социалистические формы государственного устройства находили свою главную опору в последних 12%, т.-е. в городском пролетариате, но вряд ли я ошибусь, если скажу, что его подавляющая масса, за исключением наиболее убежденного и сознательного меньшинства, мыслила эти формы в применении исключительно к городам и фабрикам, а в земельном вопросе

невольно, хотя и непоследовательно, подчинялась крестьянской психике. Эта психика объединяла 12% с 75% и образовывала „народ“, составляющий, значит, 87% всего коренного населения России.

Кто знал его перерождение? Власть? Но она искренне верила, ослепленная тысячами преломляющих настоящий свет стекол прошлого, сквозь которые она глядела на настоящее, что народ в своей массе глубоко ей предан; что эта преданность так же непоколебима в народе, как и его вера; что отдельные эксцессы вызываются только крамольниками, к числу которых с легким сердцем относилась и все либеральные партии; что идея государственности, воплощением которой она также искренне считала исключительно себя, постольку сильна в народе, поскольку это необходимо в видах власти, и, вместе с примыкающими к ней консервативными элементами, была твердо убеждена, что внешнее могущество и внутреннее благо России, как политического целого, близки и дороги народному сознанию; что та политическая форма, в которую многовековым процессом сложилась разноплеменная страна, крепка и устойчива именно в силу того, что народ и, главное, войско стоят только за эту форму, что ими иная не мыслится; что народное сознание только в ней видит прочную гарантию, столь, по ее убеждениям, — близких и дорогих всему народу внешнего могущества и внутреннего блага; что, конечно, придется пойти на некоторые уступки после войны, особенно в случае поражения, но что пока именно народный

дух обеспечивает власть от общественной оппозиции, надоедливой, как шмель; что если даже рабочий элемент страны и не вполне надежен, то он все таки элемент того же „народа“ и в своих кардинальных течениях сливается с ним.

А между тем та же статистика дает сильное увеличение этих 87%. Остальные 13% распределяются в круглых цифрах так:

Иностранцев	7%	} 9%
Казачья	2%	
Дворян и чиновников	1 1/2%	} 4%
Духовенства	1/2%	
Купцов и почетных граждан	1/2%	
Свободных профессий	1/2%	

Мы смело можем считать, что интеллигентный элемент иностранцев и казаков равен народному элементу духовенства и купечества. Значит, мы можем все 9% двух первых элементов причесть к 87%. „Народ“ возрастает до 96% всего населения, интеллигенция, самых разнообразных слоев и окрасок, составит 4%. Что же из себя представляет оппозиция по мнению правительства до переворота? Кучку крикунов и 1—2 человека на 98—99 верноподданных! Эта кучка надоедала, но поколебать ничего не могла.

Мы должны или признать, что власть безгранично верила всем своим иллюзорным представлениям о народном духе, не имея никакого понятия о том, во что он переродился, или считать ее в полной мере безумной. Только слепой верой или острым помешательством можно объяснить

себе ее смелость—вооружить 12 миллионов людей из этого народа, свести их в одну необозримую толпу и надеяться, что эта сила будет исполнять ее волю, а не творить свою, что она пойдет *за* нее, а не *против* нее. Вернее предположить, что она не знала своего „народа“. Кто же знал?

Политические вожди оппозиции, прогрессивного блока, социалистического крыла Государственной Думы? По вековой традиции русской освободительной мысли, они прозорливо изобретали те обводные каналы, по которым могла бы разлиться народная стихия после неизбежного, как смерть, очевидного для всех, кроме власти, взлома сковавшего ее льда, и видели эти каналы одни в широкой конституции, в парламентаризме, в самоопределении народностей, вплоть до широкого введения федеративного начала, другие—в республике демократической, социальной, —словом, в тех формах, какие знала Европа и Америка на практике или в теории. Партии боролись за них друг с другом, а все вместе с правительством, которое упорно верило только в вечность ледяной коры, как будто жило под полярным кругом, и лишь изредка, когда лед начинало угрожающе пучить, пробивало маленькие проруби, вроде конституции 17 Октября, и сейчас же затягивало их. Но будем искренни и признаем, что как тех из вождей той эпохи, кто надеялся обойтись без революции или задержать ее порывистое наступление, пока они не сговорятся со всеми „друзьями справа и слева“, так и тех, кто ждал и торопил ее, она застала врасплох, не-

готовыми, без плана организации хотя бы первых ее шагов, словом, так же изумила оппозицию, как и власть, своею неожиданностью, а впоследствии и сюрпризами. Войска, подошедшие к Думе 27 Февраля, были, может быть, *отчасти* знакомы нескольким отдельным деятелям думского социалистического крыла, но даже им, не говоря о прогрессивном блоке, было невдомек (как впрочем, и самим солдатским и рабочим массам), какие подсознательные отрицания всех форм русского государственного устройства,—тогда представлявшихся возможными или желательными от конституционной монархии вплоть до социальной республики,—несут в себе эти калужане, казанцы, сибиряки, киевляне, москвичи, какие политические и социальные доктрины могут объединить их и найти в них поддержку. Кто знал, какие невысказанные мандаты даны им из тех глубоких недр, откуда они пришли в войска и на фабрики?

Интеллигенция? Опять таки посмотрим правде в глаза. Мы все видели в народе Силоамскую Купель, которая исцелит нас и государство, когда ее взволнует Ангел революции; видели в народе богоносца, всечеловека, источник высшей земной и божьей правды, который обновит Россию и весь мир, как нас учили Толстой, Достоевский, вся наша литература, но не имели великого мужества Тургенева признать в нем *сфинкса* и,—не будучи Эдипами,—взялись разгадывать его загадки. Ни один интеллигент прогрессивного или революционного лагеря не допускал тени сомнения в

том, что так как всякая форма власти существующего образца есть общий враг свободы и народа и интеллигенции, то в борьбе с этим врагом за общую свободу эти две силы пойдут рука в руку к тем новым формам жизни, относительно которых, однако, и сама то интеллигенция никак не могла согласиться и делилась на десятки партий и оттенков.

Один из талантливых журналистов оппозиционного лагеря, Номо Novus, дал блестящую иллюстрацию этой веры. Еще в 1905 году он написал статью, где страстно и сильно рисовал русскую интеллигенцию в образе Дон-Кихота, восторженного борца за высшие идеалы человечества против всякого зла, насилия и неправды, а русский народ—в образе его оруженосца, Санхо Пансы, с безграничной любовью, непоколебимой верой и самоотверженной преданностью не покидающего своего рыцаря ни в боях, ни в поражениях, ни торжествующего, ни истекающего кровью. Грехатаить нечего, и сейчас еще сильна наша вера в возможность достигнуть, хотя бы через великие страдания, этого братского слияния. Но утверждать, что эта талантливая фантазия оправдалась двумя первыми годами революции, значит определенно игнорировать грустную действительность. Я думаю, это должны признать наедине со своею совестью все идейные вожди всех направлений, всех моментов русской революции, от ее начала до того дня, когда я пишу эти строки... *Все без исключения.*

Если проводить литературные параллели, то скорее всего русская интеллигенция и ее политические деятели напоминают того доверчивого рыбака в сказках „Тысячи и одной ночи“, который снял с сосуда печать Соломона, сжалившись над заключенным в нем могучим гением, не зная, что гений, измученный долгой неволей, решил, наконец, стереть с лица земли того, кто его выпустит. Снял ли бы он эту печать, если бы знал, что его ожидает? К чести русской интеллигенции надо признать, что рыбак, конечно, не снял бы, но она сняла бы и в этом случае. Однако, факт все таки тот, что она не знала измученного гения земли.

Но сняла печать не она. Печать эту сорвала война.

Война вооружила народ, отрезанный историей и бытом от всех культурных своих верхов, правительственных, духовных, эволюционных и революционных; народ ушедший в свою непроницаемую глубину, полную неограниченных возможностей и загадочных процессов перерождения; народ, *составляющий 96% всего населения России*. Война заставила его выделить *свою* армию несметной силы, так сказать „выразила“ его в одной компактной массе и вочью показала ему, что он может сделать, если захочет, для себя самого, для своих интересов. А именно, ни своих целей, ни своих интересов он не видел в числе мотивов войны, как тех, которые ему не были понятны, или, по его логике, не стоили его великих жертв, так и тех, которые были доступны его пони-

манию. И он воевал с ббльшею злобою против своих, чем против врагов, и уже без той тупой покорности, которая быстро вырабатывала из прежнего новобранца стойкого солдата.

Прежде всего народу была всячески чужда *идейная* сторона войны, столь близкая, столь ясная союзным странам по всему их историческому прошлому, по органической связи каждого их гражданина, без различия класса и состояния, не только с государственной, правовой, социальной, всяческой культурою своей страны, но и с историческим процессом создания этих культур как мирным, так и революционным путями. Взамен этой связи русская жизнь делала пропасть между 96% народа и 4% культурных классов, разбитых к тому же на десятки партий, все глубже и шире. Эта идейная сторона для тех же 96% русской армии просто должна быть выключена из числа тех „за“, которые оправдывают войну и одушевляют воинов. Ни „за“ права народов, ни „за“ свободу Европы от германского ига, ни „за“ моральные ценности, попираемые грубой силой, ни „за“ независимость Сербии, ни „за“ единую Польшу, ни „за“ нейтральные права Бельгии, ни „за“ силу международных договоров, ни „за“ самоопределение малых народностей русский солдат по своей доброй воле умирать не хотел: права народов, включая и его собственные, он сам привык попирать сколько угодно,—мы видели его представление о праве.— Европа была глубоко равнодушна к игу над ним немецких губернаторов и бурмистров, дравших

его самого или его отцов не на живот, а на смерть в городах и селах—и он оставался глубоко равнодушным к возможному игу тех же немцев над Европой, да и целым светом. Моральные ценности были ему также понятны, стоили в его глазах тех же жертв, как и международные договоры. Самое существование Бельгии подлежит еще большему сомнению,—добро бы еще Голландия, о которой он кое что слышал. Сербию он уже освободил от Турок, вместе с Болгарией, всего лет 40 тому назад, а Болгария вон против него же пошла—очевидно, там народ вообще ненадежный. С Польшей дело еще запутаннее: то мы ее усмиряли, когда она даже и не „бунтовала“, а так—„шумела“, а теперь за нее деремся, чтобы ее же отпустить на волю. И так далее.

Но есть и всем понятные „за“: за свой дом, поле, семью, свои насущные интересы. Этих мотивов он не ощущал так непосредственно и болезненно, как его союзники.

Франции Германия наступила на горло, опустошила весь ее север, вот-вот схватит железной рукой и вырвет ее сердце и душу—Париж. Иногда, казалось, стоит ослабеть героической стойкости, легендарному мужеству французов—и великая страна переживет эпоху Карла VII, или будет сброшена в океан, а трупы ее детей образуют в Ла-Манше плотину, по которой войска Вильгельма победным маршем пройдут в Великобританию под звуки нового гимна *Wahct am Atlantic*.—Победи Германия на море—и Англии нет,

как мировой метрополии, как повелительницы морей.—Италия, на нашей памяти вернувшая себе Венецию и Милан всенародной борьбой, теряет их и возвращается к пределам, в каких была до Гарибальди и своего объединения, свершенного глубоко национальным под'емом, не помешавшим объединенной нации стать в первом ряду социалистических стран Европы.—Бельгия, Сербия... о них не надо говорить. Каждый из граждан всех этих стран воочию видел врага избивающим его семьи, насилюющим его жен и дочерей, грабящим и истребляющим его дом, поле, сад, все имущество, фабрики, где он зарабатывал себе хлеб. Все это делалось тут же, на его глазах, или на расстоянии ужасающей близости, и, кроме всех идейных побуждений, Француз, Серб, Бельгиец, Англичанин, Итальянец чувствовали себя так органически, непосредственно связанными своими чисто личными жизненными интересами духовного и материального характера именно с той землей, на которой они бились с вторгнувшимся или стоящим на границе вторжения врагом, что им невозможно и некуда было отступить, не теряя буквально всего.— Душа их была там, где страдало их тело.

Девять десятых русской народной армии не были связаны этою кровною связью с теми местами, на которых они бились. Их дома и семьи были в недосыгаемой глубине страны. Для того, чтобы понять это, стоит только сопоставить размеры русского тыла, откуда войска были стянуты на фронт, с размерами тыла Франции, Англии, Бельгии,

Италии, Сербии, Черногории: за русскою армией было 23 миллиона кв. километров в одном компактном массиве, на котором рассеяны были семьи и родные углы русских солдат. За Францией всего $\frac{1}{2}$ миллиона, за Великобританией $\frac{1}{3}$ миллиона, за Италией $\frac{1}{4}$ миллиона, за Румынией $\frac{1}{8}$ миллиона, за Сербией $\frac{1}{20}$ миллиона, за Бельгией $\frac{1}{40}$ миллиона, а всего вместе $1\frac{1}{4}$ миллиона. У всех вместе в 20 раз меньше, чем у одной России.

Францию, Бельгию и переправу в Англию защищали их граждане, люди равного уровня всякой культуры,—от культуры домашнего быта до культуры государственной и общественной,—одушевленные ясным сознанием, что гибель каждой из этих стран есть гибель двух остальных.—У нас сибирские, уральские, великорусские, донские, волжские, терские, амударьинские и т. д. обитатели бились в Литве, Польше, Эстляндии, Курляндии, Лифляндии, Подолии, Австрии, Турции, Персии за тридевять земель от своего угла. Найдём ли мы в девяти десятых „народного“ элемента армии хоть этот, чисто личный, пусть даже эгоистический, но во всяком случае вполне реальный мотив боевого вдохновения? Тот мотив, который заставил Тургеневского воробья заслонить собою от собаки своего птенца, выпавшего из гнезда, и спасти его, удивив даже собаку силой своей бессмысленной отваги. Каким птенцам или гнездам Воронежского или Пензенского крестьянина угрожала непосредственная опасность? „До нас не дойдут“.

Наконец, раньше воевали „за веру, царя и отечество“. Но *первый* член этой традиционной формулы, во-первых, не выставлялся даже официальным мотивом, т. к. на веру никто не посягал; а во вторых, мы отчасти отметили душевный сдвиг в области религиозных запросов. Революция лучше всяких слов отметила ценность *второго* члена в глазах народа. Остается *третий*.

Мы сейчас увидим, как мгновенно рухнуло единство русского государства, лишь только рухнул символ этого единства—монархический строй. Значит, идея отечества, как единого целого, в подсознательной душевной глубине Великоросса, Малоросса, Донца, Кубанца, Поляка, Прибалтийца, Финляндца, Сибиряка, Кавказца, Киргиза, Крымца, Сарта „и пр. пр.“—не совпадала с идеей государства: отечеством для каждого был его край, далекий или близкий от фронта. А государственность в своих отражениях на личном благе огромного большинства этих 96%, во-первых, противоречила, как нам показала жизнь, их подсознательным симпатиям и держалась только по инерции их вечного страха перед силою власти; во-вторых, вела их наиболее ценные рабочие силы на смерть без достаточных, по их представлению, оснований.

Надо мужественно сознаться, что патриотизм имел грустную историческую судьбу в России—и эта судьба неумолимо логически привела к тому, что верное до циничности предсказание Гинденбурга оправдалось, прежде всего, на России.

Народные нервы, лишённые возбуждающих средств, сделавших союзников победителями и сломившие своим сверх-человеческим напряжением германскую мощь, не вынесли войны. В этой судьбе патриотизма равно повинны и власть, и интеллигенция, и литература. На протяжении всей государственной истории России разных объёмов, от Московского Царства до Петербургской Империи, власть не допускала патриотизм вырости *из очевидности для всех отдельных народностей* (начиная с господствующей, великорусской), *блага и пользы принадлежать ко всему русскому народу, „ко всея России“*. Она заключила его в формулу „вера, престол и отечество“, не чувствуя, что ее две первые части под напором мировой эволюции последнего столетия перестали быть существенным ее содержанием, а третья, самая устойчивая по своему реальному смыслу, не растворила в себе племенного начала. Еще меньше власть сумела построить массовый патриотизм на начале классовых выгод: требуя во имя государства необычайного самоотречения, грандиозных жертв „жизнью и достоянием“ от непрерывного ряда поколений всех сословий и всех состояний, она не только целиком пользовалась одна со своими присными результатами этих жертв, не уделяя в полном смысле ничего воевавшим массам, но не допускала даже к участию в распределении плодов победы, как материальных, так и моральных, ни народ, ни так наз. общественные силы, ни даже своих собственных сотрудников, не принадлежавших к избранному кругу „жадной толпой

стоящему у трона, свободы, гения и славы палачей“.

Никакие победы и расширения и „так уже обширнейшей в свете Империи“,—по выражению Манифеста о присоединении Грузии 12 Сентября 1801 г.,—никакие спасения ее от всех смертельных опасностей, начиная с татарского ига и кончая нашествием двенадцати языков, не влекли за собою оплаты морей народной крови, пролитых в бесчисленных победных войнах, не только в виде улучшения личного положения участников—бесчисленных масс офицеров и солдат, но и какихнибудь общих реально ощутимых благ. Кончалась опасность; победный мир расширял пределы „обширнейшего в свете“ отечества до того, что уже примитивная гражданственность русских народных масс не могла вместить в себе его целого в качестве понятия о родине—и все те, кто спас или расширил отечество, возвращались в первобытное состояние капитанов Копейкиных или департаментских сторожей Михеичей, за исключением отдельных счастливцев из упомянутого выше круга. Патриотический подъем не приносил не только 96-ти, но 99,9999% всей России никакого существенного улучшения ни в духовном, ни в материальном смысле. „Победные трофеи“ на глазах у всех шли именно на усиление того ненасытного Молоха, который стоял вне простых жизненных интересов всех классов, как нечто от них отдельное, нечто страшное по аппетитам, самодовлеющее, грозное, чужое, имеющее сверхчеловеческое право

требовать все и не давать ничего иначе, как по своему редкому капризу, и этот Молох отождествлял себя с государством.

Оппозиционная и революционная интеллигенция до начала войны была так же, как и весь народ, в силу тех причин, пропитана тою же враждой к официальному патриотизму, искала взамен самодовлеющего Молоха новых форм и начал государственности, которые могли бы согласовать интересы всех русских граждан, без различия классов и национальностей, с ростом государственного могущества и силы. Но в горячке борьбы за эти формы и начала с властью, которая в своих призывах к жертвам всегда утилизировала слова „патриотизм“ и „патриот“, общественная оппозиция установила за этими терминами значение, определенно враждебное идеям свободы и счастья России. Девяносто девять сотых русской печати отождествляли это слово с черной реакцией, и когда настала война, а с нею попытка политического моратория (правда, невыдержанного до конца), обе стороны точно сговорились избегать по возможности хотя бы самого слова, т. к. понятия, им выражаемого, обойти было никак нельзя: народы шли на народы, нации на нации, и самый ярый интернационалист, как мы знаем, вынужден был считаться с национально-государственными окрасками своих друзей и врагов. На деле патриотизм, в сущности, лежал в основе войны и даже социалисты всяких партий, кроме циммервальденцев, делали участие в ней обязательным для своих

сторонников. Но русская интеллигенция до войны успела уже так же сильно дискредитировать в глазах народной массы термин, как власть дискредитировала его содержание. Получилась народная война без патриотизма. Нечто трагическое, как впрочем, вся судьба великой страны..

Итак, что же оставалось побудительным двигателем для серой компактной массы 96-ти % нашей армии? Только *властный приказ—и ничто другое*. Больше того,—в ней гнездились все время ужасное убеждение, что „под немцем хуже не будет“. Но для всей русской интеллигенции, без различия направлений, партий, классов и сословий, идейная сторона войны не только была ясна и близка, не только связывала ее с союзниками общей ненавистью к заносчивому девизу „über alles“—но и приобщала к великим колыбелям мировой свободы. Для нея Германия прусско-австрийского государственного склада грозила, в случае своей победы, не только утратою тех жалких крох правовой и экономической культуры, которых она добилась, но и гибелью на долгие годы всех надежд и грез, всех стремлений к свободной и светлой жизни. Весь мрак и ужас беспримерной войны для интеллигенции был также невыносимо мучителен, жертвы так же бесчисленны, как и для народа, война сама по себе так же ненавистна. Но неизбежность ее—понятна, а цели,—даже не считая обще-славянской идеи,—близки ее духу и мысли. Для серой же России жертвы также мучительны, также бесчисленны, но ничем, кроме государственной повин-

ности, необъяснимы, а цели—или чужды, или непонятны, или просто безразличны. Ее громадному большинству нечего было беречь, потому что почти нечего было терять, кроме жизни...

Пропась, отделявшая государственность существовавшей и ожидаемой формы от массовой психики, стала совсем бездонной. Не могли этого, наконец, не увидеть и власть, и интеллигенция. Но первая тупо держалась старой веры в прежний дух армии, в могущество дисциплины, в традиции боевого прошлого России—во все, что уже утратило свою силу побудительного импульса. Интеллигенция объясняла себе эту пропасть *только* существующею формою правления, верила в единство свое с народом и мотивировала его выступления против себя так же, как и еврейские погромы,—черносотенным влиянием, а все сильнее и сильнее проступавшую в армии ненависть к войне—теми порядками и условиями, в которых непопулярное правительство ее ведет.

Но когда полки направились в Г. Думу и ее признали учреждением, возглавляющим новую Россию, все политические партии, а с ними и вся интеллигенция, уже потерявшая половину своих детей за три года войны, были твердо убеждены, что армия революционной России пойдет по пути армии Великой Французской Революции XVIII века и завершит, наконец, проклятую бойню „победным концом“. Казалось, в опьянении первыми, еще мягкими дуновениями свободы, что и в серой массе была эта вера, конечно, не так формулируемая.

Относительно известной части ее не было ошибки: мы знаем, что вплоть до сепаратного мира фронт таял, но держался, давая иногда яркие вспышки, вроде хотя бы Брусиловского наступления в Июле 1917 года. Однако, с первых же недель Марта 1917 г. обнаружилось стихийное тяготение серой массы вглубь России, к земле, которую ей надо было „делить“. Перед этой заветной мечтой, веками лелеянной, не устоял народ, плохо вооруженный для борьбы с Германией, но более чем достаточно для завоевания самой России. Все, что становилось между этой целью и им, сметалось без следа— и лица, и нормы. Пресловутый приказ № 1, на который указывают как на единственную причину развала армии, был в сущности только поводом к дезорганизации, вернее, ее внешним показателем: будь в армии иной дух, иные тяготения, этот приказ, может быть, вызвал бы то же падение старой дисциплины, те же дикие эксцессы против командного начала, но не помешал бы— пусть такую же недисциплинированную толпою, как в 1812 г.—кинуться на запад или, по крайней мере, не пускать врага к себе. Создалась бы какая то другая дисциплина, вместо упраздненной, о чем и мечтали революционные деятели, если бы стихийное течение влекло народ вперед, а не назад. Причина развала армии была вся та внутренняя психика народа, которую мы постарались по мере сил и возможности наметить здесь в общих контурах. И пока Петроград и Москва думали дирижировать той революцией, которая проступила в необъятном

тылу, подпочвенные ручьи проточили тысячи ходов в самой глубине армии, весь ее массив осел, расползся по швам и, наконец, рухнул, засыпав своими обломками всю беспредельную Россию, похоронив под ними и ее боевую славу, и ее государственную честь, и былое могущество. Революция в армии вернула в распоряжение народа все силы, которые само государство вооружило до зубов и думало подчинить своей воле. Она послала с фронта в сотни тысяч русских деревень и городов пулеметы, винтовки, даже орудия, которые могли палить по воле тех, чья рука была на курке или взводе, и тех, кого три года войны приучили смотреть на всякую жизнь как на нечто подлежащее уничтожению, на всякое имущество как на предмет разграбления и на каждый вершок земли как на объект захвата. А интеллигентский тыл искренне верил, что эта массовая воля направит эти силы туда, куда указывала его идеология, что революция пойдет так, как она должна была идти по переводам с историй европейских революций, и мечтал поток, заливший Россию, поднявшийся из ее глубин, снесший все плотины, направить по гуттаперчевым трубочкам своих государственных и социальных грез...

Февральский переворот показал, что если представить себе всероссийский конгломерат в виде фантастически-колоссального дерева, то государственность прежней формы являлась его корою, разноплеменный народ—его необ'ятной сердцевиной. Между корою и сердцевиной давно образова-

лась пустота: кора давно стала мертвым футляром, а не живым наружным покровом, органически слитым с телом. Этот футляр не пропускал через свою толщу ни света, ни воздуха, заставляя этим весь внутренний организм дерева питаться исключительно таинственными подпочвенными соками. В темной и узкой пустоте, образовавшейся между государством и народом, билась русская мысль, изо всех сил стараясь оживить сухую отставшую кору, переродить ее в новую, живыми венами и артериями связанную с сердцевинной, а в свою очередь связать сердцевину с нею и этот обновленный организм отдать во власть солнца и вольного воздуха. Но кора не выдержала тройного напора—войны, мысли и взбушевавшихся внутренних сил, футляр разлетелся вдребезги, и перед миром встала груда всяких классов, всяких народностей, культур всех степеней, груда, которая казалась под облекавшей ее корой чем то единым и связанным каким то цементом. А именно цемента то и не было. Его заменили железные обручи, механически скреплявшие циклопическую кладку. Мы слишком хорошо знаем эти обручи, чтобы о них говорить, как и о том, каковы должны быть составные части государственного цемента, чтобы он имел силу связывать классовые и племенные группы. У рухнувшего государства полицейского типа обручи были все налицо, а цемент был в таком ничтожном количестве и так слаб, что немедленно после Февральского переворота началось тройное разложение России, как целого: распадение на классовые

группы, распадение на группы областные или племенные и отпадение от международной государственной группировки. Мыслимо ли для политического организма, сплоченного общей культурой пусть даже неравномерно, но широко разлитым в народе экономическим благосостоянием, уважением к человеческим правам личности и национальности, всей суммой правовых начал равенства и свободы, ограждающих эти примитивные блага,—мыслимо ли для такого организма вызвать политическим или социальным переворотом такой всесторонний такой молниеносный по быстроте, мучительный по бездне страданий, такой судорожно-поспешный распад. Вспомним, что процесс распада Римской Империи тянулся века. Распад России совершился мгновенно.

Два года мы переживаем непрерывный грохот отрывающихся глыб; народ окончательно отрывается от культурных классов и отрывает этим себя надолго от сближения с лучшими формами государственности; армия отрывается от союзников и этим отрывает государство от всякого общения с внешним миром; Россия теряет всех друзей и не избавляется ни от одного врага. Благородная Польша, ровесница Грузии по инкорпорации, вынесшая весь нестерпимый гнет деспотии, в конец разоренная войной, все таки делит судьбу метрополии, посулившей ей в будущем свободное существование, и держит свои полки, как и Грузия,—никаких даже обещаний не получившая,—до последней минуты на русском фронте, но ее отделение предрешено. Провозглашает свою

полную независимость Малороссия, отпадают Финляндия, Крым, Бессарабия. Радостно кидается Прибалтийский край в объятия временно-победоносной Германии, и предрешается присоединение Курляндии, Лифляндии и Эстляндии к ее Имперскому союзу. Обособляются от центральной России Донское, Кубанское, Терское и Уральское Казачества, Сибирь, пытаются сделать то же Среднеазиатские владения. Сперва Временное, потом Советское Правительства на разных началах, разными приемами борьбы, во имя самых разнообразных и часто противоречивых принципов, стараются удержать от отрыва и вновь собрать эти отдельные глыбы, отпадающие от великой России с неудержимой силой и стремительностью. Горный Кавказ от Черного до Каспийского моря, силою событий и своей природы, немедленно зажил какую то своей внутренней жизнью, о которой мы пока ничего не знаем, но отзвуки которой на северном Предкавказье показывают, что Горские племена мало изменились за 60 лет полного русского владычества, и отрезал Закавказье от России. Все это уже свершилось к концу 1917 г. Грузия *последняя* провозгласила свою независимость лишь в Мае 1918 г. Этому акту предшествовали отход к Турции по Брест-Литовскому договору коренной Грузинской Батумской области, и, несмотря на состоявшийся мир, определенная угроза Турецкого наступления на Тифлис и разорение Ахалцихской области. Мы видим Грузию вновь, как до слияния, кольцом окруженной Исламом.

Я должен был остановиться более подробно на анализе внутренних сил, определивших характер Февральского переворота, чем на событиях, происшедших после него.

Революция в полном ее разгаре и ряд ее отдельных передитий и этапов с Февраля 1917 г. и до наших дней не дает никакой возможности определить, какие из них решат ближайшие судьбы Грузии и какие окажутся безрезультатными, несмотря на всю свою грандиозность и временное значение. Поэтому, теперь важнее самых актов длящегося революционного процесса отчетливое уяснение себе психики живых сил, вызвавших и творящих революцию. Именно в них самих, а не в событиях данного дня или года, лежат зародыши будущего и только в них, при их внимательном исследовании, можно найти твердую базу для верного освещения вопроса: попрежнему ли мощны, или ослабели, или наконец, совсем разомкнулись об'ятия, в которых более века сплелись две политические единицы? Изменилась ли только внешняя форма колоссального организма, инкорпорировавшего Грузию, или в тот же период переродился он весь до самых сокровенных глубин своего существа? Если прочность формы и характер связи двух физических индивидуальностей находится в полной зависимости от изменений тех или других моральных или внешних свойств данного лица, то тем более этот закон действителен по отношению к кон'юнктурам политических тел.

Когда в первых трех отделах этой статьи мы говорили о политической связи Грузии с Российским Государством, нам не было нужды детально вглядываться в его облик. Он был так определенно и так резко очерчен, так близко знаком всем и каждому, что освещал собою и себя самого, и внутренний смысл тех отношений, в которые он вносил свое влияние. Мы видели, что с переменою внешнего облика перед нами обрисовалось нечто такое, что прежде всего противоречит всем прежним представлениям о его сущности, об его объединительной мощи, о силе его связующего начала. Централизация прежде всего требует наличности центра. А мы видим, что именно центр утрачивает свою магнитную силу и притянутые им части стремительно от него отрываются. Объединение требует крепкого внутреннего цемента или внешней механической силы. Первого не было в старом государстве—да и новое в тех его трех видоизменениях, которые проходят перед нами со дня переворота, пока не может найти достаточно прочного, чтобы хотя кое-как связать свои классовые элементы, а механическая скрепа—старые железные обручи—разлетелась вдребезги именно под напором тех сил, которые обнаружили свой лик, лик, прежде всего полный глубокой ненависти ко всякой силе, связывающей людей в общества и государства. Какая же политическая форма и какими средствами вновь централизует отпавшие глыбы, объединит распавшиеся классы, свяжет новую государственную единицу с внешним ми-

ром? Пока из клубящегося хаоса не вырисовывается даже контур этой грядущей гармонизирующей силы. Носятся только духи над бездной...

Словом, Россия 1918 г. изменилась вся целиком, внутренне и внешне, в существе и в форме. Новая похожа на старую так-же, как Совдеп на Победоносцева.

И для Грузии важно прежде всего пристально и внимательно взглядеться в ее новый облик, в ее духовный склад, дать себе полный отчет, насколько процесс ее перерождения отразился на самой Грузии и насколько переродившаяся Россия близка ее духу, интересам и влечениям, насколько крепки старые узы... и насколько они обязательны при изменившихся сущностях. Для этого прежде надо хорошо узнать новый лик.

Вот почему я счел нужным на протяжении этого отдела совсем отказаться от национального обособления двух стран и рассмотреть русский новый облик в полном объеме бывшей единой державы, в состав и жизнь которой—мирную, боевую и революционную—Грузия входила не только в качестве составного элемента великого политического тела: она участвовала и в богатейшей духовной жизни России, в ее редких радостях и великих страданиях, вместе с ней возмущалась, грезила, надеялась, отчаивалась, переживала победы и поражения, славу и позор долгие годы... И какие! Годы XIX века, начала XX, годы величайших разрушений и величайших созиданий человечества.

Еще несколько необходимых слов.

Каждый непредупрежденный читатель может соглашаться или не соглашаться с моими выводами, но не может не признать, что предлагаемый его вниманию анализ факторов Февральской революции произведен мною с полной объективностью. Без этого массовые настроения и вызванные ими явления не могли бы быть освещены иначе, как с партийной точки зрения, окончательно недопустимой при рассмотрении исторических событий стихийной силы и логической неизбежности. Мы еще не отделились от их прямых последствий настолько, чтобы оценивать их по существу, т. е. указывать, кто прав и кто виноват, что плохо и что хорошо, что ведет к спасению и что грозит гибелью. В данный момент мы стоим на хребте перевала — и никому не дано знать, что нас ожидает по ту его сторону, — спустимся ли мы в цветущую долину всеобщего счастья, справедливости и человечности, или слетим на дно пропасти, до которого долго не достигнет солнечный луч. Мы даже не знаем, сколько времени нам еще придется переваливать этот крутой гребень. Мы знаем одно, что в муках и нечеловеческих страданиях современного человечества рождается человечество грядущих времен. А что оно принесет в мир — новую правду или новое зло, будет ли оно прекрасно или уродливо — решить так же невозможно, как предсказать, каков будет ребенок, когда он еще в утробе матери, в час ее предродовых схваток и звериных криков от невыносимой боли. Всякое

предсказание будет только гороскопом. Современные астрологи любят их составлять по науке, по художественной интуиции так же, как древние и средне-вековые составляли их по звездам.

Я хочу только по мере сил и разума проследить прошлое и настоящее и не претендую на пророчество. Но беспощадная логика показывает, что если само христианство могло породить инквизицию и изуверство, если оно через девятнадцать веков не могло спасти именно христианское человечество от всемирной, небывалой по жестокости и массовому зверству, войны всех именно христианских народов друг с другом; если все бывшие революции мысли и дела, вся наука, весь прогресс человеческого разума и творчества все-таки привел нас к порогу мировой классовой войны—еще более ужасной, чем международная, то какое значение могут иметь все эти гороскопы, *пока человек не изменится в своей сущности?*

Самое дивное здание не может быть прочным, если его строить из матерьяла, неспособного выдерживать тяжести его форм.

Не собираясь составлять гороскопа, стараясь только дать по возможности верную схему очертаний русско-грузинского единения в момент решения его судьбы, я должен был коснуться психологической стороны эпохи, переживаемой обеими странами в теснейшей связи, и определяющих эту эпоху событий и групповых настроений, и произвести эту работу не только строго объективно, не только без малейшего оттенка классовой пар-

тийности или национальных симпатий, но и без малейшего поползновения хулить или превозносить, оправдывать или осуждать кого бы то ни было и что бы то ни было. Моя задача требует подбора фактов и сводки логически вытекающих из них выводов. Только это я и делаю, но делаю без колебаний, без страха перед несомненной опасностью самых непредвиденных истолкований.

Если для того, чтобы иметь право на оценку самого явления, надо брать его вместе с его последствиями, то, конечно, безусловно недопустима качественная квалификация партий, классов, национальностей, стран и народов, создающих эти явления. Их нельзя разбирать с точки зрения вечно изменяющихся представлений человечества о добре и зле, об императивах нравственного порядка. Мы должны и вправе рассматривать их исключительно *в их причинной связи* с порождаемыми ими событиями, в качестве сил, направляющих и творящих жизнь данных эпох; уяснить себе условия, под влиянием которых сложилась духовная сущность тех или иных групп, и найти преемственную связь между этою сущностью и явлениями исторического масштаба. Но я не считал себя вправе навешивать на людей и события ярлыки с личным мнением о том, хорош или нет тот или другой народ, умна или глупа его интеллигенция, права или виновата его власть, благороден или низок тот или иной поступок, низко или возвышено то или другое настроение. Эта расценка—вне моих намерений и вне прямой задачи этой статьи. Она—дело будущего и истории.

Я озаглавил мою статью — „В мощных объятиях“. Не надо понимать этого заглавия односторонне: сила духовных отношений между народами не стоит в зависимости от их величины, и маленькая Англия так же мощно обняла свои необозримые колонии, как необъятная Россия маленькую Грузию. В войне и революции Россия и Грузия сплелись в объятиях друг друга может быть гораздо крепче, чем в мире, когда действительно, как мы видели, несоразмерность физических сил ежечасно грозила асфикцией слабейшей из двух обнявшихся. Заметим, что и этот вывод есть только логически неизбежный, вытекающий из свойств всякой превосходящей силы, *факт*, а не моральная оценка: в вопросах, касающихся взаимоотношений, национальных или классовых, понятие о моральной ценности еще неопределеннее и изменчивее, чем в вопросах квалификации самих масс и политических групп.

Кроме того, выводы и характеристики групп и событий, точно также, как и мотивировка явлений свойствами сил, их вызывающих, сделанные в этой главе, носят, как не мог не заметить читатель, характер широкого обобщения.

Разумеется, не все массивы народа, армии, интеллигенции, власти таковы, какими они здесь рисуются. В каждой массе не только единицы, но даже целые полосы противоречат сделанным определениям. Это всецело относится и к определениям обще-грузинских черт и классов. Например, вопрос о рационализме и богоискательстве рус-

ского народа и сейчас может вызвать возражения, фактически почти неопровержимые,— хотя бы ссылки на статистические или какие либо иные, не столь точные данные. Но есть что-то неподдающееся „проверке алгеброй“, какое-то носящееся вокруг данного объекта выявление его существа, которое в свою очередь опровергает все опровержения. Это вполне не научно, но и вполне жизненно. Так, не видя человека и не слыша его шагов, чувствуешь его присутствие—и действительно он в комнате.

Прием обобщения всегда дает полную возможность опровергать определения бесчисленным количеством частных фактов, ссылками на авторитет огромной силы, подбором отдельных черт или моментов, не подходящих под те крупные блики, которые я сделал в этом обзоре скорее приемами импрессиониста, чем социолога, на основании жизненных впечатлений, а не научных исследований и кропотливых изучений документальных источников. Я и не придаю этой статье научного значения. Но я стою на том, что в ней нет тенденциозного подбора, пристрастного отношения, внутренней фальши и какой бы то ни было партийной окраски. Я ничего не имею против взгляда на нее, как на мемуары современника. Пусть простят мне именно как современнику событий великой сложности и эпохи великого страдания, если кроме „ума холодных наблюдений“ в ней проступают следы „и сердца горестных замет“.

V.

Мы рассмотрели главные вехи того пути, по которому шла совместная жизнь Картльского племени со Всероссийским государством со дня слияния до дня отложения Грузии. Нам остается припомнить исходную точку долголетней связи,— старую историю присоединения и его характер. Желаящим подробно ознакомиться с нею можно рекомендовать превосходный труд кн. З. Авалова „Присоединение Грузии к России“ (Спб., 1901 г.). В нем сжато и выпукло изложен, на основании обширных документальных данных, весь процесс, приведший к манифесту 12-го Сентября 1801 г., этому решительному акту, положившему конец неопределенным полуотношениям, длившимся много веков.

В самых общих чертах, этот процесс сводится к тому, что Грузия, изнемогавшая в своем героическом одиночестве, давно молила Россию о союзе, хотя бы на началах подчинения, добилась в 1783 году акта о протекторате с сохранением своей политической формы царства Грузинского, престол которого занимал тогда мудрый политик и храбрый воин, царь Ираклий II. Восемнадцать лет Грузия не могла добиться действенного и искреннего осуществления договора и, в ответ на повторные, усиленные мольбы о его подтверждении в полном объеме и об активной помощи,—день в день через шесть лет после взятия и разорения Тифлиса Ага-Мамед-Ханом, 12-го же Сентября

1801 года была, по докладу генерала Кнорринга и вопреки мнению членов неофициального Комитета—гр. В. Кочубея и гр. А. Воронцова, инкорпорирована в качестве русской провинции.

На такое неожиданное разрешение своих домогательств Грузия *немедленно* откликается весьма определенно двумя актами, которые кн. Авалов приводит в своем историческом исследовании. Первый акт—отрывок из прошения дворянства Кахетии на имя генерала Гулякова от 21 Июля 1802 года. Выписываем его целиком. Он рисует многое и сверх того, о чем говорится в прошении. Трудно читать его без волнения.

„Мы, Грузины, составляем одну маленькую землю. С нами воевал Султан, который есть Великий Государь; с нами воевал Шах—и мы бывали его подвластными; с нами воевал Дагестан—то-же большая земля. Но ни одному из них мы не покорились. Хотя они делали нам насилие, иногда и забирали нас, но мы ни одному не сдались, ибо они были язычники..... *Когда они нас покоряли, ни тогда, ни после того они не отменяли у нас царского званья, не отменяли архиерейства, не отменяли княжества, не отменяли крестьянства,* что видят ваши собственные глаза. Не имея покоя от столь сильных врагов, мы многократно оборонялись от них и шашкой, и словом—*то правым, то ложным,* и уплатой дани Дагестану удаляли его от себя. Будучи в таком стеснении, наши цари умоляли всемилостивейшего Государя, чтобы он, ради Христианства, сделал милость, при-

нял нас под *покровительство* России, дабы и Царям нашим прибавилось чести и славы, и церквам, архиереям, князьям, крестьянам и пребывали бы мы в безопасности“. Второй акт того же 1802 г. не так непосредственно искретен и величественно прост, как приведенный, но не менее характерен.

„Прощение на Всевысочайше Е. И. В. имя. Все Кахетинские жители, духовные и светские, на коленях стоя, просим у В. И. В. Всемиловейшего покровительства. Всемиловейший Государь! *Когда* мы присягали В. И. В., *тогда* был объявлен нам высочайший манифест, в котором между прочим изображено, яко-бы мы донесли высочайшему Двору, что царя не желаем иметь, и будто без царя поступили мы под *покровительство* В. И. В.—*Сие было-бы с нашей стороны республиканством на французский лад! Наши цари перед нами никакой вины не сотворили* и нам от них не для чего отрекаться. Более 1000 лет, как род Багратионов есть царственный; многие из них за Христа и за нас мучения восприяли и кровь свою проливали и мы при них умирали. *Итак, отрицание от них не есть наше дело, а выдумка обманщиков;* наше желание и просьба в том состоит, чтобы духовное завещание ознаменовавшего себя великими подвигами на пользу отечества покойного Царя Ираклия было утверждено и по силе его дан бы был нам царь, с которым оставались бы мы под высочайшим покровительством вашим и по мере сил наших употребили бы себя на

службу В. В.—Сего просим от В. И. В. с коленопреклонением и воздыханием“.

Несмотря на отречение от „республиканства на французский лад“ дипломатов, составивших последнее прошение, несмотря на коленопреклонение, оба документа дышат страстной жаждой свободы внутреннего национального самоопределения в образе политической целостности Грузии, хотя бы в тех пределах, в каких допускали условия времени и островное положение Грузинского царства среди исламических волн. Нужна была истинная, врожденная любовь к этому символу народной чести, чтобы спустя всего шесть лет после нового, беспощадного истребления Грузии, напомнившего ей нашествие Тамерлана, так страстно молить о сохранении той самой формы существования, которая за две тысячи лет непрерывной и кровавой борьбы всего народа в полной совокупности,—начиная с „царей, которые за Христа и за нас мучение восприяли“ и до последнего из „нас, которые при них умирали“—не дала никому из них *в общей сложности и полувек а мира и покоя*. Инкорпорация гарантировала Грузию *вполне* от опасностей нового разрушения, связывала ее судьбу с судьбою могущественнейшей тогда в Европе державы, но и это не возмещало Грузии утраты ее исторического облика, в значение которого для ее национального самосознания мы должны внимательно взглядеться.

Манифест 12 Сентября 1801 г. обещал „мир, правосудие, уверенность как личную, так и иму-

щественную,—да пресекутся самоуправство и лю-
тые истязания, да обратится каждый к лучшим
пользам своим и общественным, свободно и не-
возбранно упражняясь в земледелии, промыслах,
торговле, рукоделиях под сенью законов, всех
равно покровительствующих“, сулил „все подати
с земли вашей обращать в пользу вашу и что за
содержанием правления оставаться будет, упо-
треблять на восстановление разрушенных городов
и селений“, уверял, что „каждый пребудет в пре-
имуществах состояния своего, при свободном от-
правлении своей вѣры“ и даже „царевичи сохра-
нят удѣлы свои“,—словом, давал все, чего Грузия
никогда не могла добиться и что обещали, обе-
щают и будут обещат власти и силы всех видов
и форм, при всяких водворениях своего влады-
чества, и своим, и инкорпорируемымъ народам.—
Однако, уже через десять месяцев Грузия считает
нужным сообщить ген. Гулякову, что ни шах,
ни султан, ни „большая земля—Дагестан, когда
они нас *покоряли*, не отменяли у нас царского
звания, не отменяли у нас архиерейства, не отме-
няли княжества, не отменяли крестьянства, *что
видят собственные ваши глаза*“. Трудно сослаться
на более убедительное доказательство нарушения
прекрасных слов манифеста, чем собственные
глаза того, кому приводят в пример шаха, сул-
тана и Дагестан.—Что было дальше, мы видели
во II-ой главѣ.

Прежде всего нам надо отметить один общий
вывод из приведенных актов.

В обеих петициях мы находим веское подтверждение той разницы в содержании институтов крепостного права России и Грузии, о которой мы говорили в двух первых главах: крестьянство является правовым сословием, несмотря на свою зависимость от помещиков. Это подтверждение очень важно: оно дает полное основание рассматривать действия и кардинальные настроения грузинского народа без разделения его на условно-обособленные группы, считать его национально-политические стремления и цели выражением всенародной воли. Крестьянство Грузии, ее „народ“ в ковычках, не только не называется, как в русских старых челобитьях и всяких обращениях „людишками“, „холопями“ и т. д., и не пристегивается к личности господина в качестве массового придатка, но участвует в актах, исходящих от грузинского царства, и упоминается даже в актах русского правительства в качестве государственного элемента своей страны, обладающего известною суммою политических прав.— „Священнейшее духовенство, сиятельнейшие князья, почтенные дворяне и *народ карталинский*,“ обращается генерал Лазарев к Грузии 26-го Января 1801 года; генерал Кнорринг должен отвечать на вопрос „*единогласно-ли* грузины желают подданства (смотри стр. 219, 224 и 227 цитируемого исследования кн. З. Авалова). Император Павел пишет в манифесте 18-го Января 1801 года, что „царь, знатные чины и *сам* народ грузинский прибегли ныне к покрову нашему... и определили мы испол-

нить царя Георгия Ираклиевича и *грузинского народа* желание“. Припомним, что дворянство также было в *крепостной* зависимости от князей и отдельные дворянские семьи переуступались ими друг другу с их поместьями, которые, наследовались, в случаях вымирания дворянского рода, теми князьями, которые ими владели (напр. в числе владений рода кн. Багратион-Мухранских числилось так называемое Сазедгенидзо, владение семьи бывших их *крепостных* дворян Зедгенидзе, которое перешло к семье кн. В. М., а не к ближайшим родственникам, тоже Зедгенидзе, не к дворянству губернии и не в казну). Дворянство освобождено от личной зависимости в 1811 году, но право наследования его выморочного имущества князьями продолжалось еще до конца 50-х годов. Духовенство тоже находилось в *крепостной* зависимости и освобождено в 1804 году. Изо всего этого мы видим, что при однородности с русским самого института крепостного владения, оно в Грузии являлось скорее уродливой формой сословной иерархии, чем крепостного рабства, и отражалось более на объеме юридических прав, чем политических. Иначе и быть не могло в государстве, хотя и феодального строя, но связывавшего всех вместе граждан общностью интересов „маленькой земли, которая не покорилась ни великим государям, ни большой земле“.—Но этой маленькой земле оказалось не под силу устоять против русской государственности.

Начав с того, что „царство грузинское должно быть сохранено в целости, а потому присоединено к России“ (см. Кн. З. Авалов, стр. 214), правительство в манифесте 1801 года, отменявшем трактат 1783-го, проявило трогательную заботливость об ограждении от династических неурядиц именно „разных частей“ народа Грузинского, равно драгоценных нам по человечеству“, которые „праведно страшатся гонения и мести того, кто из искателей достоинства царского мог бы достигнуть его власти.“ Эти соображения, изложенные языком щедринского Эраста Грустилова известным гуманистом князем Платоном Зубовым, привели к желанию—„испытать,—нет ли возможности восстановить первое правление?“ Увы—возможности не оказалось.—По докладу другого гуманиста, генерала Кнорринга, в 22 дѣя изучившего, просидев в Тифлисе (прим. 2 стр. 221 Кн. Авалов), *ria desideria* „разных частей грузинского народа“ и сообщившего его „глас“, это правление грозило ббльшею „бездною зол“, чем сам Ага-Мед-Хан.

„Было решено,—как пишет князь Авалов,—заменить трактат оккупацией, оккупацию—инкорпорацией и произвести *une annexion pure et simple*“, (стр. 243 и 249) чтобы, по выражению манифеста 12 Сент. 1801 года, „внутренним благоустройством благоденствие ваше утвердить навеки“.—Через 10 месяцев „драгоценные по человечеству разные части народа Грузинского“ молят на коленях о восстановлении „первого правления!“

В течении 30 лет после этих легальных форм протеста, не имевших никаких реальных последствий, как и следовало ожидать, мы видим несколько вспышек иного характера. Управление ген. Кнорринга и ст. с. Коваленского, сменивших „прежнее правление“, вызвало ряд народных восстаний (См. Акты Кавк. Археогр. Комиссии, Утверждение русского владычества на Кавказе под ред. ген. Потто.—Очерки по грузинской словесности А. С. Хаханова). Первый приводил к присяге, „окружив знатных особ войсками, аки штурмом“, и—вероятно для точного выполнения обещаний манифеста,—так „обременил поборами“, что „вся Кахетия восстала как один человек“, а второй „укомплектовав все места своими родственниками, творил столько вопиющих злоупотреблений, создал такое жалостливое положение, пренебрежение к народу и безтолковый произвол“, что еще пишущий эти строки слышал лично от старых крестьян Тифлисского уезда целые легенды об этом страшилище спустя 60 лет после его устрaнения. Одна из них настолько же характерна, насколько коротка: существовало убеждение, что сам Коваленский мог быть одновременно в трех местах, а его родственники только в двух—и все везде пороли. Порка, как мы говорили, была страшна не одним физическим страданием, к которому боевой народ наследственно привык, а своим бесчестящим характером. Поэтому это нововведение, в соединении с вездесущностью Коваленских, доводило людей буквально до безумия. Манифест

гласил: „да познаете вы цену доброго Правления“— и „все части народа Грузинского“, вкусив плоды от древа его познания, через 10 месяцев запросили коленопреклоненно, а через 2 года уже потребовали с оружием в руках того самого старого правления, которое было устранено для благоденствия этих же частей.

В 1811—1812 г.г. в той же Кахетии повторяется такое же восстание. Затем обще-народный протест затихает почти на целое столетие под влиянием многих условий, о которых мы отчасти уже говорили. Но нельзя не объяснить этого затишья и назначением более разумных правителей после Кноррингов и Коваленских вплоть до эпохи, когда воздвиглось национальное гонение 70-ых годов, приведших на Кавказ сатрапов типа и традиций предпоследнего царствования. Изредка нестерпимый произвол разных местных органов вызывал спорадические вспышки, лишенные всякого политического характера,—обычные по всей России „бунты“. Картина изменилась с 1905-го года, когда народное движение приняло чисто социалистический характер, не имеющий прямого отношения к нашей статье, которая рассматривает русско-грузинские взаимоотношения в плоскости политической и общественной связи: классовая борьба отражалась на ней только косвенно.

Оба восстания, 3-го и 11-го годов своим народным характером указывают на то, что и легальные попытки 1802 года коленопреклоненно вымолить возвращение себе царей, не носили династически-

партийного характера и не были выражением сословно-феодалных вожделений, хотя конечно, включали в себя и эти побуждения. Дальше мы увидим, чем была по существу для грузин „всех частей“ какая угодно, хотя-бы призрачная видимость политической самобытности, а общесословный характер и петиций и возмущений подчеркивает твердую решимость, традиционную привычку, приобретенную Грузией столетиями, во чтобы то ни стало ограждать свой государственный облик от всяких посягательств, не считаясь ни с какими опасностями для личного благополучия.

А исполнение петиций или успех восстаний действительно ему угрожали.

Допустим на минуту невероятное предположение, что русское правительство в ответ на петиции, или не желая возиться с бунтующим против его властей народом, отказалось от инкорпорации, вернуло царей царству и перешло на почву трактата 1783 года, но—что вполне возможно,—соблюдало бы его так-же платонически, как раньше, — и нашествия персов приняли бы периодический характер, как крымцев на Россию в 15 и 16 в.в. Вспомним; что даже высшим классам Грузии недоступны были те тактические соображения в связи с горской войною и те сложные политические планы покорения Царьграда, ослабления Персии и углубления в Азию, которые не могли допустить Россию до отказа от новой области, как необходимой военной и политической базы по ту сторону Кавказского

хребта. Им и в голову не могло придти, что переход от покровительства к инкорпорации был вызван именно этими, а вовсе не гуманитарными и религиозными мотивами, изображенными в манифесте. Значит возможность таких результатов, петиций и восстаний, что Россия уйдет опять на линию, откуда будет посылать изредка один-два батальона, для очистки совести, и то как раз к тому времени, когда персы, разорив Тифлис до тла, перебив мужчин и изнасиловав женщин, спокойно двинутся во свояси,—представлялась для Грузин, по степени их осведомленности в тайнах русской политики, вполне вероятной тем более, что в 1795 году именно так Россия и поступила, прислав 2 батальона в Октябре, „когда еще 12 Сент. Тифлис был взят и разорен Ага-Магомет-Ханом“ (Кн. Авалов стр. 157). При этом исходе Грузии предстояло вновь немедленно пережить только что пережитые неописуемые ужасы. Но природная и исторически окрепшая потребность самобытного политического существования оказывалась для Грузии сильнее узко-эгоистического расчета и инстинкта личной безопасности.

Однако, после этих двух восстаний Грузия, как мы сказали, надолго присмирела. Это долговременное затишье является симптомом терпеливой выдержки, привитой Картльскому племени теми же историческими судьбами, какие выработали и противоположные черты грузинского характера — стремительность, отвагу и легкую игру жизнью и на войне, и в мире. „Странно,

но верно“, как большинство психологических контрастов.

Но идея политической самобытности тлела под пеплом непрерывно. — До последнего времени, не взирая на социалистические и определенно республиканские настроения, преобладающие в крестьянстве, прямые потомки царствовавшей династии называются „батони-швили“ (государевы дети, царевичи). — В конце 80-ых годов один знатный грузин, полный генерал русской службы, феодал чистейшей крови, всеми правдами и неправдами захвативший имения своих мелкопоместных и крупноместных родичей, и выстроивший замок в своем поместье (немедленно после его смерти проданный его наследником Уделам), лично мне, в разговоре по нашим частным делам, объяснял свои захваты и замок тем, что „нужен же будет дворец нашим царям“. — А его лояльность не подлежала ни малейшему сомнению: он был герой Баш-Кадыкляра и более 50-ти лет служил России „верой и правдой“, как тогда говорили.

Идея „Грузинского царства“ жила в грузинской душе, не умирая ни на час, но никогда не переходила в сепаратизм, ни в виде активных попыток, ни в виде партийной программы. Отчасти мы разобрали почему. В этом разборе мы держались той аргументации, которая руководила партийными грузинскими группами второй половины прошлого века, уже достаточно зрелыми в деле учета реальных сил и реальных условий. Нам очень важно уяснить себе, почему в народе, начиная с

генерала русской службы и кончая пастухом, все время мечта о „своем царстве“, уживалась рядом с идеей о неразрывной связи с Россией, с верностью, доказанной на деле на всем протяжении слияния, с отсутствием сепаративных стремлений и попыток? С виду тут логическое противоречие *).

Повидимому, в одной и той же душе несовместимы и мечты о восстановлении политического бытия своего отечества и нежелание отложиться от того государства, которое его уничтожило. Какое нибудь одно из этих стремлений должно перевесить и заглушить другое. Если допустить это совмещение, то такая душевная двойственность невольно могла бы заставить сомневаться в искренности, глубине и силе или лояльности и верности России, или любви к Грузии.—И тогда все—и подозрительность старой русской власти и ее обвинения Грузин в скрытом сепаратизме,

*) Надо ли здесь говорить, что та политическая форма, которую мы определяем выражением „грузинское царство“, с течением времени и в связи с взглядами каждого, последовательно изменяется: сперва, в начале века, или в людях, удержавших его идеологию, под „царством грузинским“ подразумевалось восстановление Грузии приблизительно в ее прежней государственной структуре, далее, под влиянием европейской политической мысли, эта форма изменялась в иные—конституционной монархии, республиканских штатов с большим или меньшим социалистическим строем в основе и т. д. Суть не в форме, а в содержании понятия, главным элементом которого было политическое объединение народа в резко очерченную единицу.

и система репрессий национальных проявлений грузинского духа—все оказалось бы вполне основательным. Нельзя же доверять двойной игре и требовать от какой угодно власти, чтобы она не принимала серьезных мер против возможных ее последствий для высших интересов государства? Конечно, при этом взгляде на власть, мы держимся того круга понятий, который определялся в России до-революционными взглядами на государственные задачи, а подробно выясненный в прошлой главе характер этого обзора не допускает их оценки и рассмотрения их иначе, как в исторической перспективе.

Но кажущаяся двойственность утратит свой характер логического противоречия, если мы дадим себе труд хотя-бы очень поверхностно взглядеться в характер самой мечты и в ее исторический смысл.

Так, как грезили Грузины о своем царстве, грезят верующие о царстве небесном, не допускающая никакой возможности войти в него в своей телесной оболочке, не ясно представляя себе, каково оно будет, какими путями, кроме веры и молитвы, можно в него проникнуть. Я неоднократно слышал от более наивных, конечно, представителей дворянской и крестьянской Грузии, что сама Россия ответит на ее преданную лояльность предоставлением ей той или иной формы национальной самостоятельности, без разрыва теснейшей государственной связи. Об этом-же я слышал от многих русских не только общественных, но и государственных деятелей... особенно, отставленных от

влиятельных правительственных постов. Очевидно, греза оставалась грезой, без матерьялизации. Замок грузинского генерала русской службы был скорее храмом этой мечты, чем дворцом будущего царя. Генерал его строил, как строят церковь—для души, и мы увидим дальше, что это царство в народном представлении носило действительно мистический колорит, так долго оно было неразрывно связано с борьбою народа за свою веру. Это объясняет полную оторванность этой мечты от реальной действительности и придает ей чисто фантастическую окраску. Так было все время, пока Россия была, или казалась, цельным, пусть разнородным, но сплоченным организмом. От этого целого Грузия не только не была в силах оторваться—но и не хотела и не могла хотеть потому, что разрыв с Россией означал для нее разрыв с европейской жизнью и возврат в Азию навеки. Она рвалась *сростись* с Россией, но не *раствориться* в ней; стать одним из членов ее могучего тела, но не его пищей.

У этой грезы были и реальные основания в туманных представлениях о давно изжитых временах, когда та политическая конъюктура, к которой стремилась Грузия, была обычным явлением. Эти основания сейчас нам покажут, что греза о своем царстве нисколько не противоречила единению с Россией, верности ей и полному отрицанию сепаратизма.

Изучая ход долголетних домогательств Грузии единения с Россией, мы встречаемся с довольно

странным на первый взгляд, представлением первой о *царстве*: именно в целях его же сохранения, весь народ страстно добивается его *подданства*. Не правда ли, что *подданное царство* должно дико звучать в ушах русского государственника XIX века? Не так оно дико звучало бы в ушах государственника времен Римского владычества, времен подданства Римскому сенату, триумвирам или императорам бесчисленных царств египетских, пафлагонских, мидийских, комагенских, каподокийских, иудейских и т. д. без конца. Эта форма подданства целой политической единицы, а не ее живого состава, подданства, не нарушавшего того государственного облика, в который отлилась нация, так прочно укоренилась в грузинском народном сознании от древних времен, что даже деспотии Персии и Турции не могли присоединять к себе Кахетию, Карталинию, Имеретию иначе, как на правах подвластных царств. С другими покоренными странами—Арменией, Египтом, Славянскими землями, даже Грецией, они поступали иначе. Такая форма отчасти возмещала Грузинам утрату личной свободы и покоя, которою сопровождалось завоевание „язычниками“: оставляя хотя бы только фикцию самобытности, эта форма не оскорбляла в Грузине чувства национальной чести—единственного высшего блага столь ему дорогого, что он *один* из всех своих христианских соседей с’умел пронести символ этой чести—свое царство—неприкосновенным сквозь века великой крови.

Естественно, что присоединяясь „добровольно“ к христианской России, Грузия не могла отречься от того, во имя чего она жила. Наглухо заслоненная от многовековой политической жизни Европы, она не знала нового типа строго нейтрализованного государства, выработанного путем исторической борьбы королей с феодальным строем, и его верховной власти, высшего абсолюта, не признающего и не допускающего никакого раздробления своих державных прав и не считающего возможным, в интересах принципа, совмещать понятие о верховной власти, из Божией милости истекающей, с понятием о подданстве ее кому либо, кроме ее божественного источника. „Царь царей“—понятие несогласное с представлениями европейского легитимизма, но очень близкое грузинскому прошлому, у которых римские воспоминания о подвластных царствах все время освежались персидскими и турецкими титулами шахов и султанов. Это прошлое лицом к лицу стало с таким могучим носителем принципа абсолютной монархии как русская империя, и все первое время весь грузинский народ искренне считал, что служить русскому царю без своего есть не что иное как „республиканство (?) на французский лад“, и, лелея мечту о *своем царстве*, всецело отдавал его в высшее верховное владычество русского автократа. Грузия в начале своего единения еще делала робкие попытки слиться с Россией по своему, а не по Зубовски, так сказать, рассеять недоразумение, в которое ввели „обманщики“. Когда эти

попытки встретили резкий и строго систематический отпор, она покорилась более сильной воле, имевшей своим источником авторитет, высоко стоявший в ее глазах и по своей христианской вере, и по своему грозному могуществу, недолго ушла в свою грезу об утраченном царстве, терпеливо ожидая его пришествия, а пока искренне служа высшим государственным интересам России, и переживая до конца все, что переживало русское общество. К чему привело единство этого переживания—мы уже видели.

Таким образом, религиозно-мистическое свойство грезы и ее исторический корень устраняют всякую возможность признать логическое противоречие в грузинской психике или подвергнуть сомнению искренность любого из казавшихся несовместимым чувств.

Очень характерно этимологическое образование грузинского слова „свободный“—„тавис-упали“. „Тависи“—свой, собственный, „Упали“—Господь. Существительное „свобода“ — „тавис-уплоба“, в точном переводе значит „само-господство“. „Тавис-упали Сакартвело“, значит не только свободная Грузия, но и „самогосподствующая Грузия“. Отмена символа самогосподства было для Грузии не только лишением свободы—к этому ее приучили века,—но национальным оскорблением, как в былые времена лишение чести. И Грузия спрашивает в приведенных петициях—как могло это произойти? За что? И как могла это сделать Россия, когда ни султан, ни шах не решались на это, хотя они

были „язычники“? На петиции ответ последовал в лице вездесущих Коваленских. Произошли восстания. Для примитивного, герметически консервированного от эволюционного процесса западноевропейских норм государственности, грузинского политического сознания, формы протектората, подданства, даже присоединения в качестве провинции, до чего докатился царь Георгий XIII в своем малодушии,—не посягали на целостность политического самогосподства. Грузия не имела понятия о типе полицейского государства и не могла постигнуть сразу ни его характерных особенностей, ни того, почему оно не хочет принять совершенно искреннего полного подданства грузинского царства? Пусть эта логика—каппадокийских времен, но для Грузии начала XIX века иной не существовало, и мы не в праве требовать от нее нашего политического горизонта.

Нельзя согласиться с тем, что отношения, в которые Грузия *хотела* вступить с Россией, принято называть вассальными. Вассальное право всецело основано на верховном обладании территорией по праву наследства или меча. Вассал не приносил с собою территории своему сюзерену, а от него получал ее на известных условиях. Иногда эта территория была завоевана сюзереном у самого же вассала, бывшего до завоевания ее независимым сеньером и превратившегося в вассала только тогда, когда, после завоевания ее у него же, она ему возвращалась в качестве лена завоевателем. Ни одного из этих оснований мы не встречаем в русско-грузинском вопросе: территория

Грузии не принадлежала России и не была ею завоевана мечом.

К моменту инкорпорации Грузинское царство было самогосподственно, проще—самодержавно, как бы мало и слабо оно ни было. Таковым его признает во всех актах заинтересованное лицо—Павел I. Цари Грузии должны были утверждаться на царстве грузинском и получать инвеституру от русского императора так же, как все цари, подвластные Риму, утверждались его верховной властью в лице сената, триумвира, императора. Измена России могла повлечь низложение царя, но не отмену царского достоинства. К империи переходит право объявления войны и заключение мира, при чем подвластное царство обязуется или подчинять свои силы имперскому командованию, или направлять их по его указаниям и планам, сохраняя ближайшее командование за собою. Степень вмешательства в дела внутреннего управления может быть совершенно ничтожной, или восходить от права империи быть окончательной апелляционной инстанцией в вопросах внутренних и внешних столкновений к праву активного контроля и достигать даже фактического участия имперских органов во всех функциях законодательной и исполнительной государственной деятельности, до ограничения этими органами верховных прав местного царя и т. д. Грузия шла на все, кроме отказа от своего политического бытия, символом коего мог быть, по понятиям эпохи, только царь. Таков был взгляд всего народа.

Действительно, даже бессильный духом и телом, молящий русского царя о деревнях и содержании, раздираемый семейными интригами и мечтающий только умереть спокойно, последний царь Грузии, Георгій XIII, *не смеет* доходить до отречения. В своем полномочии посланникам своим от 7-го Сентября 1799 года он пишет: „Нижайше представьте Императору Всероссийскому, чтобы, принимая *Царство Грузинское* в полную свою власть на том положении, каким пользуются прочие провинции России, он обнадежил меня всемилостивейшим письменным обещанием, что достоинство царское не будет отнято у дома моего, но что оно будет передаваться из рода в род, как при предках моих“.

Георгий умирает. Посланники его идут до крайних пределов распространительного толкования полученной мдчи. Уже в Апреле 1801 года они просят: „да соблаговолит Е. И. В. назначить, кого ему будет угодно *из царевичей*, правителем (по персидским воспоминаниям — вали) *царства Грузинского* с тем, чтобы он носил звание наместника и *считался царем Грузии*“.

За это время вводятся в Грузию войска, под предлогом защиты Грузинского царства от внешних нападений „великих государей“ и „больших земель“ и от внутренних феодально-династических неурядиц. Грузия встречает их не как завоевателей, а как защитников и союзников. Вскоре на три недели приезжает Кноринг, успевает каким то, очевидно свойственным деятелям той эпохи, особым нюхом, не выезжая из Тифлиса, узнать

„единогласное“ мнение „всех частей народа грузинского“ и, вернувшись в Петербург, доносит, что Грузия ждет не дождется стать Калужской губернией.— Старые московские дьяки, поседелые в делах всяких присоединений, во главе с бывшим фаворитом, вопреки мнению таких государственных деятелей, как графы Кочубей, Воронцов и Чарторижский, наскоро стряпают манифест, полный паточной фразеологии, и посылают с ним в Тифлис того же Кнорринга. Не долго думая, он берет вельмож „штурмом“ и, „когда“ они присягнули, „тогда“, под штыками союзных войск объявляет им манифест, в котором изображено „якобы они сами и т. д.“ (См. Прощение на всевысочайшее имя 1802 г.). Как присягали остальные „драгоценные по человечеству части народа грузинского“, может нарисовать себе читатель без усиленной работы воображения.

Итак, дело не в присоединении. Оно было для Грузии *необходимо*, и она это сознавала, необходимо по историческим и географическим условиям, по ее тяготению к западу, по устарелости правовых норм ее внутренней жизни, требовавших обновления. Оно было *неизбежно* в силу неукротимого роста России в направлении наименьшего сопротивления, на юг и восток. Наконец, оно *отвечало давнишнему искреннему влечению народа*—с одной стороны, а с другой—*влияниям времени*, побуждавшим страны объединяться в крупные политические единицы вместо прежних мелких, другими словами, выражаясь современным языком—ростом империализма на протяжении всего XIX века,

вплоть до его крушения в средней и восточной Европе в наши дни.

Дело значит не в факте присоединения. Дело в приеме, каким оно было произведено. Если можно назвать самое присоединение *pur et simple*, то прием этот надо считать *impur et malin*.— Он сразу подорвал то чувство *entente cordiale*, которое можно было сберечь, считаясь с очень небольшими требованиями народной психики без всякого ущерба для интересов России. Последующая политика систематической, неумолимой ассимиляции, общая для всех окраин, которая так раздробила в роковые дни, нами переживаемые, великое государство на отдельные глыбы, конечно, не смягчила первого впечатления хитрой бессердечности, с которой сразу подошла русская канцелярия к замученной стране и коснулась ее вековой святыни.

Грубое насилие было бы еще не в диковину грузинам начала XIX века. Но они были *обмануты*, что они прямо и выказали в своем прошении на высочайшее имя, *en toutes lettres*, выражением слишком резким для такого акта и для утонченной деликатности грузинской речи. С тех пор пошло в ход выражение „*roussisse chari*“, русская каверза, всецело относящееся к правительственному воздействию.

Грузия заметалась в недоумении и тоске. От своей спасительницы она менее всего ждала, после ее ласковых речей, такой генеральной стрижки под барабан, какой ее сразу угостили. Несколько конвульсивных движений Лиллипута в

руке Бробдиньяка быстро затихли: слишком мощна была рука и слишком долго привыкало любить великана горячее сердце маленького человека, видя в нем и спасение от бесчисленных врагов, и свою надежду с высоты его могучих плеч увидеть обетованную землю вечной свободы и высшей культуры.

Кажется, самой крупной и, во всяком случае, последней конвульсией Грузии в начале прошлого века был романтический заговор 1830—32 г. Семьдесят пять человек решили восстановить грузинское царство. Этот заговор уже не имел никакой народной подкладки. Инициатором его был один из царевичей низложенной династии, оскорбленный чином коллежского регистратора, которым его наградили во исполнение пункта манифеста, гласившего, что „царевичи сохраняют уделы свои“. Очевидно, удел коллежского регистратора не пленял царевича. Надо сознаться, что чиновник был изобретателен на всякие способы оскорблять людей. О заговоре этом ежедневно доносили императору, но даже Николай I, только что расправившийся с Польшею и недавно с декабристами, обошелся не только без казней, но и без Сибири: все 75 заговорщиков были сначала разосланы по северным и средним городам России без лишения прав, а затем возвращены в Грузию. Многим из них заговор не помешал достигнуть впоследствии высоких военных чинов на русской службе, а всем из них—биться с беззаветным мужеством в непрерывных русских войнах, или служить России, где бы ни пришлось. В их числе мы видим

цвет Грузии, ее первоклассных поэтов и общественных деятелей. Грозный император однако знал, что 75 заговорщиков собирались захватить арсенал, казначейство, истребить всех русских чиновников, взбунтовать 3000 ссыльных поляков и разжалованных чинов и с их помощью восстановить на престоле Грузии одного из членов царствовавшей династии Багратионов. С такими замыслами Николай Павлович не шутил, тем более, что из 75 заговорщиков около 70 были офицерами русской армии, многие высоких чинов, среди которых замешалось всего несколько монахов и „членов ученого звания“.

Необычная мягкость возмездия такого неумолимого гонителя всяких освободительных движений, внутренних и внешних, каким был Николай I, лучше всего подтверждает, между прочим, и непричастность грузин к обще-русскому политическому движению. Он видел, что массовый грузинский элемент его армии, испытанный в непрерывных войнах, не выделил ни одного участника ни в заговор декабристов, только что им беспощадно подавленный, ни в польское восстание 30-го года. Вряд ли какие-либо иные основания для снисхождения говорили в душе неумолимого деспота, кроме разве невольного смущения перед тем недостойным великого государства приемом, каким оно завладело Грузией. Может быть, его прямолинейному легитимизму невольно претил иезуитизм посылки для опроса „всех частей“—не хотят ли они переменить своего государя, когда сам государь не желал окончательно расставаться

со своими привилегиями, и заговор против нового владыки в пользу древних смягчался в его глазах легитимистской подкладкою заговора и верностью заговорщиков, ему, Николаю, во всем, кроме преданности старой династии. Как-бы то ни было, он мягче отнесся к заговору, чем это свойственно его натуре и его привычкам. Для нас его побуждения имеют доказательную силу подтверждения лояльного духа Грузин первого периода со стороны такого авторитета в этом вопросе, каким он был. Но и возмущения и заговор ярко подчеркивают, что и лояльные чувства Грузин вынужденно отступают перед более могучим, неодолимым ничем их сознанием своей исторической миссии.

Ребяческие и спутанные представления о политических формах, особенно ярко выразившиеся в обоих приведенных выдержках из ходатайств царя Георгия XIII и его послов, не отнимают у них важного для нас оттенка: пусть ценою самых крайних уступок, но во чтобы то ни стало удержать хотя-бы видимость политической самостоятельности. Этого требовало все прошлое народа,—мы это видели из эпического прошения на имя ген. Гулякова. Оно с летописной краткостью исчерпывает до дна причины, почему Грузия не могла отказаться от своего политического лика, каков бы он ни был для нее самой, не отказавшись от всего, чем и ради чего она жила с тех пор, как себя помнит. Это же звучит в рабских речах Георгия и его послов, речах, гораздо более унижительных по тону, чем тот обряд всенародного коленопреклонения, которым сопровождаются петиции. Мы видим, что

никто—ни царь, ни его послы, ни сам народ во всей совокупности—не могли поступиться тем, что на всем протяжении существования Грузии неслучайное число раз давало силу ей, „маленькой земле“, сбрасывать тяжелый камень, которым заваливали ее могилу, и воскресать, как Христу, в которого она верила с детской страстностью, как в символ вечности не только своей небесной, но и своей земной жизни. Царство Грузинское было в исторические времена для грузинского сознания алтарем его Бога. Этот символ спас народное бытие. Христианство для Грузии было не только религией, оно для нее было единственным источником той жизненной силы, которая делала народ бессмертным, несмотря на многократные его погребения. Именно потому, что христианство отразилось на всенародной психике не одной своею отвлеченною стороною, как на других христианских народах Азии, сохранивших свою веру, но утративших свое царство, но и своим реальным влиянием на организационные и самозащитные свойства народа—именно поэтому идея Грузии, как державной единицы, в грузинской душе не только живет, как принцип политический, но вырастает до силы религиозного догмата. Понятно, поэтому, то негодование, которое сказалось в резкой форме, не отвечавшей всему тону прошения на высочайшее имя. Понятно, почему идея политической Грузии не могла умереть в душе русского генерала и последнего пастуха, в какой-бы форме она ни выразилась—монархии, республики, хотя-бы анархической коммуны.

Грузия теряла часто и надолго свое самодержавие в том смысле, в каком это слово понималось в России,—в смысле полной независимости главы государства от иноземной инвеституры, но никогда не утрачивала своего самогосподства, „тавис-уплоба“, не переставала быть политическим целым до своей инкорпорации. Этому не противоречит дробность ее отдельных частей. Географические и этнографические свойства края разбили картльское племя не только на три крупных царства (Кахетию, Карталинию, Имеретию), на множество отдельных владений (Гурия, Абхазия, Мингрелия, Сванетия, Аджария) и племенных общин (Шшавы, Хевсуры, Тушинцы), но и на отдельные мелкие феоды (эриставства). Эта пестрота—только внешняя форма раздробления единого принципа между отдельными его воплощениями. Нигде народы и царства не строились по теориям государственного права. Обратное—из их устройства вытекали теории. Удельная система не мешала в удельный период России быть Россией, как иные системы, раздроблявшие идею политического единства Франции, Германии, Испании и т. д. на многие десятки отдельных политических единиц, все же не мешали им быть и оставаться самими собою.—Нет никакой разницы между Испанией с ее королевствами Арагонией, Леоном, Кастилией, Гренадой и т. д., Францией с ее королями Праванса, Наварры, Герцогами Бретонским, Бургундскими, Лотарингскими и пр.,—не говоря уже о Германии поныне, Италии до последнего времени,—и Грузией с ее Кахетиями

и Сванетиями. Везде эти деления—только дробь одной и той же единицы. Весь вопрос сводится к тому, какую историческую эпоху переживает данный народ? Явились *уже* или нет *еще* собиратели этих дробей, единичные или коллективные выразители символа государственного единства, или символ единой власти пока дробится между отдельными венцами? Грузия к концу XVIII в. пережила эпоху графов Арманьяков, Карла VII, Филиппа Бургундского, что не помешало Франции потом пережить монархический и республиканский об'единительный процесс, как России царский и императорский. Грузии вместо всех этих переходов суждено было попасть в Российский конгломерат на такой ступени своей исторической лестницы, на которой идея ее государственности еще не добралась до площадки, где она могла-бы встретить лица или найти принципы, призванные и могущие совершить неизбежную спайку третей, четвертей и восьмушек этой идеи в целую единицу.

Надеюсь, совершенно излишне говорить, что монархические формы здесь мною берутся, как неизбежные для государств, переходящих к централизации от феодального строя. Иного перехода история не знает. Одна Швейцария выдвинула конфедеративную, кантональную, республиканскую форму государственного единения без промежуточного монархического интервала на смену очень слабого в ней феодального начала. Но Гельвеция и не была никогда феодальным государством строгого типа, с сюзереном и вассалами, к тому же своевременно так была инкорпорирована австрий-

ским эрцгерцогством, что навеки потеряла вкус к монархическому началу. Воздерживаясь от всяких гороскопов, я все-таки должен отметить, что есть много общего в природе Швейцарии с природою Грузии—и некоторая, далеко не полная, аналогия, в пределах исторических расстояний, в ее отношениях к Австрии эпохи первых Габсбургов, с отношениями Грузии к России.

Прибавим к этому, что грузинский и имеретинский языки гораздо меньше разнятся между собою, чем *langue d'ouï* и *langue d'os*, и оба имеют гораздо больше общего с языками поморской Грузии, чем языки французский и бретонский, не говоря уже о языках немецких, французских и итальянских кантонов Швейцарии.

Итак, монархическое по английскому образцу Соединенного Королевства, республиканское „на французский лад“, или кантональное на швейцарский—объединение Грузии есть вопрос только хронологический, и то обстоятельство, что Грузия еще не дожидается до этого „хроникона“, никоим образом не лишает идею грузинского единства всей полноты ее политического содержания. Это единство, впрочем, отчасти, наметилось под влиянием инкорпорации: пожалуй, именно она и сыграла роль первоначального собирателя национальной идеи.

VI

Кругъ, включающий въ себе определенный, законченный периодъ исторической жизни Грузии, почти замкнулся. В первых трех главах я старался

начертить окружность этого круга, в общих контурах представить обзор живых сил, течений и наиболее характерных явлений, образовавших эту кривую. В двух последних я сопоставил два момента: момент динамический, непосредственно нам близкий, заканчивающий этот период, так сказать, конечную точку окружности, и момент статический, момент, с которого история пошла чертить круг—его исходную точку. Эти две точки так сблизились, что еще одно усилие могучих рук истории—и круг замкнется, период завершится. Теперь они оба стоят лицом к лицу.

Если-бы я писал историческое исследование, я начал бы с акта присоединения, прошел бы последовательно сто семнадцать годовых стадий эпохи слитного существования и кончил бы актом отложения. Но, как я говорил не раз на этих страницах, я задался целью дать общую картину этого круга в контурных штрихах и отдельных обликах, а не научный этюд.

Картина должна быть освещена,—и набросанную мною картину освещают два разных источника света: кровавый, мечущийся в порывах всемирного урагана огонь настоящего, и пробивающийся сквозь всю толщу отжитых времен и понятий тусклый огонек прошлого. Только соединенный свет этих двух источников даст всестороннее освещение и самой картине, и тому пути будущего, на который все прошлое и настоящее повелительно и неодолимо толкает Грузию.

Почему я должен был в начале этой последней главы сказать, что круг замкнулся *почти*, а не

совсем? Ведь конечная точка поставлена, акт о независимости уже совершился 26 мая 1918 г. В вихре переходного времени он признан одними, не признан другими, но для восстановления *statu quo* во всяком случае требуются уже новые акты, мирные или военные: старая власть, инкорпорировавшая Грузию, пала под напором революции и старое единое Всероссийское государство раздробилось на части. Следовательно, если даже признать за основание изжитых отношений сто семнадцатилетнюю давность фактического обладания и не разбираться в степени законной силы акта инкорпорации с точки зрения догм и исторических прецедентов международного права, а и его признать достаточно,—то все же объединение Грузии с Россией прекращается потому, что нет той политически целой единицы, с которой она некогда соединилась.—Грузия теперь колоссальными пространствами отрезана от Великорусской земли и ее политических центров—бывших столиц единой России; междоусобная война прервала *en realité* связь между ними и Грузией, которая вновь стала островом, окруженным уже не одним Исламом, а самыми разнообразными силами и влияниями враждующих между собою и государств и партий. Следовательно, так-же, как сила неодолимых обстоятельств более века тому назад привела Грузию к неизбежному объединению даже в самом неприемлемом для ее внутренней природы виде, так и теперь такая-же сила не оставляла ей другого выхода, как об'явить себя независимой и нейтральной. Иначе и тогда, когда она готовила и

обнародовала свой акт о независимости, и теперь, в начале 1919 года, она была-бы *вынуждена* или принять вооруженное участие в действиях против Великороссии тех стран, которые, по ходу общеевропейских военных и политических коллизий получили над нею фактическое преобладание и ввели войска в ее пределы, или продолжать в одиночестве войну с ними и, конечно, в этом случае безусловно быть фактически завоеванной бесконечно более сильным неприятелем, кто бы он ни был. Словом, не вдаваясь в подробный разбор того положения, которое известно всему миру гораздо лучше, чем мне, наглухо от него замуравленному весь 1918-ый год, всякий, кто захочет беспристрастно и беспартийно вдуматься в принципиальную сторону вопроса, должен признать, что Грузии именно для того, чтобы не быть вынужденной обратить свое оружие уже против России, или какой либо ее отдельной части, вместе с неприятелем, не было иного исхода, как *поступить так, как она поступила*. Остановимся несколько на периоде, предшествовавшем майской декларации о независимости 1918 г.

В первой трети 1918 г. Германия со своими союзниками по всему русскому фронту стала госпожею положения. Не говоря уже о континентальном фронте Европейской России, мы знаем, что в ее руках было все Черное море и все его побережье, Батум сдан ей по Брестскому договору, но, несмотря на мир, турецко-германские и курдские полчища беспрепятственно, за отходом русской армии, со всех сторон угрожали самому Тиф-

лису. Короче, Грузия, тогда еще часть России, подпала власти Германского союза. С раздробленной по частям, с раздираемой партийными междоусобиями Россией Германия устанавливает самые противоречивые отношения: она заключает брестский мир и дружит с советскою Россией, решает судьбы Украины, поддерживает Дон и Кубань, распоряжается в Крыму, господствует в Литве, Балтикѣ, Латвии. Она же вступает с Турками и Курдами в Грузию и занимает ее как часть России. Которой? Допустим—Советской! Но Советская Россия в междоусобице с Украиной и с Доном, загораживающими от нее всем массивом прежней России (к югу от линии Брест—Смоленск—Курск—Воронеж—Пенза—Самара) не только Закавказье, но и все северное и восточное побережье Черного моря! Грузия, до конца 1917-го г. связанная со всей Россией, видит себя совершенно одинокою перед лицом наступающих иноземных сил, не получает никакой помощи от тех трех, пяти, десяти России, на которые разбилась единая, причем в каждой из них Германия, для своих военно-политических целей, играет разные роли, поддерживает разные течения, диаметрально противоположные и враждебные друг другу государственные идеи.

Отрешимся от всякой партийной оценки положения; отбросим совсем на время счеты с национальными, политическими и особенно социальными идеалами и стремлениями Грузин; вообразим, что мы живем в такое будущее время, когда так или иначе уже сложился новый государ-

ственный организм России — федеративный или централизованный, республиканский или монархический, и спросим себя, как сможет отнестись это воскресшее целое к решению Грузии стать независимой и нейтральной при описываемых условиях? Как к акту, враждебному государственным интересам современной нам России, или как к акту, который спас бывшую русскую же окраину, во первых, от завоевания и неминуемого разорения, а во вторых, от вовлечения ее в активную борьбу с любой из многочисленных Россией буквально „pour le roi de Prusse“? Допустим на минуту, что Германский союз вышел из общей войны победителем, — а в то время этот исход имел за себя большую вероятность, — неужели не ясно, что Грузия и смежные с ней Закавказские области, в лучшем случае, стали бы Германской колонией, а в худшем — Турецким пашалыком? Вспомним проскользнувшие еще тогда, когда победа центрального союза была только *in spe*, тенденции Германии по отношению к Бельгии, к русской Польше, не говоря уже о прусской и австрийской, к Литве, к Балтике, к Сербии, и мы должны будем признать, что за наше предположение о планах Германии на Грузию говорят все данные. Неужели можно было бы ожидать, что Германия вернет будущей России в случае своей победы... хотя бы Бакинско-Батумский нефтепровод? Или ближайший и уже налаженный путь в Персию?

Отложение от России победоносной и цельной, от бывшей Российской Империи, и от новой Рус-

ской республики, унаследовавшей ее права и централизацию, было бы для Грузии, прежде всего, *непосильно*; отложение от России, хотя и не разбитой, но расчлененной по составным частям действием революционного процесса — *возможно* на тех или других, общих для всех частей, условиях федеративной связи, к которой пришел бы процесс образования новой русской государственности; отложение от России, хотя и раздробленной революцией по племенным группам, на началах полного внутреннего самоуправления и самобытности каждой, но связанной каким бы то ни было общим государственным объединительным стимулом, какойнибудь общей объединяющей идеей, как стержнем, — было бы *ненужно* для самой Грузии.

Но отложение от России, если и не разбитой, но отказавшейся от сопротивления Германской силе и раздробленной на части, не только никаким стержнем не объединяемые, но состоящие донынѣ в кровавой междоусобной войне, и отложение, происшедшее в условиях, когда Грузия *уже была накануне фактического захвата Турками* ¹⁾, несмотря на мир по Брестскому договору, — было *неизбежно для самой Грузии и не могло отразиться на государственных интересах России, так как самой России, как единого целого, тогда не существовало.*

¹⁾ Вспомним, что Турецкие силы тогда уже двинулись на Тифлис, и союзным с ними-же германским частям пришлось сдерживать их напор; вспомним завоевание Баку теми же турками летом 1918 года.

Но если бы Грузия, за разрушением целого государства, захотела присоединиться к одной из его бывших частей, иначе вмешаться в междоусобицу, раздирающую Россию и поныне, то она все же не имела возможности свободного выбора, и должна была бы руководиться теми императивами, которые ей были бы даны превалирующею силою, ее захватившею. Эта сила и тогда, и после, и ныне, какова бы она ни была, несомненно, руководилась бы не грузинскими стремлениями и влечениями, а своими планами, своими интересами минуты, своими конечными целями, которых отчетливо мы и теперь не можем себе уяснить, наконец, своими симпатиями или антипатиями государственного или социального порядка.

Анализируя мотивы, объясняющие отложение Грузии, мы, конечно, касаемся только политической стороны вопроса: для всех окраин прежней России еще не выяснились и сейчас те результаты войны, которые определяют чисто внешние взаимоотношения стран и племен. Эта война пока придает вопросам социального порядка значение лишь вопросов внутренней жизни стран и народов, конечно, отражающихся и на борьбе за те или иные комбинации в группировке государств и племен, иногда затягивающих эту борьбу, даже влияющих на ее исход. Но в вопросе о будущем виде русско-грузинской связи социалистические течения внутри обеих стран выступят на первый план только тогда, когда кончится международная европейская война и заключившим ее миром будет выяснен ряд международных и междупле-

менных политических кон'юктур. Такова сила создавшегося положения, и с нею мы только и можем считаться.

Допустим, например, что в отложившейся Грузии государственная власть однородна с великорусскою властью рабоче-крестьянского правительства, что настроение народных масс обеих частей прежней России — части центральной и части окраинной — вполне совпадают, что Великороссия и Грузия хотели бы слиться в полном согласии, ну хотя-бы в том же единомыслии, в котором работает Петроградская Северная Коммуна с центральной Московской Россией. Достижимо ли это при том островном положении, которое я указал выше? При отделении Грузии от всего северного массива России массивом ее юга? Какими путями „маленькая страна“ может слиться с Россией точных границ эпохи Ивана Грозного? Но и тогда, в XVI веке, Украина не была враждебна Москве — напротив, Восточное казачество, пробиваясь на юг, опиралось на ту же Москву и, едва доходя до Орла и Ельца, до Грязей и Пензы, было передовым сторожевым авангардом, оберегавшим именно коренную Русь — Москву и Рязань, Калугу и Владимир — от крымских хищников. Ни одна из Европейских стран и не помышляла о вмешательстве в дела великой Сарматии. Словом, даже тогда Грузии было легче, чем теперь, сноситься или сближаться с Москвою.

Найдутся ли политики, которые потребуют от Грузии, чтобы она слилась с Украиной или Доном, я не знаю. Но рождается принципиальный

вопрос: являются ли отдельные части России правопреемниками державных прав Российского государства, а, значит, связывают ли Грузию в ее свободе самоопределения те акты, которые связывали ее с Петербургскою единою всероссийскою властью? Какая из частей имеет основания требовать, что бы Грузия стала именно ее... провинцией? Какие юридические или даже моральные основания могут удержать в силе акт 1801 года или присудить Грузию Сибири, а не Дону, Киеву, а не Северной Коммуне?

Нет такого судьи, который признал бы правовую обязательность об'ятий, в которых сплелись некогда в своем политическом союзе крошечная Грузия с русским колоссом: некому больше обнимать Грузию и Грузии некого обнимать.

И Грузия сказала себе и миру, что раз она стала свободна волею судьбы, то она *пока* не хочет больше брака ни с кем, ни по любви, ни по принуждению, то есть, что она *независима*. Что после того, как расчленилось великое целое, вместе с которым и за которое она боролась до конца, она больше не хочет борьбы с кем бы то ни было, против кого бы то ни было, кто только не тронет ее земли—то есть, что она *нейтральна*.

Ее, конечно, могут *принудить* к новому браку или рабству силою или даже ласковым обходом, как некогда. Но все таки—актом новым. Прежний договор, *каков бы он ни был*, рухнул не по ее вине. Напротив. Как он ни был тяжел для нее, она его соблюдала до конца и главным образом в те дни, когда колоссу угрожала хотя бы отдаленная опас-

ность разложения. Пока была хоть призрачная видимость его былых очертаний, Грузия была с ним. Но центробежная сила росла—и от обломков России Грузия отошла последняя.

Так почему же при этом, казалось бы, законченном расторжении долгих уз, я все-таки считаю, что круг еще не заключен? Ведь если произойдет так сказать воссоединение под давлением самых разнообразных, и предвидимых и непредвидимых, условий, включая в них даже и личное желание самой Грузии, то все же новая связь ни в каком случае не может быть тем рабским обезличением, от которого спасли Грузию только ее энергия и прогрессирующее движение русской общественности во второй половине XIX века до наших дней!

Почему же я счел себя в праве сказать, что круг завершен *почти*, а не *совсем*?

Потому, что 117 лет совместной жизни заполнили охваченный ими период такими взаимоотношениями, такими сближающими обе страны силами, которые не дают кругу наглухо замкнуться и сдать в исторический архив отжитый период.

Очертив линию окружности, осветив ее двумя точками—1801 и 1917 г.г., —нам осталось последнее—вглядеться, *что* накопилось в самом очерченном пространстве, внутри его, *что* пересиливает влияние рассмотренных нами политических, национальных, правовых, психологических и экономических условий, все более и более загибавших в круг ту кривую, которую чертила история, все решительнее и решительнее приближавших дело к разрыву?

Бросим сравнения и выскажемся ясно и точно. Давила Грузию сто семнадцать лет своими железными объятиями официальная Россия. Точнее: давили не люди официальной России — между ними, как и везде, были деятели и вершители государственных судеб убежденные и своекорыстные, великодушные и мелкие, близорукие и дальновидные, честные и гнусные, узкие и широкие, всякие, — давили *принципы*, проводимые русским официализмом, подчинявшие себе волю отдельных лиц, направлявшие ее неуклонно и повелительно; давили ее так же, как давили всю Россию, и центральную и окраинную, и европейскую, и азиатскую; давили скованные этими принципами официальные обручи, заменявшие цемент, о котором я говорил намеренно подробно в четвертой главе. Я не берусь затрагивать вопроса: можно ли было заменить для всего русского строя эти обручи внутренним цементом. Думаю, что и для России в полном объеме, и для ее основных глыб, и для ее окраин — цемент правового начала и социальной справедливости послужил бы лучшей скрепою в дни великих мировых судорог чем кованные обручи полицейского государства. Мне могут возразить, что только эти обручи и могли довести Россию до бывшего величия, что они вызывались и народной психикой, и необъятными пространствами русской равнины, и уровнем массовой умственной и духовной культуры, и мало ли чем. — Теперь уже поздно рассуждать: данный длительный исторический процесс закончился, и мы переживаем его результаты. Что свершено — то свершено.

Но и официальная Россия дала Грузии не одни дары Пандоры.

Она внесла в ее жизнь более строгие понятия о законе и праве, приобщила к более высоким степеням европейской культуры и просвещения, чем те понятия и те ступени, которые были ей доступны до слияния с Россией. Пусть и право, и закон попирались произволом, пусть их внутреннее содержание не всегда отвечало общим интересам и носило определяемый всем полицейским строем государства специфический характер, но все же, хотя бы в теории, закон и право, как таковые, стояли *над* произволом, а не имели *его* своим источником, как в государственном обиходе мусульманской Азии. Пусть и наука, и всякая культура получали казенную окраску, были далеки от живых требований народного склада, бытовых условий и свободного проявления личной инициативы, но все-таки между полным отсутствием всякого кредита, кроме ростовщичьего в старой Грузии, и банками и приказами Грузии русской; между полным бездорожьем прежних времен и сперва шоссейными, а потом железными путями времен новых; между полным отсутствием какой бы то ни было охраны личной и имущественной безопасности в городах и селах—и полицейским надзором русского правительства; между программами монастырских школ старой Грузии и русскими корпусами и гимназиями и так далее, и так далее—между всем прежним и данным Россиею новым лежала целая пропасть. Официальная Россия предоставила Грузии все те условия общежития

цивилизированных стран, которые она считала возможным, или была вынуждена, под напором общественного прогресса, предоставить всем своим подданным.—Выше мы в общих чертах, но определенно указали сделанные ею для Грузии ограничения и исключения, вызванные окраинною политикою. И с тою же определенностью надобно твердо установить, что, несмотря на это, без России уровень внутренней культуры Грузии не получил бы и сотой доли той европейской окраски, которую мы видим теперь; что он не мог бы превысить уровня окружавших ее кольцом азиатских стран и народов; и что русская правительственная власть, при всех ее отрицательных сторонах, все же явилась для Грузии единственным проводником цивилизующих начал, пропущенных, правда, как мы видели, сквозь еще более строгий фильтр полицейского надзора, чем для всей коренной России.

Та же официальная Россия, инкорпорировавшая Грузию в виды и цели своей собственной внешней политики, правда, лицемерно и вместе с тем грубо лишила ее самостоятельного облика, столь ей дорогого, но за то заслонила ее щитом своего могущества от зверских посягательств ее исконных периодических поработителей, и дала народу более века сравнительного покоя, отдыха от вечной крови и возможности мирного развития своего—скудного, правда,—благополучия. Только одна Россия из всех европейских держав в то время могла это сделать: мы видим давно, как бессильны были, в силу самых разнообразных причин, Англия и Франция помочь бедствиям

Турецкой Армении при всем их искреннем и горячем сочувствии к ней. Допустим, что Россия времен инкорпорации решила остановиться в своем юго-восточном поступательном движении и не перешагнула Кавказского хребта—и вся картина передней Азии была бы иная: могущество Персии и Турции стояло бы в ней на той высоте, на какой оно стояло до занятия Россией Закавказья, а судьба Грузии в лучшем случае оставалась бы тою же, какою была во все века до XIX—да и то, если бы дух „маленькой земли“ устоял в непосильной борьбе, которой не было бы видно конца...

Государственное культурное и защитное влияние официальной, правительственной России на жизнь Грузии не могло и не может быть ею забыто. И не было: мы видели, что Грузия боролась все время верно и стойко с Россией и за Россию по воле ее власти во всех ее международных боевых столкновениях, выделяя в ее ряды цвет своего народа. Мы видели, что она не могла и не хотела от нее отделяться и стремилась лишь к сохранению своей национальной окраски и святинь своего исторического бытия. И теперь, отделившись под напором неодолимых и разнородных сил, вызванных мировой войной и революцией, Грузия сохранила к государственному облику единой России, *в какие бы формы он ни облекся в будущем*, то чувство благодарной памяти, которое не допустит, чтобы разрыв был таким же полным, каким была аннексия. Это первая из моральных сил, противодействующих истории в ее стре-

млении окончательно отделить Грузию от будущей России.

Вторая сила еще могущественнее. Могут повдаться всякие узы, даже, по выражению Шекспира, сотканые из „сердечных струн“, а тем более из струн политических расчетов и международной благодарности (Болгария и Россия, Болгария и Сербия, не углубляясь в прошлое), и раны этого разрыва заживают, как бы они ни были глубоки и кровоточивы. Но Грузия не только боролась с Россией и за Россию, не только страдала и радовалась ее государственным страданиями и радостями,—она с нею *мыслила*.

Зарождение русской общественной и художественной мысли и творчества совпадает с *эрою* слияния: два года отделяют рождение Пушкина от присоединения Грузии. Небывалое по силе и стремительности развитие русской литературы и искусства и гигантский рост русского политического сознания совпадает с *эпохой* слияния. Момент разрыва, точно подчиняясь какому то закону, сближающему эти эры и эпохи, совпадает опять-таки с *моментом*, когда на время, в грохоте событий, точно притихло русское творчество, внимательно прислушиваясь к отчасти им же вызванным, отчасти им предугаданным раскатам великой бури.

Литература, искусство и общественность России настолько же укрепили мощные об'ятия двух стран, насколько центральная и, особенно в последние пол века, местная сатрапическая политика старалась ослабить их и заставить Грузию все меньше

и меньше ценить и государственно-культурное воздействие, и защитную силу официальной России. Насколько правительственная руссификация отдаляла Грузию от русской жизни, настолько литературно-художественное творчество и неумолчный протест русской оппозиционной работы властно проникали в грузинское сознание, сглаживали национальную рознь и, на почве общечеловеческой правды и красоты, сближали диаметрально-противоположные природные особенности и черты духовного склада обоих народов.

Этих уз бессмертной мысли не разорвать ничем, никогда, никакими политическими конъюнктурами, никакими „ориентациями“. Это вторая и самая могучая сила, раздвигающая клещи, которыми история сближает две крайние точки кривой, чтобы заключить круг.

Наконец, третья сила, чисто реальная—близкое соседство обоих стран, их смежность морем и сушею. Каковы бы ни были судьбы будущей России, в какую бы форму ни отлилась ее государственность, нельзя пустить на смарку единства ее славянского массива, исторически сложившейся общности его отдельных групп, их взаимного тяготения друг к другу, их переплетающихся духовных, экономических и классовых интересов, географического характера русской равнины—всего, что властно помогло прежде бывшим собирателям в их работе, поможет и в будущем, кто бы они ни были, во имя каких бы начал они бы ни „собирали землю“, если эти начала будут приняты в душу народа. Значит воз-

рождение России лишь вопрос времени.—С этою новою, может быть разбитою на федеративные части, но единою Россиею, Грузии не миновать теснейшего общения. Слишком много жизненных нитей, и матерьяльных и духовных, протянулось между ними...

Будет ли, например, обмен продуктов добывающей и обрабатывающей промышленности в руках будущего государства социалистического типа, к чему стремятся одни партии, или в руках частных коллективов и рабочих кооперативов, чего хотят другие, или же этот обмен еще останется на неопределенное время в руках индивидуальных посредников, как было раньше, или, наконец, он примет какую-либо смешанную форму,—во всяком случае сближающие народы торговые сношения между Россией и Грузией неизбежны, особенно, если последняя разовьет трудовую деятельность и использует свои благодатные климатические условия и природные богатства.

И не одна деловая, но и личная жизнь завязала из этих нитей много тугих узлов. Назовем хотя бы самый крепкий—сближение культурных слоев обеих стран путем множества смешанных браков, порождающих поколения, которым русская и грузинская жизнь одинаково дороги. Эти поколения не могут примириться с полным духовным разрывом двух стран, но не могут признать и тех отношений, которые мы очертили, как не могли бы признать их между отцом и матерью.

Итак, насколько сумма разных условий государственных взаимоотношений России и Грузии,

вместе с событиями последнего времени, все настойчивее разрывают связь, насколько изменившийся облик русского государства и выявившаяся в незнакомых раньше формах психика его народа все более и более ослабляют надежду найти почву для дальнейшего совместного существования, настолько же сумма накопившихся сближающих сил делает разрыв болезненнее и труднее.

Правда, слияние было вызвано не единством внутренней сущности народов, не имевших ничего общего, кроме греческой веры, а обоюдными государственными интересами двух несоразмерных по величине и могуществу политических единиц. Правда, акт 1801 года никогда не имел действительной юридической силы, так как в его основу не легли ни *bona fides*, ни право завоевателя, ни право наследственного территориального обладания, словом, ни одна из норм, требуемых известными миру положениями международного права. Кроме того, изменение политического облика и психологической сущности России делает акт фактически не существующим, а сила событий, вызвавших декларацию о независимости, окончательно его уничтожает.

Но самый период, прожитый Грузией под его действием, породил, как мы только что видели, ряд сближающих сил. Только эти силы и осложняют вопрос отделения, иначе он просто свелся бы к ликвидации финансовых и правовых, внутренних и внешних счетов, к выработке способа, как распутать долго переплетавшийся узел государ-

ственных и частных интересов. Без этих сил вопрос отделения Грузии был бы только вопросом, *может* ли она отделиться, *позволят* ли ей это сделать, а не вопросом: *вправе-ли* она так поступить? Мы видели, что *вправе* и *de jure*, и *de facto*.

Поэтому только эти силы—и ничто другое—могут определить и определяют те формы, в которые отольются будущие взаимоотношения, их характер и их реальный смысл.

Грузия стала так же свободна и суверенна, как Сербия, как Болгария, как Румыния, освобожденные потоками русской крови, которых не было пролито за Грузию ни до ее инкорпорации, ни после, и русским могуществом, защитившим Грузию от турецкого рабства, не для новой инкорпорации их своею освободительницею, как это было сделано с Грузией, а для самобытного, самоопределяющегося, никому не подчиненного внутреннего и внешнего существования; Грузия стала безусловно нейтральна, как Швейцария, Бельгия, Люксембург; стала в те же взаимоотношения к соседним странам, в каких состоят юраздо более близкие друг другу по общеваллонскому расовому составу Бельгия и Голландия, по скандинавскому Швеция и Норвегия, по германскому—любые из малых германских государств; Грузия образует с новой Россией теснейший, дружеский союз двух несоизмеримых по могуществу и объему, но вполне самостоятельных политических единиц.

На этот исход Грузия имеет все права. Мы их знаем. Имеет все основания. Мы должны их перечислить, резюмируя все, что мы уже сказали.

Грузия заплатила русскому государству за его защиту тем громадным значением, которое в политическом росте России имела грузинская территория, как политическая и военная база, и непоколебимую верностью и беззаветною храбростью грузинского народа во всех боевых столкновениях России с Персией и Турцией не только за соседнюю Армению, за Эривань, Карс, Эрзерум, но и за Сербию, Черногорию, Румынию, Болгарию,—в войнах с далекой Японией, с Германским союзом. Приобретение самой Грузии не стоило России ни одной капли той крови, которую она пролила, хотя бы за бескорыстно освобожденные ею балканские страны. За культурно-просветительную деятельность русское государство получило от Грузии то же, что со всей своей земли за ту же работу. С русским обществом Грузия слилась во всех его стремлениях и достижениях, в его борьбе, в его страданиях и радостях, в его труде, в его ошибках, во всем. Никогда Грузия не пред'являла к России требований о восстановлении хотя бы договора 1783 года, кроме как в первое время после акта инкорпорации, когда она, по своей наивности, по первобытности своего политического мирозерцания, была ошеломлена и оскорблена неожиданным поворотом дела соединения. Но она никогда и не скрывала своей надежды на восстановление национального самоуправления, хотя бы под верховной властью „третьего Рима“, не отрекалась от своей религиозной мечты об „уделе Божьей Матери“. Никогда Грузия не знала ни измены, ни предательства обще-

русскому делу и была последнею из оторвавшихся глыб имперского конгломерата.

И теперь, когда изменяется русская государственная и общественная жизнь, Грузия в праве изменить и те отношения, в которые ее ставила к себе прежняя Россия.

Грузия в праве рассчитывать на распространение на нее провозглашенного в начале войны союзниками России и ею самою принципа самоопределения малых народностей и во имя своего участия в последней борьбе,—участия, поглотившего ее лучшие силы, — и во имя своей многовековой, своей верной „сторожевой службы“, тем более, что грозные глубины Азии еще не сказали своего последнего слова, а Грузия лежит на перепутье между желтой и белой расой, между христианством и религиями Востока. Еще более тяжкое предназначение, если тронутся эти глубины, висит над многострадальной Россией, и все прошлое может поручиться, что Грузия пойдет с ней в братском единении, принесет ей все, что может дать маленькая земля в титанической борьбе на защиту Европы. Но пусть в эту борьбу вступит уже свободный политически, не оскорбленный в своих лучших чувствах Грузин, защищающий свою Грузию, как ворота в Европу, а не губернии, пашалыки или иные административные подразделения той или иной метрополии. Независимая и нейтральная валлонская Бельгия в своем легендарном самопожертвовании решила скорее погибнуть, чем дать германской силе, ей даже близкой по племенному сродству, проникнуть в галль-

скую Францию или англо-саксонскую Британию, с которыми она была связана лишь духовными узами высшей культуры. Едва ли бы героизм этой, тоже „маленькой“, как Грузия, „земли“ мог достичь такой силы напряжения, если бы она была „инкорпорированною“ провинцией Англии или Франции. Очевидно, тот духовный союз, то дружеское единение, которым Бельгия уже более двух веков связана с могучими соседними странами, гораздо прочнее, чем ее бывшая зависимость от бургундского герцога, императора Германского, короля испанского, чем властный протекторат и завоевательные тенденции первых Бурбонов и всех Валуа, в эпохи которых создавалась политическая независимость, тогда еще не разделенных на две страны Нидерландов.

Я привел эту параллель для того, чтобы читатель не мог назвать выражения „дружеский союз“, „духовное единение“ бессодержательными понятиями: вынужденное обстоятельствами, или построенное на насилии присоединение не дает на протяжении истории мира ни одного примера длительности и прочности основанной на нем связи, хотя бы оно даже легализировалось общепринятыми основами тех или иных, отвечающих взглядам эпохи, правовых норм, чего мы не находим в разбираемом случае. Такая связь всегда вызывала судорожные попытки разжать мощные объятия именно со стороны слабейшей из обнявшихся, и эти попытки всегда—как это ни странно — кончались победой слабейшей, а не сильнейшей страны, *если первой не представлялось*

своевременно полной свободы самоопределения, или если степень культуры поработившей страны не была многим ниже культуры поработившей. Свободные же слияния, на основах обоюдных выгод или естественного тяготения, всегда давали единению ту спайку, которую не могли создать никакие поработительные акты, даже гораздо более обоснованные и правовые, чем манифест 1801 года. От римских времен до наших дней мы насчитаем сотни примеров, подтверждающих этот вывод, и не найдем ни одного, его опровергающего. Не даром практическая государственность Англии дает широкую свободу своим колониям с европейской культурой. Эту систему она твердо усвоила после отделения своих американских колоний. Насильственное присоединение вызывает тот же процесс, как заноза: нагноение, боль—и заноза непременно выходит из тела. А иногда ее вырезают стальными инструментами, начиная с иголки. Самыми чудесными, самыми разнообразными приемами история осуществляет этот закон. Какой смелый политический фантазер мог предвидеть пять лет назад свободную и единую Польшу 1919 года?

Все эти доводы лежат в плоскости традиционных политических кон'юктур и правопонятий, или уже сданных многими в архив, или предназначенных к сдаче и, во всяком случае, мало убедительных для сторонников идеи интернационала и всяких новых форм и группировок человечества на классовых, а не национальных и племенных началах. *Не касаясь совершенно* не только содержания этих форм или степени их осуществи-

мости при современном уровне человеческой личности в качестве материала, из которого можно строить новое здание, или современного соотношения реальных сил, но даже не затрагивая вопроса о том, как скоро возможна мировая реализация этих стремлений,—мы должны признать, что нельзя вести в новый мир людей, глубоко чувствующих на себе иго старого рабства, людей, которые ясно сознают, что они входят в трудовое братство народов, лишённые своего облика, притягиваются к нему теми же тяжкими цепями принуждения, или крепкими поводками более или менее фиктивно-правовых актов обладания, какими притягивались к отжившему миру метрополий и провинций, полицейских государств и всяческого абсолютизма. Пусть английский, русский, германский, какой угодно пролетариат отнесется к пролетариату грузинскому так же, как к французскому, итальянскому, всякому пролетариату *свободной* страны,—и если всеветному объединению трудящихся масс суждено создать свой новый мир—пусть этот мир не знает пролетариата страны, которая за свою свободу билась всю свою жизнь и за это входит в „великий город“ так, как в Рим входили сопровождавшие триумфальную колесницу победителя покоренные народы.—Грузия боролась за свободу России от внутреннего гнета вместе с нею не для того, чтобы свободная Россия привела ее подузды в царство свободы. Она сама войдет в него по своей воле, если захочет. Это ее право, она дорого за него заплатила и не может его уступить.

Какие бы силы не одержали верх в приближающемся решительном для мировых судеб Конгрессе народов, в каком бы освещении ни предстал вопрос о национальном праве, Грузия имеет все основания настаивать на своей полной независимости. Что она сделает с нею, в какие отношения она захочет стать к остальному миру, как она справится с тем, что кругом нее—все же старая Азия, что и в ней самой еще много Азии, какую форму своего внешнего облика она изберет, какое содержание социальных взаимоотношений волеет в нее—все это ее личное дело, дело ее державных прав над своею судьбою. Но можно быть твердо увереннымъ, что независимая Грузия, обеспеченная в своем нейтралитете, во много раз теснее сблизится с великою своею союзницею Россией, какую бы форму она ни приняла, чем некогда слилась с Российскойю *метрополией* в качестве ее окраинной провинции, и что для Европы Грузия будет за Кавказским хребтом верным стражем той высшей культуры, к которой она, наконец, приобщилась крестным путем великого прохождения.

Я знаю, что ни слова, самые убежденные, самые доказательные, ни доводы, самые объективные и всесторонние, даже не признанные в теории неоспоримыми принципы высшей, абсолютной справедливости, решают международные коллизии и комбинации. Но я думаю, что Конгресс обязан выработать такие общие нормы, которые, наконец, облегчат измученное кровью и несправедливостью человечество. Иначе, полное озверение мира заме-

нит собою даже те слабые проблески его вековечных идеалов, которые разгорались все ярче и ярче последние 1½ века. Эти нормы не могут быть построены иначе, как на этих принципах, которым должны уступить место утилитарные комбинации эгоистических интересов. Мир с негодованием вспоминает фразу — *apres moi le déluge*, но, по чистой совести, надо признаться, что и в вождях человечества, и в целых народах жив дух этой фразы. Великий стихийный эгоизм, ее вызвавший, связан со всякой победившею силою, со всяким деспотизмом—и индивидуальным и массовым. Целый народ может проявить перед идеями, без которых немыслима жизнь человечества, такое же циничное равнодушие, как любой Вильгельм или Атилла. Людовик XV может равнодушно глядеть на потоп, который хлынет после него, Вильгельм на тот, который зальет Бельгию, Сербию, Францию, всех, кто мешает Германии быть *über alles*, а любая великая держава, или любой давящий класс—будь то класс военной шинели, чиновничьего виц-мундира, капиталистической визитки или рабочей блузы—на тот потоп, который хлынет на чуждые ему народы или классы. „Человека забыли“, а, кстати, и человечество... Происходит только смена давящих сил.

Очищенные морями пролитой крови люди должны найти противовес этому эгоизму. Невольно верится, что именно великий мировой Совет установит великие нормы справедливости ближайшего будущего. И эти нормы несомненно покроют собою все те вопли о правде, которые несутся со всех

сторон, со стороны могущественных стран и классов с тою же силою, с какою они звучат из глубин „маленьких земель“, из груди измученных людей.

В этот Совет войдут и представители Грузинского народа: помимо его морального права на это участие, за него говорит и то, что вокруг Черного моря сосредоточены именно те страны, которые занимают одно из первейших мест в списке неотложных вопросов, подлежащих урегулированию для того, чтобы погасить старый очаг европейских пожаров. Несомненно и то, что представителями Грузии будут люди, неразрывно связанные и хорошо знакомые с ее жизнью и потребностями, с условиями, без которых немыслимо ее существование. Еще несомненнее, что эти люди в полной мере принимают на себя великую ответственность перед всем грузинским народом за все его будущее во имя его трагического, но не запятнанного прошлого. Эта ответственность возвысит их над партийными символами веры, укрепит их души и государственный разум в великой борьбе за свободу Грузии, за ее достоинство, за реализацию ее исторических грёз.

Кн. А. Сумбатов.

Москва.

1 Января 1919 г.

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ
ՊԱՐԾԱԳՐԱԿԱՆ
ՍԵՆՏՐԱԼԻ